

АНГЛИЯ, АНГЛИЯ

ВОСХИТИТЕЛЬНО!.. РАЗИТ НАПОВАЛ… БАРНС ПЛЕННЫХ НЕ БЕРЕТ.
INDEPENDENT

ДЖУЛИАН БАРНС

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ БЕСТСЕЛЛЕР·ЧИТАЕТ ВЕСЬ МИР

Англия, Англия
Джулиан Барнс

Аннотация
Джулиан Барнс. Англия, Англия
1: Англия
2: Англия, Англия
  Часть первая
  Часть вторая
  Часть третья
3: Ингленд

Аннотация

Джулиан Барнс – один из самых ярких и оригинальных прозаиков современной Британии, лауреат Букеровской премии 2011 года за роман «Предчувствие конца», автор таких международных бестселлеров, как «Артур и Джордж», «Попугай Флобера», «История мира в 10 1/2 главах», «Любовь и так далее», «Метроленд» и многие другие. Возможно, основной его талант – умение легко и естественно играть в своих произведениях стилями и направлениями. Тонкая стилизация и едкая ирония, утонченный лиризм и доходящий до цинизма сарказм, агрессивная жесткость и веселое озорство – Барнсу подвластно все это и многое другое.

В романе «Англия, Англия» – вошедшем, как и многие другие книги Барнса, в шортлист Букеровской премии, – автор задается вопросом: что же такое эта настоящая Англия? Страна романтичных легенд о Робин Гуде? Страна, давным-давно отжившая свое и носящая чисто орнаментальный характер монархии? Страна двух неоспоримых

и вечных достоинств – «Битлз» и хорошего пива? Неизвестно, сколько ангелов может поместиться на острие иглы, но доподлинно известно, что вся Англия может поместиться на острове Уайт. Ибо именно на этом острове собирается в тематическом парке все, что олицетворяет в глазах целого мира добрую старую Англию, Англию...

Джулиан Барнс
Англия, Англия

Посвящается Пэт

Барнс не только самый умный игрок на нашей литературной сцене, но, как показывает «Англия, Англия», еще и самый трогательный.
Sunday Times

Блестящая фантазия, достойная пера самого Свифта.
Economist

Здесь не только искрометная сатира, но и убийственно точный анализ нашей зависимости от иллюзий.
Wall Street Journal

После десятков корявых, слюнявых, невнятных и убитых переводом романов редко редко попадается мне книжка, о которой я грезил, бывало, по **полгода**– Блистательный Английский Роман. Вот **он**– остроумный, легкий, трогательный, **изумительно сложенный** и мало того **что** английский, так еще и про саму суть английскости (впрочем, все Блистательные Английские Романы – про это). «Англия, Англия» – настольная книга англофила, энциклопедия мифов об Англии,

ревизия английскости, убийственно остроумная и феноменально точная, <…> «Англия, Англия» – **это** еще и маневр вдоль берегов англоязычной литературы, в ходе которого изо всех орудий обстреливается не только Шекспир, «Озерная школа» и прочие **теннисоны,** но и Джойс, например. Да-да, «Англия, Англия» – еще и английский «Улисс», причем гораздо остроумнее ирландского. Все осталось по-прежнему со времен Стерна – тотальное доминирование в мировой литературе. Правь, Британия, морями.

Лев Данилкин (Афиша)

1: Англия

— Какое у тебя самое первое воспоминание? — спрашивал кто-нибудь.

И всякий раз она отвечала:

— Я его не помню.

Обычно собеседник решал, будто она шутит; некоторые принимали шутку на свой счет и обижались. Но она говорила абсолютно серьезно. Как на духу.

— Да-да, по себе знаю, — отзывались утешители, всегда готовые разъяснить и упростить. — Из-за всякого самого первого воспоминания выглядывает другое, еще более раннее, но выудить его невозможно.

Опять мимо; она-то подразумевала совсем другое. Первое воспоминание не чета первому лифчику, или первому мальчику, или первому поцелую, или первому совокуплению, или первому браку, или первому ребенку, или первой смерти родителя, или первой внезапной догадке, что человек на этом нашем свете обречен, убог и сир. Первое воспоминание — совсем другое дело. Не путайте его с твердыми, хватабельными вещами.

Конечно, даже вещи время может с течением лет приукрасить (кропотливо и иронично, как только оно умеет), присобачивая всякие эффектные детали: шифоновый лоскуток тумана, грозовую тучу, диадему, — но бесследно исключить вещь из инвентарной описи... нет, такое времени не по плечу. Воспоминание — уже по определению не вещь, воспоминание — это... воспоминание. В данном случае — воспоминание о чуть более раннем воспоминании о предшествующем воспоминании об очень давнем воспоминании. Итак, люди четко помнят некое лицо, колени, на которых подпрыгивали, весенний лужок; собаку, бабушку, плюшевую зверюшку, которую слюнявили и жевали, пока не отгрызли ей ухо; они помнят коляску, как выглядит мир из коляски, как упали из коляски и стукнулись головой о перевернутый цветочный горшок, который подставил брат, чтобы, взобравшись на этот пьедестал, увидеть новоиспеченного родственничка (правда, много лет спустя у них появляются подозрения, что брат нарочно разбудил их и стукнул головой о горшок в приступе первобытной братоубийственной зависти...). Все это люди помнят уверенно и однозначно, но чем бы ни были эти первые воспоминания — чужим

рассказом, благостной фантазией или подспудно спланированной попыткой ухватить слушателя двумя пальцами за сердце и, ущипнув, оставить синяк, из которого разовьется гематома любви, — каковы бы ни были их причины и следствия, она им не верила. Марте Кокрейн было суждено прожить долгую жизнь и за все эти годы ни разу не встретить первого воспоминания, которое не показалось бы ей ложью.

И потому она сама тоже лгала.

Ее первое воспоминание, рассказывала она, вот какое: она сидит на кухонном полу, покрытом циновкой из рафии, слабого плетения, дырчатой такой — эти дырки можно было расширять, засовывая в них ложку, и получать за это по шее, — чувствует себя в полной безопасности, потому что где-то на заднем плане вполголоса напевает мама — за стряпней она всегда пела старые песни, а не те, которые в другое время любила слушать, и даже сейчас, если, включив радио, Марта слышит «Ты просто блеск», или «Соберемся у реки», или «Ночью и днем», она тут же ощущает запах крапивного супа или жареного лука, ну не странное ли дело? — да, ведь была и такая, «Странное, странное, самое странное дело — любовь», которая всегда означала для нее

моментально очищенный и выжатый в чашку апельсин, — а вокруг, разложенный на циновке, валяется ее пазл «Графства Англии»: мама, решив ей помочь, собрала всю внешнюю часть и море, и на ее долю остался незаполненный контур страны, чудной кусочек циновки, немного похожий на толстобрюхую старушку, сидящую вытянув вперед ноги на скамейке: ноги — это был Корнуолл, хотя, разумеется, это она теперь додумывает, она и слова такого не знала, «Корнуолл», или какого цвета деталь, да вы сами знаете, как дети обращаются с головоломками — просто хватают первую попавшуюся деталь и силятся затиснуть в проем, так что она наверняка сгребла Ланкашир и попыталась навязать ему роль Корнуолла.

Да, это и было оно, ее первое воспоминание, ее первая искусно и невинно смонтированная ложь. И часто отыскивался человек, у которого в детстве был тот же пазл, и начинался добродушный спор: с какой детали обычно начинали — как правило, это был Корнуолл, но иногда Гемпшир, потому что Гемпшир с прицепом из острова Уайт выдавался в море и его дырка легко опознавалась, а после Корнуолла или Гемпшира шла Восточная Англия, так как Норфолк и Суффолк сидели друг у друга на голове, как брат с сестрой, или прижимались

друг к дружке, как муж с женой, совокуплялись лежа, взгромоздившись один на другого, — также их можно сравнить с половинками лесного ореха. Затем — Кент, предостерегающе указующий то ли пальцем, то ли носом на Континент — берегитесь, туземцы начинаются с Кале! Оксфордшир, который, заигравшись в ложки с Бекингемширом, давит Беркшир в лепешку; Ноттингемшир и Дербишир — точно лежащие бок о бок морковки или сосновые шишки; гладкий, как морской лев, силуэт Кардигана. Они припоминали, что большинство крупных, ясных-понятных графств было по краям, и когда их рассуешь, в середине остается обескураживающая лужица для всяческой странно очерченной мелкоты, и вечно забываешь, куда девать Стаффордшир. А затем они пытались вспомнить цвета графств, которые в детстве казались такими же важными, как имена, а теперь, сто лет спустя... Корнуолл был, кажется, розовато-лиловый, а Йоркшир — желтый, а Ноттингемшир — коричневый, или это Норфолк был желтый, если только я его не путаю с братом Суффолком?

Воспоминания такого сорта при всей их неточности были менее лживы.

Но вот другое, думала она, может быть, и

правдивое, необработанное воспоминание: она поднялась в своем развитии с кухонного пола до кухонного стола, и ее пальцы теперь проворнее перекладывали графства, были аккуратнее и честнее — не пытались силой сделать из Сомерсета Кент, — и она обычно вставляла прибрежные детали по порядку, по кругу: Корнуолл, Девон, Сомерсет, Монмутшир, Гламорган, Кармартен, Пемброкшир (поскольку Англия включала в себя и Уэльс, толстое брюхо старушки) — и так вновь до Девона, а потом заполняла остальные дырки, оставив на закуску капризные Центральные графства... И вот, разложив по местам все детали, какие были, она обнаруживала: одной не хватает. Как правило, то была одна из нижеперечисленных: Лестершир, Дербишир, Ноттингемшир, Уорикшир или Стаффордшир, и потому Марту захлестывало чувство отчаяния, поражения в бою, разочарования в этом несовершенном мире, пока папа, который в этот момент непременно болтался где-то неподалеку, не находил потерянное графство в самом неожиданном месте. Что забыл Стаффордшир в кармане папиных брюк? Как он туда забрался? Она, случайно, не заметила, как Стаффордшир туда скакнул? А может, его там кошка спрятала? А она, твердя «не-а» и мотая го-

ловой, улыбалась ему, потому что Стаффордшир нашелся и в ее головоломке, в ее Англии, в ее сердце больше не зияет ни одной дыры.

Воспоминание было подлинное, но Марта все равно сомневалась; подлинное-то подлинное, но как насчет необработанности? Марта знала, что эта сцена произошла в реальности, потому что она повторялась несколько раз; и, слившись, все эти конкретные инциденты утратили свои отличительные черты, которые ей теперь приходилось выдумывать из головы, вроде того случая, когда отец выходил под дождь и вернул ей Стаффордшир размокшим или когда он загнул угол Лестершира. Детские воспоминания — это сны, которые остаются с тобой после пробуждения. Сны ты смотрела всю ночь или в течение долгих, солидных отрезков ночи, и, однако, проснувшись, обнаруживаешь, что у тебя осталось лишь воспоминание о том, как тебя покинули или предали, поймали в ловушку, бросили на ледяной равнине; а иногда вообще ничего — лишь гаснущий отблеск чувств, вызванных забытыми событиями.

Был и еще один резон для недоверия. Если воспоминание — не вещь, но воспоминание о воспоминании о воспоминании, череда отража-

ющихся друг в друге зеркал, тогда рассказ твоего мозга о том, что, по его утверждению, когда-то имело место, будет окрашен всем произошедшим за истекший период. Так вспоминает свою историю любая страна: не бывает прошлого как такового, прошлое — это то, на фоне чего современный период может считаться вполне нормальной эпохой. Это верно и для индивидов, хотя в их случае процесс преобразования реальности, очевидно, не столь прямолинеен. Те, кто разочаровался в жизни, что они вспоминают — идиллию или, наоборот, то, что оправдывает неутешительный финал их биографий? А те, кто доволен своей жизнью, возвращаются ли они в мыслях к былому изобилию или же к мигу героического преодоления красивых препятствий? Между человеком внутренним и человеком внешним всегда затесывается посредник — отдел продаж и маркетинга, ведомство пропаганды.

Хронический самообман здесь тоже налицо. Ибо даже если ты раскусила все эти фокусы, постигла развращенность и коррумпированность структуры под названием «память», на дне твоей души все равно живет вера в эту непорочную, неподдельную вещь — да, вещь, которую ты именуешь воспоминанием. В университете Марта

сдружилась с Кристиной, девушкой из Испании. Общая история их стран — по крайней мере, ее спорный период — была отделена от современности несколькими веками; но все равно, когда, дружески подначивая Марту, Кристина заявила: «Фрэнсис Дрейк был пират», Марта возразила: «Ничего подобного», так как знала: он был Английский Герой, Сэр и Адмирал, а следовательно, Джентльмен. Когда же Кристина, посерьезнев, повторила: «Он был пират», Марта сочла эту фразу необходимым, утешительным измышлением побежденных. Позднее она нашла Дрейка в одной английской энциклопедии, и хотя слово «пират» в статье не фигурировало, термины «капер» и «добыча» встречались часто; Марта отлично понимала, что «капера, который вернулся с богатой добычей», кто-нибудь да назовет «пиратом», и все равно сэр Фрэнсис Дрейк остался для нее Английским Героем, не осквернённым ее новыми познаниями.

Итак, оглядываясь на свою жизнь, она видела четкие и важные воспоминания, которым не доверяла. Что может быть ярче и памятнее того дня на сельскохозяйственной выставке? День игривых облаков на чопорной синеве. Родители осторожно взяли ее за руки и подкинули вы-

соко в небо; когда же она приземлилась, купы травы запружинили под ногами, как трамплин. Белые павильоны с полосатыми портиками, построенные не менее добротно, чем дома викариев. За ними — холм, с которого беззаботные замурзанные животные глядели свысока на своих холеных взнузданных родичей на выставочной арене в ложбине. Запах из черного хода пивного павильона, когда усилилась жара. Очереди к общественным туалетам и запах, мало отличавшийся от пивного. Картонные беджи распорядителей, свисающие с пуговиц клетчатых рубашек из искусственной фланели. Женщины, расчесывающие шелковистую шерсть коз, мужчины, гордо катящие на тракторах-ветеранах, ревущие дети, падающие с пони, пока на заднем плане проворные фигуры заколачивают дыры в заборе. Работники «Скорой помощи Святого Иоанна», ожидающие, пока кто-нибудь упадет в обморок, свалится с каната или схватится за сердце; ожидающие беды.

Но ничего плохого не случилось — только не в тот день, только не в ее воспоминании о том дне. И много десятилетий она хранила брошюру со списками — эту странную поэму, которую выучила почти наизусть. «Реестр номинаций

премии приходского сельскохозяйственно-садоводческого общества». Всего-то две дюжины страниц в красном бумажном переплете, но для Марты — нечто несравнимо большее: книжка с картинками, хотя в ней содержались лишь слова; фермерский альманах на круглый год; травник аптекаря; волшебная шкатулка — суфлерский экземпляр ее памяти.

Три морковки – длинные.
Три морковки – короткие.
Три репы – форма произвольная.
Пять картофелин – продолговатые.
Пять картофелин – круглые.
Шесть штук фасоли обыкновенной.
Шесть штук фасоли огненно-красной.
Девять штук фасоли карликовой.
Шесть шарлотов – крупные красные.
Шесть шарлотов – маленькие красные.
Шесть шарлотов – крупные белые.
Шесть шарлотов – маленькие белые.
Овощи – коллекция-ассорти. Шесть разных родов. Цветную капусту выставлять строго со стеблями.
Поднос с овощами. Поднос разрешается украсить, но исключительно петрушкой.

20 колосьев пшеницы.

20 колосьев ячменя.

Кусок дерна со вновь засеянного пастбища в помидорном ящике.

Кусок дерна с постоянного пастбища в помидорном ящике.

Обследованных ветеринаром коз необходимо вести на узде, ПОСТОЯННО сохраняя двухъярдовую дистанцию между ними и необследованными козами.

Все выставляемые козы должны быть самками.

Козы, выставляемые по номинациям 164 и 165, должны прежде выносить козленка; козленком считается детеныш козы с рождения до двенадцатимесячного возраста.

Банка варенья.

Банка джема фруктового жидкого.

Банка сыра лимонного.

Банка желе фруктового.

Банка лука маринованного.

Банка майонеза сливочного.

Корова фризская дойная.

Корова фризская стельная.

Телка фризская дойная.

Телка фризская неразвязанная, у которой видно не более 2 резцов.

Особей крупного рогатого скота, обследованных на туберкулез и признанных здоровыми, необходимо вести на узде, ПОСТОЯННО сохраняя трехъярдовую дистанцию между ними и необследованными особями.

Не все слова Марта понимала, а правила вообще оставались непостижимы, но в списках — в их спокойной упорядоченности, в их полноте — было нечто, пробуждавшее в ней чувство удовлетворенного спокойствия.

Три георгина, декоративные, более 8 д. – в трех вазах.

Три георгина, декоративные, 6–8 д. – в одной вазе.

Четыре георгина, декоративные, 3–6 д. – в одной вазе.

Пять георгинов, мини-шар.

Пять георгинов «Помпон», менее 2 д. в диаметре.

Четыре георгина кактусовых, 4–6 д. – в одной вазе.

Три георгина кактусовых, более 8 д. – в

трех вазах.

Весь мир георгинов охвачен. Ничто не осталось неучтенным.

Надежные руки родителей раскачивали ее до самого неба. Она шла между отцом и матерью по дощатым настилам, под парусиновыми тентами, сквозь горячий, пропахший травами воздух; с авторитетностью творца она зачитывала вслух строки из своей книжечки. Ей казалось, что лежащие перед нею экспонаты смогут существовать по-настоящему, лишь когда она назовет их по именам и распределит по категориям.

— А тут что такое, мисс Мышка?

— Два семь ноль. Пять яблок для варки.

— Похоже на правду. Действительно, пять штук. Интересно, какой они формы.

Марта вновь справлялась с брошюрой.

— Форма произвольная.

— Отлично-отлично. Яблоки для варки произвольной формы — запомни, потом спросим в лавке. — Он делал серьезное лицо, но мать всякий раз начинала смеяться и совершенно без всякой надобности поправлять Марте волосы.

Они видели овец, зажатых между ногами огромных, с литыми бицепсами мужчин и осво-

бождаемых из своих шерстяных дорожных пальтишек одним кратким «ж-ж-ж» летучих ножниц; в проволочных клетках сидели взволнованные кролики, такие огромные и чисто отмытые, что казались ненастоящими; затем шли «Парад крупного рогатого скота», «Конкурс на лучший маскарадный костюм для наездника» и «Бега терьеров». Внутри душных палаток — пироги на сале, ячменные лепешки, эклсские слойки и блинчики с сиропом; яйца по-шотландски, располовиненные, как аммониты; пастернак и морковь ярдовой длины с тонкими, как свечные фитильки, кончиками; блестящие луковицы, связанные бечевками за шейки, чтобы не убежали; наборы из пяти яиц и шестого, надбитого, выложенного на отдельную тарелку для судьи; разрезанная свекла — с годовыми кольцами, как у деревьев.

Но лишь фасоль мистера Э. Джонса озарила ее душу — и тогда, и позже — и доселе продолжает озарять, как святые мощи. За первое место давали красные карточки, за второе — синие, а за поощрительный приз — белые. Все красные карточки за всю фасоль собрал мистер Джонс. «Девять штук фасоли огненно-красной — форма произвольная», «Девять штук фасоли вьющейся — круглые»,

«Девять штук фасоли карликовой — плоские», «Девять штук фасоли карликовой — круглые», «Девять штук фасоли обыкновенной белой», «Девять штук фасоли обыкновенной зеленой». Также он получил премию за «Девять стручков гороха» и «Три морковки — короткие», но они Марту уже не заинтересовали. Потому что с фасолинками мистер Джонс проделал один фокус. Он разложил их на лоскутах черного бархата.

— Совсем как витрина ювелира, правда, милая? — сказал ее отец. — Кто хочет новые серьги?

Он потянулся к «Девяти карликовым фасолинкам — круглым» мистера Э. Джонса, мать захихикала, а Марта сказала: «Не надо», довольно громко.

— Ну хорошо, мисс Мышка. Не надо так не надо.

Зря он это сделал, даже если и не взаправду. Не смешно. Мистер Э. Джонс умел показать фасолинку с самой лучшей стороны. Ее цвет, ее пропорции, ее сглаженность. А девять фасолинок — красивее в девять раз.

В школе они декламировали нараспев. Они сидели по четверо в ряд, одетые в зеленую форму, совсем как фасолинки в стручках. Восемь ног — круглые, восемь ног — короткие, восемь ног

— длинные, восемь ног — произвольной длины.

Каждый день начинался с религиозных декламаций, которые Марта Кокрейн фальсифицировала. Затем шли сухие иерархические декламации из области математики и туманные поэтические. Но самыми странными и пылкими были декламации по истории. Здесь в них воспитывали горячую веру, которая была бы неуместна на утреннем молитвенном собрании. Религиозные декламации произносились невнятной скороговоркой; но на истории мисс Мейсон — жирная, как курица, и старая, как несколько веков, — руководила ритуалом, словно величавая жрица, задавала ритм, дирижировала своими певчими.

> До Рождества Христова пятьдесят пять (хлоп-хлоп в ладоши)
>
> Римляне Англию пришли завоевать.
>
> Один ноль шестьдесят шесть (хлоп-хлоп) Битва при Гастингсе, Гарольд погиб.
>
> Один два пятнадцать (хлоп-хлоп) Хартия Вольностей дарована нации.

Эта, последняя, строчка ей всегда нравилась — легко запоминалась из-за рифмы. «Один восемь пятьдесят четва (хлоп-хлоп) Разразилась

Крымская война (хлоп-хлоп)» — именно так они всегда выговаривали, сколько бы мисс Мейсон их ни поправляла. И так декламация продолжалась вплоть до:

> Один девять сорок (хлоп-хлоп) Битва за Британию.
>
> Один девять семьдесят четыре (хлоп-хлоп) Британия вступила в Общий рынок в Риме.

Мисс Мейсон выводила их из стародавней древности и возвращала в ту же точку, от Рима к Риму, назад к истокам. Таким образом, она устраивала для их умов разминку — добивалась податливости. Затем она начинала рассказывать истории о рыцарстве и славе, чуме и голоде, тирании и демократии; о королевской роскоши и достоинствах здравого индивидуализма; о святом Георге, небесном покровителе Англии, Арагона и Португалии, а также защитнике Генуи и Венеции; о сэре Фрэнсисе Дрейке и его героических плаваниях; о Боадицее и королеве Виктории; о местном сквайре, который побывал в Крестовых походах, а теперь, обратившись в камень, покоится в приходской церкви подле своей жены, положив ноги на собаку. Они слушали, навострив уши, потому

что если мисс Мейсон была ими довольна, в конце урока она опять переходила к декламациям — но уже иным. Нужно было по событию назвать дату; бывали вариации, импровизации и подковырки; слова увертывались и прятались, но класс отчаянно цеплялся за обрывок ритма. «Елизавета и Виктория» (хлоп-хлоп-хлоп-хлоп), и они отвечали «1558 и 1837» (хлоп-хлоп-хлоп-хлоп). Или (хлоп-хлоп) «Вулф в Квебеке» (хлоп), и надо было ответить (хлоп-хлоп) «1759» (хлоп). Или вместо подсказки «Пороховой заговор» (хлоп-хлоп) мисс Мейсон подсовывала «Гай Фокс — живым был взят» (хлоп-хлоп), и нужно было подобрать рифму, «Один шесть ноль пять» (хлоп-хлоп). Она таскала их туда-сюда по двум тысячелетиям, и история из упрямого, постепенного продвижения вперед превращалась в ряд ярких, стремящихся затмить друг друга моментов, в фасоль на черном бархате. Много времени спустя, когда в ее жизни произошло все, чему было предначертано произойти, Марта Кокрейн все еще слышала хлопки мисс Мейсон, когда встречала в книге какое-нибудь имя или дату. Бедный Нельсон в битве пал, Трафальгар 1805, Эдуард Восьмой расплатился за свое увлечение, 1936, отречение.

Джессика Джеймс, подруга и христианка, сиде-

ла сзади нее на истории. Джессика Джеймс, ханжа и предательница, сидела перед ней на собрании. Марта была умная девочка, а следовательно, в Бога не верила. За утренней молитвой, крепко зажмурив глаза, она молилась не так, как все, а:

Потчуй кашей иже неси нам на всех,

Да свари'тся вымя твое,

Да убудет лекарствие твое,

Да будет школа твоя на Сене, там, где Орли.

Хлеб ваш не нужен – дождь нам взвесь,

И оставь вигвам, стог и чаши, якоже мы

оставляем скворушкам кашки;

И поведи нас в цирк Шеннона, но убавь

насос плюгавого.

Яко твои есть лекарство, лилии, сказка,

Ныне, и присно, навеки век опрокинь.

Одна-две строчки, по ее мнению, не очень-то удались, но она над ними работала. Стишок не казался ей богохульным — ну разве что место насчет вымени. Кое-что она считала довольно-таки

красивым: кусочек про лекарство, лилии и сказку почему-то всегда воскрешал в ее памяти «Девять штук фасоли вьющейся — круглые», которые Бог, если бы он существовал, почти непременно бы одобрил. Но Джессика Джеймс ее выдала. Нет, она поступила умнее: подстроила так, что Марта выдала сама себя. Однажды утром, по знаку Джессики, все вокруг Марты умолкли, и отчетливо послышался одинокий голос, торжественно призывающий взвесить дождь, оставить вигвам, стог и чаши и повести в цирк Шеннона; тут, открыв глаза, она уткнулась взглядом в шарнирные плечи, куриную грудь и горящие христианским гневом глаза мисс Мейсон, которая сидела на молитве с ее классом.

До конца учебного года ее заставляли выходить вперед и молиться громко, чтобы за ней повторяла вся школа, произносить слова отчетливо, имитировать горячую веру. Вскоре Марта обнаружила, что получается у нее очень даже неплохо; уверовавший во Христа заключенный, она доказывала совету по условно-досрочному освобождению, что дочиста отмыла свою душу от грехов — не соблаговолят ли они поразмыслить на досуге насчет амнистии? И чем настороженнее становилась мисс Мейсон, тем больше удоволь-

ствия получала Марта.

Ее начали отзывать в сторонку для разговора по душам. Спрашивали, чего она добивается своим смутьянством. Говорили, что для ее поведения есть особое слово — «умничать». Советовали: дескать, цинизм, Марта, — это родной брат одиночества. Надеялись, что она все-таки не зарвется. А также намекали — кто тонко, кто не очень, — что семья Марты не похожа на другие, но испытания даются человеку, дабы он выходил из них с честью, и всякий — сам строитель своего характера, так уж заведено.

Как можно «строить характер», она не понимала. Характер — это ведь то, что у тебя уже есть, в крайнем случае то, что меняется из-за происходящего с тобой, — вот ее мама, к примеру, теперь стала жестче и раздражительнее. Разве человек может сам построить свой характер? В поисках ответа она рассматривала деревенские каменные ограды: каменные блоки, а между ними — известка, а увенчана стена остроугольными кусками кремня, которые и означают, что ты выросла, построила себе характер. Чушь какая-то. На фотографиях Марта всегда морщила лоб над тайнами мироздания, надув нижнюю губу, намертво сдвинув брови. Что это было —

неодобрение окружающей действительности, проявление ее неудобного «характера»? Или же дело было совсем в другом — что ее матери (когда та сама была маленькой девочкой) сказали, будто фотографировать надо, обязательно встав правым боком к солнцу?

В любом случае тогда у нее были дела поважнее, чем строительство характера. Спустя три дня после сельскохозяйственной выставки — и это уже было правдивое, бесхитростное, необработанное воспоминание, в котором Марта не сомневалась... практически не сомневалась, — Марта сидела за кухонным столом; мать готовила, хотя и не напевала, и Марта это помнила — нет, знала, она достигла возраста, когда воспоминания отвердевают до степени факта, — итак, ее мать молча возилась у плиты, и это был факт, Марта собрала свой пазл до конца, и это был факт, в пазле оставалась дырка размером с Ноттингемшир, через которую виднелись разводы на деревянной столешнице, и это был факт, отца на заднем плане не было, и это был факт, Ноттингемшир находился в отцовском кармане, и это был факт, она подняла глаза, и это был факт, с подбородка матери капали в суп слезы, и это был факт.

Защищенная прочными стенами своей детской

логики, она осознала, что маминым объяснениям верить не следует. Она даже глядела слегка свысока на эту непонятливость и слезы. Для Марты все было просто, проще не бывает. Папа ушел искать Ноттингемшир. Думал, он лежит в кармане, а потом посмотрел — оказывается, нет. Вот почему он не улыбался ей с высоты своего гигантского роста и не сваливал вину на кошку. Он знал, что нельзя подвести дочку, вот и пошел разыскивать пропажу, но дело оказалось долгое. Вскоре он вернется, и все наладится.

Позднее — и это «позднее» настало слишком быстро — ужасное чувство вошло в ее жизнь, чувство, которое она пока не умела выразить словами. Внезапное, логичное, в рифму (хлоп-хлоп) объяснение причин ухода папы. Это она, она сама потеряла деталь, она потеряла Ноттингемшир, засунула куда-то и забыла, а может, оставила там, где им завладел вор, и потому ее отец, который любил ее, который говорил, что любит ее, всегда боялся ее подвести, в жизни не хотел, чтобы мисс Мышка дула губки как на крупу, ушел искать деталь пазла, и поиски эти — если верить книгам и рассказам — отнимут ужас сколько времени. Возможно, отец вернется лишь через много-много лет, за это время у него отрастет борода, и в ней

будет искриться снег, и лицо у него будет — как там пишут? — заостренное от недоедания. И все из-за нее, из-за ее неосторожности или глупости, из-за нее исчез отец и горюет мать, поэтому она никогда больше не должна совершать неосторожностей или глупостей — ведь ничем хорошим они не кончаются.

У кухни, в коридоре, она нашла дубовый листок. Отец всегда приносил в дом листья на подошвах. Говорил: потому что торопится поскорее вернуться, ему вечно не терпится увидеть Марту. Мама всегда раздраженно говорила ему, что нечего перед ребенком заискивать — Марта преспокойно подождет, пока он вытрет ноги. Сама Марта, боясь рассердить маму, всегда старательно вытирала ноги, весьма гордясь при этом своей смышленостью. А теперь у нее на ладони лежал дубовый листок. С зубчатыми краями, совсем как деталь пазла, — и на миг у нее полегчало на душе. Это был знак, или совпадение, или еще что-нибудь: если она сбережет этот листок как память о папе, тогда он сбережет Ноттингемшир и вернется. Ничего не говоря маме, она спрятала листок в тонкую красную брошюру с сельскохозяйственной выставки.

Что до Джессики Джеймс, подруги и преда-

тельницы, со временем представился шанс отомстить, и Марта воспользовалась им. Она ведь была не христианка; так что всепрощение в список ее достоинств не входило. Джессика Джеймс, с глазками-пуговками, поросячьими и благочестивыми, с голосом как заутреня, Джессика Джеймс, чей отец никогда не исчезнет, начала ходить с высоким, нескладным мальчиком; руки у него были красные и влажно-дряблые, невнятные, точно мясной фарш. Как его звали, Марта скоро забыла, зато руки запомнила. Будь Марта постарше, она бы решила, что самое жестокое — это не мешать Джессике Джеймс и ее мордатому ухажеру: пускай гордятся собой, целуясь коленками, покамест не пойдут к алтарю мимо крестоносца, положившего ноги на собаку, пускай они в обнимку скроются за горизонтом, соединенные узами на всю оставшуюся жизнь.

Но до такой изощренности Марте было еще далеко. Вместо этого Кейт Беллами, подруга и тайная союзница, дала мальчику знать, что Марта, возможно, решит, что с ним стоит ходить, если он согласен пожертвовать худшим ради лучшего. К тому времени Марта уже открыла, что может завлечь практически любого парня при том условии, если сама им не увлечена. Остава-

лось обсудить варианты дальнейших действий. Можно было просто-напросто увести мальчика и пофасонить им немножко, унизив Джессику Джеймс перед всей школой. Или лучше разыграть маленькую комедию: Джессика Джеймс приглашается Кейт на невинную прогулку, и по чистой случайности они забредают в место, где накрахмаленное некрупное сердечко Джессики вдребезги разбивается при виде пальцев-фрикаделек, ласкающих нежную грудь.

Марта, однако, предпочла самую жестокую — и одновременно наименее трудоемкую месть. Кейт Беллами, с ее невинным голоском и черным сердцем, убедила мальчика, что в душе Марты наверняка проснется настоящая любовь к нему — как только она его получше узнает, — но поскольку к делам любовным и всему прочему, связанному с личной жизнью, она относится очень серьезно, то его единственный шанс — безвозвратно и прилюдно порвать с мисс Благочестие. Поразмыслив и покоптившись на огне желания несколько дней, мальчик выполнил условие, и Джессику Джеймс — о, сладостная картина воздаяния! — узрели плачущей. Шли дни, Марта мелькала там и сям, обращая ко всем свой хохочущий профиль, но знака все не было.

Всполошившись, мальчик обратился к ее товарке по заговору, которая, прикинувшись дурочкой, заявила, что он что-то напутал: да разве Марта Кокрейн станет с ним ходить? Ни фига себе, деловой выискался. Взбешенный и оскорбленный, мальчик подстерег Марту после школы; она посмеялась над его богатой фантазией относительно ее чувств. Мальчик выживет; мальчики — они такие. Что до Джессики Джеймс, она так и не доискалась, кто стоял за ее несчастьем, и это согревало душу Марты до самого дня окончания школы.

Шли зимы, и Марте постепенно становилось ясно, что ни Ноттингемшир, ни ее отец не вернутся. Правда, она еще верила, что это возможно, пока мать плачет, пьет какие-то капли из пузырьков, что стоят на высокой полке, слишком крепко прижимает ее к себе и говорит, что мужчины бывают двух видов: подлецы либо бесхребетники, а некоторые — подлецы и бесхребетники сразу. В такие минуты Марта тоже начинала плакать, словно объединенная сила их слез могла вернуть отца назад.

Но вот они переехали в другую деревню, более отдаленную от школы, и Марте пришлось ездить на занятия автобусом. Высокой полки для пу-

зырьков здесь не было; мать перестала плакать и остриглась. Несомненно, она занялась строительством своего характера. В этом новом доме, поменьше прежнего, отсутствовали фотографии отца. Мать реже говорила Марте, что мужчины бывают двух видов: подлецы либо бесхребетники. Зато она твердила, что женщина должна быть сильной и сама о себе заботиться — ни на кого больше полагаться нельзя.

В ответ на это Марта решила кое-что предпринять. Каждое утро перед уходом в школу она доставала из-под кровати коробку с пазлом, поднимала, зажмурившись, крышку и доставала какое-нибудь графство. Она это делала не глядя — а то вдруг окажется одно из любимых, Сомерсет или Ланкашир. Разумеется, Йоркшир она узнавала и так — его было не обхватить рукой, но к Йоркширу она никогда не питала особенно нежных чувств. Затем, уже в автобусе, она заводила руку за спину и разжимала пальцы, спуская графство по задней стороне сиденья. Один-два раза ее пальцы натыкались на другое графство, застрявшее в обивке, выброшенное несколько дней или недель назад. Графств было штук пятьдесят, и она провозилась с ними почти до конца полугодия. Море и коробку она выбросила на помойку.

Она не знала, что ей полагается делать с прошлым — запомнить его или забыть. Такими темпами характер никогда не построишь. Она лишь надеялась, что в постоянных мыслях о выставке нет ничего дурного; да и не могла она никак погасить ее сияющий образ в своей душе. Их последняя семейная прогулка. Как взлетала до неба в месте, где, несмотря на гомон и толкотню, существовали порядок и правила и мудрые вердикты мужчин в белых, как у врачей, халатах. Она считала, что в школе — да и дома — человека часто осуждают ни за что, но на выставке можно приобщиться к высшей справедливости.

Разумеется, она не формулировала свои мысли такими словами. Спросив, можно ли ей участвовать в выставке, она сразу же испугалась, что мама рассердится и конфискует «Реестр номинаций» за то, что из него она «нахваталась неподходящих мыслей». То был еще один из тех грехов детства, которые Марта никак не могла научиться предугадывать. Марта, ты, часом, не зарываешься? Цинизм, знаешь ли, родной брат одиночества. Где это ты нахваталась таких мыслей?

Но мать просто кивнула и раскрыла книжечку. На пол слетел дубовый листок.

— Что это? — спросила мать.

— Я его храню, — ответила Марта, опасаясь упрека или разоблачения.

Но мать всего лишь заложила листок между страницами и с новой решительностью, которой отныне было проникнуто все ее поведение, начала читать список номинаций в «Детском разделе».

— «Пугало (максимальная высота двенадцать д.)»? «Изделие из соленого теста»? «Поздравительная открытка»? «Вязаная шапочка»? «Маска лицевая — материал произвольный»?

— Фасоль, — произнесла Марта.

— Ну-ка посмотрим: «Четыре песочных печенья», «Четыре пирожных “Бабочка”», «Шесть сладостей с марципаном», «Ожерелье из макарон». А отличная мысль — «ожерелье из макарон».

— Фасоль, — повторила Марта.

— Фасоль?

— «Девять штук фасоли вьющейся — круглые».

— Насчет фасоли я не уверена, можно ли тебе. В «Детском разделе» ее нет. Давай посмотрим правила. «Раздел А. К участию допускаются владельцы земельных угодий и арендаторы садовых участков в радиусе десяти миль от места проведения выставки». Марта, ты у нас владелец

угодий?

— А если садовый участок арендовать?

— В наших местах с ними туго. «Раздел Б. К участию допускаются все без ограничений». А, тут одни цветы. Георгины? Ноготки? — (Марта замотала головой.) — «Раздел В. Допускаются исключительно садоводы и огородники, проживающие в радиусе трех миль от места проведения выставки». По-моему, это к нам вполне относится. Марта, ты у нас садовод и огородница?

— А где мы возьмем семена?

Вместе они вскопали участок земли, засыпали ямки конским навозом и выстроили два домика-вигвама. Теперь дело было за Мартой. Она высчитала, за сколько недель до выставки нужно посадить семена, зарыла в землю фасоль, поливала ее, дожидалась, выпалывала сорняки, поливала, дожидалась, выпалывала, убирала комья грунта — мало ли где фасоль вздумает пробиться наружу, а тут преграда, — смотрела, как проклевываются блестящие, упругие ростки, подбадривала усики в их спиральном стремлении ввысь, смотрела, как распускаются и опадают красные цветы, поливала, и прямо под струей возникали малюсенькие почки, поливала и полола, поливала, поливала, и наконец, по истечении по-

ложенного срока, накануне выставки она смогла выбирать из семидесяти девяти экземпляров фасоли вьющейся. Приезжая на автобусе из школы, она сразу же, не заходя домой, бежала проверить свой огород. Яко твое есть лекарство и силос и сказка. Ничего богохульного не вижу, ей-богу.

Мать хвалила Марту: умница какая, и дар к огородничеству у нее есть — что называется, «зеленые пальчики». Марта возразила, что ее фасоль не очень-то похожа на фасоль мистера Э. Джонса. У той стручки были плоские, гладкие, со всех сторон равномерно зеленые, точно их покрасили из баллончика. Ее — все в одинаковых выпуклостях, как подушечки на пальцах — это фасолинки выпирали, а на кожице тут и там виднелись пятнисто-желтые крапины. Мать сказала, что фасоль всегда такая, пока растет. Ее характер еще строится.

В выставочную субботу они встали рано, и мать помогла Марте оборвать фасоль с конька вигвама. Затем Марта произвела отбор. Она просила черный бархат, но единственный кусочек такой ткани в доме все еще был составной частью платья, поэтому бархат заменили листом черной шелковой бумаги, который мать прогладила утюгом, — но все равно он выглядел помято. И

вот Марта на заднем сиденье чьей-то машины, придерживает большими пальцами шелковую бумагу, глядит, как на поворотах дрожит и перекатывается по блюду фасоль.

— Не так быстро, — сурово сказала она наконец.

Тут их подкинуло на «спящем полицейском» при въезде на автостоянку, и Марте вновь пришлось спасать фасоль. В садово-огородном павильоне мужчина в белом халате выдал ей бланк, на котором значился лишь номер — чтобы судьи не знали, кто она, — и провел ее к длинному столу, где раскладывали свою фасоль все остальные. Дряхлые садоводы радушными голосами восклицали: «Смотрите, кто пришел», хотя видели ее впервые, и еще: «Ну, Джонсик, смотри, не видать тебе теперь лавров!» Она не могла не заметить, что ее фасоль не была ни на чью похожа, но, видимо, тут каждый выращивал свой сорт, вот и все. Потом всех попросили выйти — настало время для распределения премий.

Победил мистер Э. Джонс. Второй приз получил Кто-то Другой. Поощрительный — Кто-то Третий. «В следующий раз повезет!» — говорили все. Огромные руки с узловатыми суставами торжественно спускались с высот, чтобы ее утешить. «В

будущем году не видать нам наших лавров», — повторяли старики.

Позднее ее мать сказала: «И все равно она очень вкусная». Марта смолчала. Ее нижняя губа, влажная и упрямая, выпятилась. «Тогда я и твою съем», — заявила мать, и вилка потянулась к ее тарелке. Но Марта не стала подыгрывать — очень уж тоскливо было у нее на душе.

Иногда за матерью заезжали на своих автомобилях мужчины. Им самим — матери и Марте — машина была не по карману, и, наблюдая, как мать столь стремительно увозят — взмах руки, улыбка, вскидывается голова, и мать оборачивается к человеку за рулем раньше, чем автомобиль скроется из виду, — наблюдая все это с начала до конца, Марта всегда задумывалась, не исчезнет ли и сама мать. Мужчины, приезжавшие за матерью, ей не нравились. Некоторые пытались заискивать, гладя ее, как кошку, другие держались подальше и смотрели исподлобья, думая: «Вот еще напасть на мою голову». Она предпочитала мужчин, считавших ее напастью.

Дело было не только в том, что ее покидали. Главное — мать тоже покидали. Она рассматривала этих случайных мужчин, и — садились ли они рядом с ней на корточки для вечных расспро-

сов о том, что там задают в школе и показывают по телику, или оставались стоять, звеня ключами и бормоча: «Ну ладно, поедем, а?» — всех их она воспринимала одинаково: как мужчин, которые причинят матери боль. Вряд ли это произойдет сегодня или завтра. Но когда-нибудь точно. Она поднаторела в сознательном самовнушении жара, недомоганий и особых менструальных синдромов, требовавших присутствия матери в качестве сиделки.

— Ты настоящая маленькая тиранка, вот ты кто, — говорила мать с интонацией, колеблющейся между любовью и раздражением.

— Тиран — это Нерон, — отвечала Марта.

— Нет сомнения, даже Нерон иногда отпускал свою маму погулять.

— Не-а. Нерон приказал убить свою маму, нам мистер Хендерсон сказал. — Эй, Марта, говорила она себе, теперь ты точно зарываешься.

— Если так и дальше пойдет, скорее уж я тебе яду в суп подсыплю, — парировала мать.

Как-то раз они складывали простыни, высохшие на веревке во дворе. Внезапно, словно бы обращаясь сама к себе, но достаточно громко, чтобы слышала Марта, мать произнесла:

— Вот единственное, для чего нужен второй

человек.

Они продолжали складывать простыни, не говоря ни слова. Растянуть вширь (руки у тебя еще коротковаты, Марта), поднять, ухватить верхний угол, опустить левую руку, подхватить уголок не глядя, растянуть по косой, потянуть на себя, перевернуть и-и-и подхватить, а теперь тяни, тяни (сильнее, Марта), и, шагая навстречу, дотянуться до маминых рук, опустить и подхватить, еще разок на себя, вот и сложили, передай мне и подожди следующую.

Единственное, для чего нужен второй человек. Когда они тянули, по полотну словно бы пробегал некий ток — нечто объединяющее, словно не только в простыне дело. Странное влечение: сперва тянете вы, точно пытаясь отдалиться друг от друга, но простыня вас не пускает, а потом как бы сама начинает вас тянуть, сбивая с ног, и подтаскивает друг к дружке. Неужели так всегда?

— Ой, я не тебя имела в виду, — сказала мать и неожиданно обняла Марту.

— Какого сорта был папа? — спросила Марта позже, в тот же день.

— В смысле «какого сорта»? Папа был… папа.

— Я спрашиваю, кто он был, подлец или бесхребетник. Который из них?

— Даже не знаю...

— Ты говорила, они бывают только двух сортов. Ты так сказала. Кто он был?

Мать пристально посмотрела на нее. Какая-то новая напористость.

— Ну что ж, если уж выбирать одно из двух, то он был бесхребетник.

— А как можно узнать?

— Что он был бесхребетник?

— Нет, как отличить подлецов от бесхребетников?

— Марта, ты до таких вещей еще не доросла.

— Мне нужно знать.

— Нужно знать? Зачем?

Марта замялась. Она знала зачем, но вслух сказать боялась.

— Чтобы я не повторила твоих ошибок.

И осеклась, потому что ожидала от матери слез. Но плач был теперь не в характере ее матери. Взамен мать разразилась сухим смешком — то был ее нынешний коронный номер.

— Какое мудрое дитя я родила. Смотри, Марта, не состарься прежде времени.

Ага, репертуар обновился. «Не зарывайся». «Где это ты набралась таких мыслей?» А теперь, значит, «не состарься прежде времени».

— Почему ты мне не хочешь сказать?

— Я расскажу тебе все, что знаю, Марта. Но ответ тут один: их распознаешь слишком поздно, если судить по моей жизни. А моих ошибок ты не повторишь, потому что каждый совершает свои ошибки, такое уж правило.

Марта тщательно рассмотрела лицо матери.

— От твоего совета толку не много, — заявила она.

Но в конечном итоге совет принес свои плоды. Она росла, ее характер строился, и вот, когда она перестала зарываться и стала все делать по-своему и достаточно поумнела, чтобы догадываться, когда лучше прикинуться неумной; и вот, когда она открыла для себя друзей, светскую жизнь и новый вид одиночества, когда она переехала из деревни в город и начала накапливать свои будущие воспоминания, она приняла материнское правило: старшие свои ошибки совершили, твой черед совершать твои. Из этого правила вытекало логическое следствие, которое стало одним из параграфов личного кодекса Марты: когда ты старше двадцати пяти, сваливать вину на родителей запрещается. Конечно, за исключением случаев, когда родители сделали с тобой что-нибудь ужасное — изнасиловали, убили, отобрали

все деньги и продали в публичный дом, — но если у тебя нормальная биография и нормальный жизненный путь, если ты наделен средним умением жить и средними умственными способностями (коли они у тебя выше среднего, так вообще...), родителей ни в чем винить нельзя. Конечно, иногда все равно срываешься — больно уж велик соблазн. Если б только они купили мне ролики, как обещали, если б только они не запрещали мне встречаться с Дэвидом, если б только они были другими: поласковее, побогаче, поумнее, попроще. Если б только меня чаще гладили по голове; если б только меня почаще пороли. Если б только меня больше хвалили; если б только меня хвалили исключительно за дело... Нет уж, к черту эти пустые рассуждения. Конечно, и Марта испытывала подобные чувства, как же, бывало: иногда ее так и подмывало поцацкаться с обидами, но она тут же одергивала себя. Ты — сама себе голова, детка. Травмы — обычная составляющая детства. Сваливать вину на других давно уже запрещено. Запрещено.

Но была одна рана, тоненькая, но неискоренимо-болезненная заноза, от которой она так и не нашла средства. Она окончила университет и приехала в Лондон. Она сидела в офисе, делая

вид, что страшно довольна своей работой; сердце у нее немножко ныло — ничего серьезного, так, один мужик, привычная буря в стакане воды; у нее были месячные. Все это она запомнила. Зазвонил телефон.

— Марта? Это Фил.

— Кто? — В ее голове возник образ одного противного живчика в красных подтяжках.

— Фил. Филип. Твой отец.

Она не знала, что и сказать. Спустя какое-то время, словно своим молчанием она ставила его статус под сомнение, он подтвердил еще раз:

— Папа.

Он спрашивал, нельзя ли им встретиться. Может быть, как-нибудь за ланчем? Он знает одно местечко, которое, как ему кажется, ей понравится, и она еле удержалась от вопроса: «Тебе-то почем знать?» Он сказал, что надо много о чем поговорить, он считал, что им обоим не следует ждать слишком многого от встречи. В этом она с ним согласилась.

Она стала советоваться с друзьями. Некоторые говорили: расскажи ему, что ты в связи со всем этим чувствуешь; скажи, что думаешь. Некоторые говорили: разберись, чего ему надо; почему вдруг сейчас приспичило? Некоторые говорили:

не встречайся с ним. Некоторые говорили: скажи матери. Некоторые говорили: поступай, как считаешь нужным, но матери ни в коем случае не говори. Некоторые говорили: приди на свидание заранее. Некоторые говорили: пусть эта сволочь подождет.

Ресторан был старомодный, весь в дубовых панелях, с престарелыми официантами, чья усталость от жизни уже переходила в сардонический непрофессионализм. Погода стояла жаркая, но в меню имелись лишь солидные, отягощающие желудок блюда — типичная клубная английская кухня. Он убеждал ее не стесняться, заказывать все, что душе угодно; она заказала по минимуму. Он предложил взять бутылочку вина; она пила только воду. Она отвечала ему, точно заполняя анкету: да, нет, наверное; очень, нет, нет. Он сказал, что она выросла очень привлекательной женщиной. Замечание показалось ей неуместным. Не желая ни соглашаться, ни перечить, она произнесла: «Вероятно».

— Неужели ты меня не узнала? — спросил он.

— Нет, — ответила она. — Моя мать сожгла ваши фотографии.

Это была правда; он болезненно скривился (поделом, поделом, можно еще добавить!). Она

посмотрела поверх тарелок на пожилого краснолицего мужчину с редеющими волосами, который сидел напротив. Перед встречей она старательно внушала себе ничего хорошего не ждать; и все равно он выглядел потрепаннее, чем она предполагала. Тут до нее дошло, что все это время она исходила из ложных предпосылок. Все эти пятнадцать или сколько там их бишь лет она мнила, будто люди исчезают, бросают жен и детей ради перемен к лучшему: чтобы выгадать побольше счастья, побольше секса, побольше денег, побольше всего того, чего в прошлой жизни им не хватало. Разглядывая мужчину, который именовал себя Филом, она подумала: «Ну и видуха... Останься он дома, был бы до сих пор на человека похож». Но возможно, она принимала желаемое за действительное.

Он рассказал ей некую историю. Марта не пожелала высчитывать степень ее соответствия действительности. Он влюбился. Так уж случилось. Не думай, что я пытаюсь оправдаться. Тогда он решил, что полный и окончательный разрыв всем пойдет на благо. У Марты есть единокровный брат, зовут Ричард. Неплохой парень, правда, не знает еще, куда приложить свои силы в жизни. Ну, для его возраста нормальная про-

блема. Стефани — это имя внезапно рухнуло на тарелку Марты, как опрокинутый неуклюжей рукой бокал, — Стеф три месяца как умерла. Рак — мерзкая болезнь. Диагноз ей поставили пять лет назад, потом наступила ремиссия. Но он вернулся. Когда он возвращается, всегда хуже. Уже не отпускает.

Все это казалось — каким? — не то чтобы неискренним, но маловажным, совершенно непригодным для заполнения четкой, уникальной, выпиленной лобзиком дыры в душе Марты. Она попросила у него Ноттингемшир.

— Прости?

— Когда вы ушли, у вас в кармане лежал Ноттингемшир.

— Да-а? Значит, я правильно расслышал...

— Я собирала пазл «Графства Англии». — Произнеся это, она почувствовала себя неловко; ей не то чтобы было стыдно, но казалось, будто она слишком уж обнажила свое сердце. — Вы обычно забирали у меня какую-нибудь деталь и прятали, а потом находили. Уходя, вы унесли Ноттингемшир с собой. Разве не помните?

Он покачал головой:

— Ты собирала пазлы? Наверно, все дети так, они их обожают. Ричард тоже. Во всяком случае,

одно время. Помню, у него был один невероятно трудный, сплошь облака или что-то подобное — пока не соберешь до половины, вообще непонятно, где верх, где низ...

— Вы не помните?

Он взглянул ей в лицо.

— Действительно не помните? В самом деле?

И это она всегда вменяла ему в вину. Ей было уже за двадцать пять, и она становилась все старше и старше, все старше и старше двадцати пяти лет, все старше, старше и старше двадцати пяти лет, и она была сама себе голова; но этого проступка она так и не смогла ему простить.

2: Англия, Англия

Часть первая

«Питмен-хаус» был верен архитектурным принципам своей эпохи. Он был выдержан в духе умеренной, не чуждающейся гуманизма светской власти: ясень и бук умиротворяли стекло со сталью; салатовые и кислотно-желтые вкрапления указывали на потаенную страстность; в вестибюле тускло-красный барабан укрощал мощь жестких углов. Интенции этого мирского собора были объективизированы в божественно прекрасном атриуме: выполняя функцию пассивного энергоемкого вентилятора, он наглядно доказывал преданность здания благу общества и окружающей среды. Гибкая организация пространства и честные трубопроводы; согласно пресс-релизу архитектурной фирмы «Слейтер, Грейсон и Уайт», здание сочетало изысканность средств с откровенностью целей. Еще одной принципиально важной чертой была гармония с природой: позади «Питмен-хауса» простиралось искусственное торфяное болото, и, прогуливаясь по галереям (изготовленным, согласно надежным источникам, из массива древесины ценных пород), сотрудники могли, жуя свой обеденный

сэндвич, изучать повадки перелетных птиц хертфордширских окраин.

Архитекторы привыкли к вмешательствам со стороны клиентов; тем не менее у них слегка отнялись языки при знакомстве с личным вкладом сэра Джека Питмена в их замысел: на уровне конференц-зала он желал встроить в здание свой, так сказать, кабинет-зал в форме сдвоенного куба. Зал с лепниной, с ковром из длинноворсной овчины, с угольным камином, со стандартными светильниками, с обоями «рогожка», с писанными маслом картинами, с фальшивыми окнами, задрапированными тяжелыми шторами, и круглыми, с «пипочкой», выключателями. Как задумчиво произнес сэр Джек: «Достижения нынешней эпохи заслуживают высочайших похвал, но, на мой взгляд, не стоит чрезмерно тратиться на презрение к прошлому». Слейтер, Грейсон и Уайт попытались было возразить, что в наше время строительство прошлого обходится, увы, значительно дороже, чем строительство настоящего и будущего. Клиент никак не отреагировал на их мнение, и архитекторам оставалось лишь тешить себя надеждой, что заинтересованные лица почти наверняка отнесут это укромное логово капиталистической акулы на счет капризов сэра

Джека. Ладно, пусть думают, что хотят, — лишь бы не поздравляли с остроумным апофеозом постмодернистской иронии.

Между продуваемым всеми ветрами, напоенным шепотами пространством — творением архитекторов — и уютной берлогой, на которой настоял сэр Джек, располагалось небольшое помещение, почти туннель в сущности, известное под именем «Цитатная». Здесь сэр Джек любил мариновать посетителей, чтоб ждали, пока их вызовет референт. Все знали, что сэр Джек сам любит надолго задерживаться в этой комнате по дороге из внешнего офиса в свое заветное святилище. То было простое, аскетическое, слабо освещенное помещение. Ни журналов, ни видеомониторов с рекламой империи Питмена. Отсутствовали здесь и безвкусно-мягкие диваны, обитые шкурами редких животных. О нет, здесь не было ничего, кроме одной-единственной высокоспинной дубовой скамьи в якобитском стиле, которая была обращена к подсвеченной прожекторами каменной стеле. Тем самым посетителя настоятельно приглашали, а говоря начистоту, обязывали вчитаться в высеченную шрифтом «Таймс-Роман» надпись:

ДЖЕК ПИТМЕН —
великий человек во всех смыслах этого слова.

Велики его устремления, велики его аппетиты, велика его щедрость.

Это человек, которого можно адекватно воспринять лишь ценой огромного напряжения воображения.

Начав скромно, он взлетел, как метеор, к великим делам.

Предприниматель, новатор, генератор идей, покровитель искусств, волшебник, созидающий очаги кипучей жизни на месте заброшенных руин.

Не просто бизнесмен, но Бизнес-Супермен, сэр Джек — это человек, который запросто разговаривает с президентами, но никогда не боится засучить рукава и замарать руки.

При всей его славе и богатстве он тем не менее остается сугубо частным лицом, добрым семьянином до последних фибр души.

При необходимости властный, всегда прямолинейный, сэр Джек не из тех, кому можно положить палец в рот; он не терпит ни дураков, ни непрошеных советчиков.

Но он наделен великим даром милосердия.

Как прежде, все такой же неугомонный и амбициозный, сэр Джек поражает головокружительной энергичностью, ослепляет нечеловеческим обаянием.

Эти слова — по крайней мере их добрая половина — несколько лет тому назад родились под пером некоего обозревателя «Таймс», которого сэр Джек затем ненадолго взял в свой штат. Упоминания о своем возрасте, внешности и предполагаемой величине капитала сэр Джек вымарал, поручил специальному литобработчику увязать текст воедино, а конечный продукт распорядился высечь на плите из корнуоллского сланца. Он был доволен, что догадался убрать подпись под цитатой: ссылка на «Таймс» была вырублена и заменена свежим, гладким куском камня. Это, как считал сэр Джек, превратило былой панегирик в непоколебимо-авторитетный приговор вечности.

В данный момент сэр Джек стоял точно посреди своего кабинет-зала, более всего напоминающего шикарный ресторан. Стоял под венецианской люстрой, на равном удалении от парных каминов а-ля «баварский охотничий домик». Повесив свой пиджак на скульптуру Бранкузи (повесив

так, чтобы создавалось — по крайней мере, у него самого — впечатление скорее добродушного панибратства, чем непочтительности), он демонстрировал свою округленно-ромбическую фигуру референту и Мыслелову. Последняя должность когда-то носила иное, официозное наименование, но сэр Джек дал ей имя «Мыслелов». Однажды кто-то сравнил его с гигантским фейерверком сорта «огненное колесо», рассыпающим идеи, как искры, а если что-то летит, кто-то же должен это ловить, логично ведь? Попыхивая своей послеобеденной сигарой, он щелкал своими подтяжками цветов МКК[1]: красно-желтыми, кетчупно-яичными. К МКК он отношения не имел, но его подтяжечный мастер мудро воздерживался от уточняющих вопросов. Кстати, в Итоне он тоже не учился, и в Гвардии не служил, и членом «Гаррика»[2] так и не стал; однако в его гардеробе имелись подтяжки, намекающие на обратное. Мятежная душа, обращался он сам к

[1] Примечания: 1

МКК — Марилебонский крикетный клуб — ведущий клуб очень популярной в Англии и Австралии командной игры в крикет; с 1814 года МКК является законодателем крикетных правил в Англии. (Здесь и далее прим. перев.)

[2] Примечания: 2

«Гаррик» — «Гаррик-клуб» — лондонский клуб актеров, писателей и журналистов. Основан в 1831 году, носит имя знаменитого актера Д. Гаррика.

себе мысленно. Чуточку смутьян. Человек, ни перед кем не преклоняющий колен. Но в глубине души патриот.

— Что мне осталось совершить? — начал он. Пол Харрисон, Мыслелов, не торопился включать беспроводной микрофон, который сэр Джек носил под мышкой, ибо данный зачин за последние несколько месяцев повторялся многократно. — Почти все скажут, будто я сделал за свою жизнь все, что только в силах сделать человек. И уже говорят. Я создавал фирмы на пустом месте. Я сколотил капитал — кто будет это отрицать? Меня удостаивали почестей. Я — ближайший наперсник для глав многих государств. Я был любим, посмею признаться, многими красавицами. Я достопочтенный — но, подчеркну, не чересчур «достопочтенный» — член общества. У меня есть титул. Моя жена сидит по правую руку от президентов. Что мне осталось?

Сэр Джек выдохнул, и его слова закачались поплавками на волнах сигарного дыма, доходящих до нижних капелек люстры. Присутствующие знали: прозвучавший вопрос — чисто риторический. Одна из предыдущих референтов наивно вообразила, будто в такие минуты сэр Джек взыскует полезных советов или (наивность

в квадрате!) утешения; ей подыскали менее обременительную работу в другой области питменовской империи.

— Что есть реальность? Вот как я порой формулирую для себя этот вопрос. К примеру, вот вы — вы и вы — реальны? — Сэр Джек с саркастической учтивостью, но не поворачивая головы, не отвлекаясь от своих мыслей, указал рукой на присутствующих. — Конечно, сами для себя вы существуете взаправду, но в высших сферах вас будут судить совсем по другим критериям. Я отвечу: «Нет». Увы. И, уж простите за прямоту, я могу заменить вас преемниками... симулякрами быстрее, чем продать моего милого Бранкузи. А деньги, они как — реальны? В каком-то смысле пореальнее вас. А Бог реален? Этот вопрос я предпочитаю отложить до дня, когда я отправлюсь на небеса. Конечно, у меня есть свои гипотезы, я даже, как вы могли бы выразиться, взял на себя кое-какие посмертные деловые обязательства. Позвольте признаться — как там говорится, «плюньте мне в ухо, если вру»? — что я порой воображаю этот день. Позвольте поделиться с вами моими предположениями. Вообразите миг, когда меня приглашают встретиться с моим Создателем, который в Его бесконечной мудрости с

интересом следит за нашей банальной жизнью в сей долине слез. Что, спрошу я у вас, мог Он заготовить для сэра Джека? Будь я Им — да-да, я вполне сознаю дерзость этого допущения — я, естественно, был бы вынужден наказать сэра Джека за его многочисленные человеческие слабости и суетные стремления. Нет, нет! — Сэр Джек воздел руки, сдерживая вполне вероятные протесты своих служащих. — И что бы тогда я — Он — сделал? Он... не устоял бы перед искушением подержать меня — надеюсь, относительно недолго — в своей собственной Цитатной. В личном Лимбе сэра Джека. Да, я устроил бы ему — мне! — каменную стелу в лучах прожекторов! Громадную скрижаль. И ни-ка-ких жур-на-лов, даже самых благочестивых!

Тут были уместны приглушенные смешки, и они действительно прозвучали из предупредительных подчиненных уст. Сэр Джек запросто разговаривает с божеством, леди Питмен обедает по правую руку от Господа.

Сэр Джек прошел тяжелой поступью к столу Пола, наклонился. Мыслелов знал правила: теперь ему и начальнику надлежит встретиться взглядом. В обычное время полагалось прикидываться, будто работать у сэра Джека — значит

гнуть спину, приспускать веки, безраздельно сосредоточиваться. Теперь же Пол поднял глаза, сканируя лицо начальника: волнистые волосы чернее ваксы; мясистые уши: левая мочка длиннее правой (растянута вследствие привычки нервно теребить ее на переговорах); блестящая гора подбородка, скрывающая в своих недрах кадык; бургундский цвет лица; еле заметная оспина на месте удаленной бородавки; брови-тюфяки, расшитые сединой; и вот они, ждут тебя, фиксируют, сколько секунд ты собирался с духом, — глаза. Сколько всего можно увидеть в этих глазах: благодушное презрение, безразличную симпатию, терпеливое раздражение, рассудочный гнев, — но действительно ли сэр Джек испытывает все эти изощренные чувства, это уже совсем другой вопрос. Разум подсказывает, что тактика общения сэра Джека с персоналом сводится к одному-единственному правилу — видимое со стороны настроение или выражение лица никогда не должно быть адекватно ситуации. Но порой начинает чудиться, будто, стоя перед тобой, сэр Джек закрывает глаза парой крохотных зеркал, кружочков, в которых ты зришь свое собственное смятение.

Удовлетворившись — а что именно приносит

сэру Джеку удовлетворение, определить никоим образом невозможно, — сэр Джек вновь повлек свое тяжелое тело в середину комнаты. Муранское стекло звенело над его головой, ворсинки ковра лизали его шнурки; сэр Джек полоскал во рту новый серьезный вопрос.

— А мое имя... реально?

И сэр Джек призадумался. Задумались и оба подчиненных. Одни поговаривали, что имя сэра Джека нереально, ибо неподлинно: видите ли, всего пару десятков лет назад оно лишилось своего изначального центральноевропейского привкуса. Их противники, ссылаясь на авторитетные источники, утверждали, что крошка Джеки действительно родился намного восточнее Рейна — но зачат он был в гараже дочерью английских полей (женой венгра, стекольного фабриканта) и заезжим шофером, уроженцем Лафборо, так что, несмотря на полученное в детстве воспитание, прежнее гражданство и изредка проскакивающие в речи фонетические ошибки, кровь в его жилах текла стопроцентно британская. Отъявленные циники и упертые разоблачители тайных всемирных заговоров шли еще дальше, утверждая, что нелады с фонетикой — коварная уловка: сэр Джек Питмен — сын скромных мисте-

ра и миссис Питмен, от которых он давным-давно откупился, а миф о континентальном происхождении — всего лишь миф, сложившийся с подачи самого сэра Питмена; зачем ему этот миф, оставалось спорным: то ли как неотъемлемая деталь желанного имиджа супердельца, то ли как дань суеверной прихоти... Но в данный миг ни одна из этих гипотез не получила подтверждения, ибо сэр Джек сам ответил на свой вопрос:

— Если мужчина произвел на свет божий только дочерей, его имя — лишь жалкая безделушка, временно одолженная у вечности.

По телу сэра Джека Питмена пробежал трепет вселенского размаха (и, предположительно, желудочно-кишечного происхождения). Повернувшись на каблуках, он выдохнул облако дыма и перешел к заключительной части своей речи.

— А великие мысли реальны? Философы заверяют нас, что да. Конечно, в свое время меня посещали великие мысли, но не знаю уж почему — Пол, этого записывать не надо, по-моему, для архива не очень годится, — невесть почему, я порой сомневаюсь в их реальности. Возможно, я выжил из ума — не слышу протестующих воплей, а потому вынужден заключить, что с данным заявлением вы согласны, — но как знать, не

теплится ли в этом дряхлом псе последняя искра жизни? Может статься, одна, последняя великая мысль утолит мою жажду. На посошок, а? Вот это, Пол, можешь записать.

Пол набрал: «Может статься, одна, последняя великая мысль утолит мою жажду», перечитал фразу на экране, вспомнил, что в его обязанности входит и редактура — сэр Джек именовал Пола «мой личный Хансард»[3], — и стер малодушное «может статься». В этой, более резкой форме данное высказывание, датированное с точностью до секунды, войдет в архив.

Сэр Джек шутя засунул сигару в брюшное отверстие макета работы Генри Мура, потянулся, сделал задорный пируэт.

— Скажи Вуди: «пора», — велел он референту, чьего имени ни разу еще не смог припомнить. Правда, в определенном смысле он это имя отлично помнил: Сюзи. Дело в том, что всех своих референтов он называл Сюзи. Текучесть кадров на этой должности была, бог весть почему, страшная. Так что на самом деле он сомневался не в имени сотрудницы, а в ее индивидуальных отличительных признаках. Как же он был прав

---

[3] Примечания: 3

«Хансард» — официальный стенографический отчет о заседаниях обеих палат парламента. Выпускается с 1803 года.

несколько минут назад, усомнившись в ее реальности. Метко подмечено. Не в бровь, а в глаз.

Сняв пиджак с Бранкузи, он натянул его на себя, скрыв МКК-шные подтяжки. В Цитатной задержался перечитать знакомые слова. Разумеется, он знал их наизусть, но все равно посмаковать приятно. Да, одна, последняя великая мысль. В последние год-два мир был к нему не совсем почтителен. Следовательно, пора устроить миру сюрприз.

Пол поставил под меморандумом подпись и сохранил его. Текущая Сюзи позвонила шоферу и отрапортовала о настроении начальника. Затем взяла сигару и вернула на положенное место, в ящик стола сэра Джека.

* * *

— Умоляю, давайте немножко помечтаем вместе. — И сэр Джек вопросительно приподнял со стола графин.

— Мое время — ваши деньги, — ответил Джерри Бэтсон из «Кабо, Альбертаччи и Бэтсон».

В общении с людьми он был неизменно тактичен — и неизменно непроницаем. Вот и сейчас он никак вроде бы не отозвался — ни словом, ни жестом — на предложение выпить, но каким-то

образом стало ясно, что он вежливо соглашается пригубить арманьяка, которому затем вынесет вежливый, тактичный и непроницаемый приговор.

— Ваши МОЗГИ — мои деньги, — добродушно рявкнул сэр Джек, поправляя.

Людей класса Джерри Бэтсона осаживать неразумно, но первобытная тяга к главенству не унималась в сэре Джеке никогда. Дородная фигура и извечное радушие, обычай оставаться на ногах, когда остальные сидят, привычка машинально поправлять собеседника с первой же фразы — все это составляло арсенал, с помощью которого сэр Джек утверждал свое превосходство. У Джерри Бэтсона метод был иной. Бэтсон был тщедушно сложен; его голову украшала шапка седеющих кудряшек; пожатие его руки — впрочем, этого приветствия он обычно избегал — было неизмеримо нежным. Его техника утверждения своего превосходства — или оспаривания чужого — сводилась к отказу от борьбы; Бэтсон погружался в смиренную дзенскую медитацию, превращаясь в жалкий камушек, омываемый шумным потоком, — и сидел себе, соблюдая нейтралитет, исподтишка вникая в «фэн-шуй» места, где находился.

Сэр Джек имел дело только с *crume de la few*[4], а потому поручил представлять свои интересы Джерри Бэтсону из «Кабо, Альбертаччи и Бэтсон». Большинство людей мнило, будто Кабо и Альбертаччи — это заокеанский и миланский партнеры Джерри, и воображало, будто эти юристы втайне недолюбливают Бэтсона за то, что он присваивает славу этого международного триумвирата себе одному. Но на деле Кабо и Альбертаччи были совершенно равнодушны к первенству Бэтсона, поскольку ни Кабо, ни Альбертаччи — имевшие свои офисы, свои банковские счета и кругленькие месячные оклады — в действительности не существовали. Еще на заре своей карьеры Джерри сотворил их из того волшебного вещества, в которое обращалась при соприкосновении с его нежными руками истина. «Если ты не в состоянии подать себя, как же ты собираешься подавать продукт?» — был он склонен мурлыкать в дни своей невинной предтранснациональной юности. И даже теперь, спустя добрых два десятка лет, в послеобеденном или ностальгическом настроении он все еще был склонен отзываться о своих спящих партнерах как о реальных лю-

[4] Примечания: 4
Сливки общества (фр., англ.).

дях. «Боб Кабо втолковал мне, что при подобных сделках главное...» — начинал он. Или: «На эту тему мы с Сильвио, бывало, до хрипоты спорили, и неудивительно, ведь...»

Вероятно, реальность ежемесячных трансфертов через Нормандские острова постепенно способствовала материализации этих счетовладельцев на нашем уровне действительности.

Согласившись угоститься арманьяком, Джерри замер и затих, меж тем как сэр Джек совершил все положенные церемониальные действия: покрутил бокал в руке, понюхал его, пополоскал напиток во рту, закатил глаза. Джерри был в темном костюме, черных туфлях и крапчатом галстуке. В эту униформу легко было внести мелкие коррективы, шепотком намекающие на юность — или на зрелость, на чуткость к модным веяниям — или на степенный консерватизм; нюансировка осуществлялась при помощи кашемировых пуловеров, носков от Миссони и изящных очков с простыми стеклами. Но при сэре Джеке Бэтсон обходился без каких-либо атрибутов своей профессии, включая технические средства. Просто посиживал в кресле, улыбаясь номинально-подобострастной улыбкой, словно пришел на собеседование и теперь ждет, пока

работодатель заговорит о зарплате, штрафах за опоздание и прочих условиях труда.

Конечно, те времена, когда Джерри Бэтсона «нанимали», давно минули. Десять лет назад произошла радикальная смена предлогов: Джерри решил, что отныне работает С людьми, а не НА них. Итак, в разные периоды (а иногда и одновременно) он работал с «Си-би-ай» и «Ти-ю-си», с освободителями животных и производителями мехов, с «Гринписом» и ядерной промышленностью, со всеми основными политическими партиями и рядом радикальных организаций. Примерно тогда же он начал исподволь дистанцироваться от таких грубых кличек, как «пиарщик», «лоббист», «менеджер по кризисам», «имиджеправ» и «специалист по стратегиям крупного бизнеса». Теперь Джерри — затянутый в безупречный смокинг человек-загадка со страниц светской хроники (в последнее время пестревших намеками, что вскоре к его имени прибавится приставка «сэр») — предпочитал позиционировать себя совсем по-иному. Он — консультант избранных. И не просто избранных, подчеркивал он, а избранных избранными. Это, собственно, и привело его в городской пентхаус сэра Джека, где он потягивал арманьяк сэра

Джека, нежно позвякивая носками туфель по стеклянной стене, за которой раскинулся весь погруженный во мрак, подмигивающий фонарями и рекламами Лондон. Он пришел сюда, чтобы разгрызть и попробовать на вкус несколько идей. Чтобы запустить процесс синергии, достаточно было одного его присутствия.

— Вам открыт новый счет, — объявил сэр Джек.

— Мне? — В голосе Джерри прозвенело кроткое, непроницаемое замешательство. — Всеми новыми счетами занимаются Боб и Сильвио.

То была азбучная истина. Сам Джерри всегда находился над схваткой. Он предпочитал считать себя адвокатом высшего разбора, отстаивающим интересы своих партнеров в горних, бескрайних судах общественного мнения и общественного сомнения, а не так давно, решив, что пора расти, вообще произвел себя в судьи. Вот почему разговоры о счетах в его присутствии — это, называя вещи своими именами, легкая вульгарность. Впрочем, от кого, от кого, а от сэра Джека тактичности никто не ждал. Всякий соглашался, что *c finesse* и *savoir*[5] у этого человека, бог весть

---

[5] Примечания: 5
Чувство такта *(фр.).*

почему, как-то туго.

— Нет, Джерри, друг мой, это одновременно очень новый и очень старый счет. Все, чего я прошу, это, как я выразился, немножко помечтать со мной вместе.

— И мне понравится эта мечта? — Джерри разыграл легкое беспокойство.

— Ваш новый клиент — Англия.

— Англия?

— Именно.

— Вы ее покупаете, Джек?

— Давайте помечтаем, что да. В некотором роде.

— Вы хотите, чтобы я помечтал?

Сэр Джек кивнул. Джерри Бэтсон достал серебряную табакерку, откинул крышку, взял — его пальцы нервно напряглись — щепотку табака, зарядил ноздри и неубедительно чихнул в узорчатый носовой платок. На самом деле — как доподлинно знал сэр Джек — в табакерке был подчерненный кокаин. Собеседники сидели в парных креслах от Луи Фарука. Лондон распростерся у их ног, точно напрашиваясь в качестве темы для разговора.

— Вся проблема во времени, — начал Джерри. — Так мне кажется. Беда извечная. Люди

просто не мирятся со временем, не впускают его в свою обыденную жизнь. «Не важно, сколько тебе лет: только душой не старей», — говорят они. ВНОШУ ПОПРАВКУ. Сколько тебе лет, важно, поскольку ты не старше и не моложе своего возраста. Это верно для индивидуумов, браков, обществ, наций. Прошу вас, поймите меня правильно. Я патриот, и я никому не уступлю в том, что касается преклонения перед нашей великой страной; я обожаю нашу родину. Но ее проблему можно выразить простыми словами: отказ смотреться в зеркало. Вполне допускаю, что мы в этом далеко не уникальны, но даже на фоне тех членов семьи народов, которые по утрам штукатурят свои щеки, насвистывая: «Ты только душой не старей», мы — клинический случай.

— Клинический? — внес запрос сэр Джек. — Я тоже патриот, не забывайте.

— Итак, Англия идет ко мне, и что я ей говорю? Я говорю: «Послушай, крошка, взглянем на вещи прямо. На дворе третье тысячелетие, и грудки у тебя обвисли. И лифчик на железном каркасе уже не поможет».

Одни считали Джерри Бэтсона циником, другие — банальным аферистом. Но ханжой он не был. Он считал себя патриотом; более того, он за-

конно принадлежал ко всем тем сообществам, к которым сэр Джек заочно примазывался посредством подтяжек. Но в бездумный культ предков Джерри Бэтсон не верил; для него патриотизм был упреждением назревающих невзгод. Еще не повымерли старые хрычи, вздыхающие по Британской империи; были на свете и те, кто заранее пачкал штаны от ужаса перед возможным распадом Соединенного Королевства. Осторожный в публичных высказываниях (пока он не стал сэром Джерри, осмотрительность была для него превыше всего), Джерри упоенно отстаивал свои взгляды в частных беседах с подобными себе вольнодумцами. К примеру, в идее, что Дублин должен стать столицей всей Ирландии, он не видел ничего, кроме исторической неизбежности. Если шотландцы захотят провозгласить независимость и вступить в Европейский союз в качестве суверенного государства, Джерри — в свое время работавший как с движением «Шотландия для шотландцев», так и с ребятами из «Вечного Союза» и знавший назубок все аргументы всех сторон — Джерри не будет преграждать им дорогу. Как и валлийцам, если уж на то пошло.

Но, по его убеждению, человек способен — и

обязан — смотреть на время, перемены и старение спокойными глазами. Исторически-депрессивный синдром излечим. За Джерри водилась привычка сравнивать прекрасную страну Британию с благородной наукой Философией. Когда началось изучение и формирование философии как дисциплины — случилось это, кажется, в Греции, но место действия непринципиально, — она включала в себя все возможные области знаний и умений: медицину и астрономию, право, физику, эстетику... К философии относилось почти все, что только ни вырабатывала маслобойка человеческого мозга. Но постепенно, с течением столетий разные ветви отпочковывались от основного ствола и начинали самостоятельную жизнь. Та же самая история (любил твердить — и твердил в данный момент — Джерри) произошла и с Британией: когда-то она владела огромными кусками нашей планеты, раскрасив глобус розовым цветом от полюса до полюса. Шло время, и имперские владения одно за другим отваливались, превращаясь в суверенные государства. Так ведь? Так. И что же мы имеем теперь? Нечто под названием Соединенное Королевство, которое, если быть честным и смотреть на вещи прямо, не исполняет обязательств, заложенных в эпитете

«соединенное». Его члены едины в том смысле, в каком едины арендаторы, сидящие на землях одного и того же помещика. А всякий знает, что арендованную землю можно законно выкупить. Но перестала ли философия заниматься фундаментальными проблемами бытия оттого, что астрономия и ее подружки переселились в другие сферы? Никоим образом. Можно даже заметить, что ей стало легче сосредоточиться на главном. А утратит ли Англия свою яркую и уникальную индивидуальность, которая создавалась не один век, если (чисто теоретическое допущение) Уэльс, Шотландия и Северная Ирландия решат смотаться? Джерри был убежден, что ни капельки.

— Грудки, — напомнил сэр Джек.

— Я как раз об этом. Именно-именно. Взглянем на вещи прямо. На дворе третье тысячелетие, и грудки у тебя, крошка, пообвисли. Дни, когда достаточно было послать фрегат или просто пару солдатиков в красных мундирах, давно миновали. Наша армия самая лучшая — это не требует доказательств, — но нынче мы сдаем ее напрокат для мелких войн, организованных другими странами. Из хит-парада мы вылетели. Почему у некоторых это никак не уложится в голове, а? Прядильные машины сданы в музей,

нефть иссякает. У других народов себестоимость товаров дешевле. Наши друзья в Сити все еще куют деньги, и пищу мы сами себе выращиваем; мы — мелкая фабричка с подсобным хозяйством. Иногда мы вырываемся в авангард, иногда плетемся в хвосте. Но одной вещи у нас не отнимешь, вещи, которой нет больше ни у кого: это накопленное время. Время. Вот, понимаете ли, мой пароль.

— Понимаю.

— Если ты старый хрен и сидишь на крылечке в кресле-качалке, не ходи играть в баскетбол с молодняком. Старики не прыгают. Сиди и извлекай все самое лучшее из того, что у тебя есть. А еще ты должен вот что проделать: убеди молодежь, что прыгать может каждый дурак, но правильно сидеть и качаться в кресле умеет лишь мудрый стреляный волк... Есть в нашей стране люди (их воззрения я лично классифицирую как типичный случай исторически-депрессивного расстройства), которые считают, что наша должность в мире, наша личная геополитическая функция — это служить символом упадка, моральным и экономическим пугалом. Мы, дескать, научили мир играть в крикет, а теперь наш долг, проявление комплекса рецидивной имперской вины

— сидеть сложа руки и позволять себя обыгрывать. Бред. Я хочу повернуть это направление мысли вспять. В нашей стране нет человека, который любил бы ее больше, чем я. Нужно лишь правильно позиционировать этот товар... Отпозиционируй этот товар для меня, Джерри. — Глаза сэра Джека подернулись мечтательной дымкой, но в голосе гудело вожделение.

Консультант избранных избранными угостился еще одной понюшкой табака.

— Вы — мы — Англия — мой клиент — великая и древняя нация. У нее великое прошлое. Ее великая мудрость накапливалась веками. Ее социально-культурные исторические реалии — а их легион, тьма! — штучный, ходкий товар. В особенности при нынешнем общественном климате. Шекспир, королева Виктория, индустриальная революция, садоводство и прочее в том же роде. Позвольте слоган — авторское право закрепляю за собой: «Вы движетесь — а мы уже пришли». Это не самоутешение, это сила нашей позиции, наша слава, имидж нашего продукта. Пальма первенства — вновь у нас. Мы продадим наше прошлое другим странам в качестве их будущего!

— Феноменально, — пробормотал сэр Джек. —

Феноменально.

— Па-па-па-па, пум, пум, пум, — пропел сэр Джек, когда Вуди, держа под мышкой фуражку, открыл перед ним дверь лимузина, — пум, па-па-па-па, пумм, пумм, пумм. Ну как, Вуди, узнаете?

— Это, случайно, не будет гениальная Пасторальная, часом, сэр? — в очередной раз прикинулся робким профаном шофер, за что был удостоен начальственного кивка и еще одной порции сведений, известных лишь кругу избранных.

— Пробуждение безмятежных впечатлений по приезде в деревню. Некоторые переводчики пишут «счастливых»; я предпочитаю «безмятежных». Встретимся в «Собаке и барсуке» через два часа.

Вуди тронулся с места и медленно поехал к вышеупомянутой достопримечательности, в другой конец долины, чтобы заплатить хозяину паба, дабы тот поднес начальнику стопку за счет заведения. Сэр Джек поддернул язычки своих туристских ботинок, переложил из одной руки в другую трость тернового дерева и, распрямившись, неспешно, с расстановкой пустил газы: на слух казалось, будто продувают радиатор. Удовлетворенный, он постучал палкой по каменной ограде, расчерченной безупречно ровными

— хоть в скребл играй — клеточками, и зашагал куда глаза глядят, окруженный со всех сторон осенней природой. Сэр Джек любил возносить хвалы простым радостям жизни — и делал это ежегодно в качестве Почетного президента Ассоциации пеших странников, — но ему было известно, что в наше время простота из радостей испарилась. Молочница и ее ухажер-пастух больше не бегают вокруг майского древа, предвкушая лакомый кусок холодного пирога с бараниной. Индустриализация и свободный рынок давным-давно сдали их в утиль. Еда превратилась в сложный процесс, и аутентичное воссоздание питания исторической молочницы сопряжено с огромными трудностями. Пить в наши времена тоже непросто. Секс? Чтобы отнести его к простым радостям, надо быть распоследним идиотом. А как размять тело? Танцы у майского древа сменились занятиями на тренажерах. Искусство? Переродилось в шоу-бизнес.

И слава богу, считал сэр Джек. Па-па-па-па, пум, пум, пум. Живи Бетховен в наше время, кем бы он сейчас был? Богатым и знаменитым пациентом лучших врачей. Какой бардак творился в тот декабрьский вечер в Вене. В 1808-м, если память не изменяет. Недоумки меценаты, тупая,

дрожащая от холода публика. Музыкантам не дали времени для репетиций. А какой умник сообразил совместить премьеры Пятой и гениальной Пасторальной в один и тот же вечер? И приплюсовать Четвертый концерт. И добавить Хоральную фантазию. Четыре часа в неотапливаемом зале. И разумеется, провал. Теперь же, с толковым импресарио и шустрым директором, а еще лучше — с просвещенным спонсором, исключающим необходимость в хапугах, которым лишь бы свой процент сорвать... Со сведущим человеком, который проследит, чтобы вещь была как следует отрепетирована... Сэр Джек сочувствовал великому Людвигу, сочувствовал искренне. Па-па! Па-па-па-пум-дидди-ум.

Даже пешая прогулка — казалось бы, нет радости проще — и та сопряжена с самыми разными сложностями: техническими и правовыми, теоретически-философского и практически-гардеробного плана. Никто уже не «гуляет» просто так, не бродит, чтобы побродить, чтобы наполнить легкие свежим воздухом, доводя тело до ликующего визга. Впрочем, вполне возможно, и раньше никто никогда этого не делал, кроме кучки чудаков. Точно так же сэр Джек сомневался, что в старое время хоть кто-нибудь по-настоя-

щему «путешествовал». Сэр Джек имел долю во множестве фирм, работающих в сфере досуга, и его уже тошнило от самозваных специалистов, заявляющих, будто вульгарный «туризм» вытеснил благородные «путешествия». Какие снобы и невежды — все эти плакальщики над прошлым. Или они воображают, будто их обожаемые стародавние путешественники были идеалистами? Что они «путешествовали» не по тем же мотивам, что и современные «туристы»? Чего они хотели: выбраться из Англии, побывать в чужих странах, погреться на солнышке, увидеть странные места и странных людей, накупить всякой всячины, обогатить свой эротический опыт, вернуться домой с сувенирами, воспоминаниями и хвастливыми байками, так ведь? Те же яйца, вид сбоку, заключал сэр Джек. Со времен «поездок на воды» изменилось лишь одно — путешествия демократизировались, и слава богу, как он постоянно твердил своим акционерам.

Сэр Джек любил бродить пешком по землям, которые ему не принадлежали. Он одобрительно махал палкой фанерным коровам на зеленых взгорках, могучим коням в брюках клеш, круглым стогам, похожим на брикеты сладкой ваты. Но он никогда не впадал в заблуждение, будто

среди всего этого найдется хоть что-нибудь простое или естественное.

Он вошел в лес, кивнув встречным туристам — молодой паре. Кажется, они презрительно хмыкнули — или послышалось? Возможно, их удивили его твидовая тиролька, охотничья куртка, саржевые лосины, краги, ботинки ручной работы из оленьей кожи и палка болотного жителя. Все, разумеется, английского производства; сэр Джек даже в частной жизни был патриотом. Попавшиеся на его пути туристы были одеты в спортивные костюмы ядовитой, как промышленные отходы, расцветки. На ногах — кроссовки на резиновой подошве, на головах — бейсболки, на спинах — нейлоновые рюкзаки; один был с плеером и слушал, несомненно, вовсе не Пасторальную. Только не подумайте, будто сэр Джек был сноб. Несколько лет назад в Ассоциацию пеших странников поступило предложение провести закон о том, чтобы туристы носили исключительно одежду гармонирующих с природой цветов. Сэр Джек боролся с этим проектом руками и ногами, зубами и когтями. Он объявил его фантастическим, проэлитарным, неосуществимым и антидемократичным. Между прочим, производство спортивной одежды также входило

в область его деловых интересов...

Лесная тропа — несколько поколений пружинистых березовых листьев — настоящий ковер из войлочных лоскутов. Многоярусные трутовики на гнилом бревне — макет спроектированных Корбюзье рабочих кварталов. Гениальность — это дар преображения: так соловей, перепел и кукушка стали флейтой, гобоем и кларнетом. Но ведь гениальность — это еще и умение видеть вещи, как в первый раз, глазами невинного ребенка. Так ведь?

Выйдя из леса, он поднялся на невысокий холм: открылся вид на волнистые поля, спускающиеся мимо рощицы к узкой речушке. Опершись о палку, он мрачно задумался о своем разговоре с Джерри Бэтсоном. Тоже мне, патриот, решил Джек. Какой-то он скользковатый. Не идет на честный мужской разговор, в глаза не смотрит — сидит, медитирует, хиппи галстучный! И все-таки Джерри подаст тебе руку помощи — в случае, если ты ее предварительно позолотишь. Время. Ты не старше и не моложе своего возраста. Идея банальная — до того банальная, что балансирует на грани мистики. Итак, определим возраст сэра Джека. Больше, чем по паспорту, это уж точно. Много ли времени ему осталось? Порой

его посещают необъяснимые дурные предчувствия. Когда он восседает на порфирном унитазе в своем личном туалете в «Питмен-хаусе», его иногда обуревает чувство бренности. Что, если смерть захватит тебя врасплох, со спущенными штанами? Нет конца постыднее...

Нет, нет! Прочь эти мысли. Они недостойны ни карапуза Джеки Питмена, ни Веселого Джека, ни сэра Джека, ни будущего, к примеру, лорда Питмена — насчет своего следующего прозвания он еще точно не решил.

Нет, он должен двигаться дальше, действовать, не ждать подходящего времени — а схватить его за горло! Вперед, вперед! Ахнув палкой по густым кустам, он вспугнул фазана; птица, одетая в мешковатый аранский свитер, тяжело поднялась в воздух и шумно — авиамоделью с барахлящим моторчиком — улетела.

Чистый октябрьский ветерок все сильнее задувал в лицо сэру Джеку, пока он шел вдоль эскарпа. Ржавый ветряной насос изображал собой задорного петушка Пикассо. Вдали уже горела горстка ранних огней: деревушка, служащая дальним спальным пригородом Лондона, паб, чья аутентичность гарантирована всеанглийской сетью пивоварен. Его странствие подходило

к концу слишком рано. Погодите, подумал сэр Джек, погодите! Иногда он чувствовал себя просто-таки братом старины Людвига, и не зря — в журнальных очерках о сэре Джеке часто употреблялось слово «гений». Правда, не всегда оно было окружено лестным контекстом, но, как он сам любил говорить, журналисты бывают только двух видов: те, кому платит он, и те, кому платят его завистливые конкуренты. И вообще, раз даже писакам приходит на ум именно это слово... Но где же его Девятая симфония? Может быть, идея, вызревающая сейчас в его голове, — это она и есть? Несомненно, умри Бетховен автором всего лишь восьми симфоний, мир все равно распознал бы в нем выдающегося человека. Но Девятая, Девятая!

Мимо пролетела сойка, рекламируя модные в этом сезоне цвета автомобилей. Березовый перелесок пылал, как антикоррозийная краска. Вот окунуться бы в нее... *Muss es sein?* Ответ знал любой бетховенианец — а сэр Джек считал себя таковым. *Es muss sein*[6]. Но только после Девятой.

Подняв и застегнув на специальные крючки

---

[6] Примечания: 6

Должно ли существовать на свете? <...> Существовать — должно (нем.).

воротник своей охотничьей куртки, чтобы защититься от ветра, он направился к прогалу в дальней живой изгороди. Двойной бренди в «Собаке и барсуке», чей бакенбардистый хозяин патриотично взмахнет в воздухе счетом — «Рад и польщен, как всегда, сэр Джек», — и лимузин умчит его назад в Лондон. Обычно он озвучивал салон Пасторальной, но сегодня, пожалуй, изменит привычке. Третью? Пятую? Хватит ли у него храбрости на Девятую? Когда он дошел до деревьев, навстречу «черным воронком» выпорхнула ворона.

* * *

— Есть люди, которым нравится окружать себя подхалимами, — сказал сэр Джек на собеседовании с Мартой Кокрейн, которая претендовала на пост Специального Консультанта. — Но я известен как ценитель «противошерстников» и «противошерстниц» — это мой термин. Солдат, которым стыдно стрелять в народ. Отрицателей. Верно, Марк? — Он махнул Менеджеру Проекта, молодому блондину с проказливой эльфийской мордашкой, чьи глаза так рьяно следили за каждым движением начальника, что порой буквально забегали вперед.

— Нет, — ответил Марк.

— Хо-хо, Марко. Уели вы меня. А с другой стороны, спасибо за наглядное доказательство.

Сэр Джек перегнулся через свой письменный стол двойной ширины, намереваясь побаловать Марту толикой благожелательного «фюрерконтакта». Марта выжидала. Она ждала, что ее попробуют выбить из колеи, и действительно, сильно опешила, узрев длинноворсовый уют сэра Джека — так вопиюще контрастировал его стиль с остальной частью «Питмен-хауса». Она чуть не подвернула ногу в этих шерстяных чащах.

— Вы заметите, мисс Кокрейн, что я специально избегаю обобщающих существительных мужского рода. Среди бизнесменов своего уровня я выделяюсь тем, что держу в штате больше женщин. Перед женщинами я преклоняюсь. Также я убежден, что женщины, когда они не бывают еще большими идеалистками, чем мужчины, циничнее их. Короче, я ищу особу на должность, так сказать, Штатного Циника. Не придворного шута — эта вакансия занята нашим юным Марком, — но человека, который не побоится высказать свое мнение, не побоится мне противостоять и в то же самое время не вздумает рассчитывать, что с его советами и мудростью непременно будут счи-

таться. Мир — моя устрица, но в данный момент я ищу не жемчужину, а песчинку — песчинку, нужную мне как воздух. Скажите, вы согласны, что женщины циничнее, чем мужчины?

Марта на несколько секунд задумалась.

— Ну что ж, женщины традиционно подлаживались под нужды мужчин. А нужды мужчин — это, разумеется, палка о двух концах. Вы возносите нас на пьедестал, чтобы заглянуть под наши юбки. Когда вам потребовались образцы непорочности и высочайшей духовности, те, кого можно заочно идеализировать, пока убиваешь врагов или пашешь землю, мы подстроились. Если теперь вы хотите от нас цинизма и разочарованности в жизни, мы, осмелюсь сказать, подстроимся запросто. Хотя, конечно же, мы это сделаем невсерьез — как и раньше подлаживались невсерьез. К цинизму мы отнесемся цинично.

Сэр Джек, интервьюировавший соискателей на демократичный манер — без пиджака, выжал из своих подтяжек цветов «Гаррик-клуба» резиновое пиццикато:

— И это будет уже верх цинизма.

Он снова просмотрел ее резюме. Сорок, разведена, без детей; диплом историка, диссертация о

наследии софистов; пять лет работы в Сити, два — в Управлении по делам искусства и исторического наследия, восемь — в качестве независимого консультанта. Когда он переключился с досье на лицо, глаза Марты уже поджидали его, глядя непоколебимо. Темно-каштановые волосы, строгое каре, синий деловой костюм, одинокий зеленый камушек на левом мизинце. Увидеть ноги мешал стол.

— Я должен задать вам несколько вопросов, никак не связанных между собой. Посмотрим... — Ее пристальное внимание странным образом действовало на нервы. — Посмотрим. Вам сорок лет. Верно?

— Тридцать девять. — Прежде чем дать отповедь, она выждала, пока он откроет рот. — Но если бы я написала, что мне тридцать девять, вы наверняка решили бы, что мне сорок два или сорок три, а вот если я напишу, что мне сорок, вы скорее поверите.

Сэр Джек попробовал издать сдавленный смешок.

— А остальные пункты вашего резюме так же близки к истине, как и этот?

— В них столько правды, сколько вам угодно. Если резюме вас устраивает, оно правдиво. В

противном случае я его перепишу.

— Как вы думаете, за что наша великая нация любит королевскую семью?

— За право силы. Не будь этого права, вы бы задали противоположный вопрос.

— Ваш брак закончился разводом?

— Оказалось, что счастье для меня слишком тихоходная штука.

— Мы — гордая нация, не терпевшая поражений в войнах с тысяча шестьдесят шестого года?

— Одержавшая выдающиеся победы в Американской революционной войне и Афганских войнах.

— И все же мы победили Наполеона, кайзера, Гитлера.

— Не без помощи друзей.

— Как вам вид из окна моего кабинета? — Он взмахнул рукой, привлекая внимание Марты к парным, доходящим до самого пола шторам, подвязанным золочеными шнурами; между шторами располагалось откровенно фальшивое окно, с нарисованной на стеклах панорамой золотых пшеничных полей.

— Красиво, — обронила Марта ни к чему не обязывающим тоном.

— Ха! — отозвался сэр Джек. Он прошел к окну,

надавил на искусно вырисованные обманки-шпингалеты и, к удивлению Марты, распахнул его. Золотые поля исчезли, открыв взору атриум «Питмен-хауса». — Ха!

Сэр Джек снова уселся с благодушием победителя.

— Вы со мной переспите, чтобы получить должность?

— Думаю, что нет. Это дало бы мне слишком большую власть над вами.

Сэр Джек презрительно фыркнул. Придержи язык, сказала себе Марта. Не надо играть на публику — Питмен это делает за двоих. Да и публика не бог весть какая: придворный шут-блондинчик, честный трудяга — Разработчик Концепций, щуплый очкарик неопределенных обязанностей, сгорбившийся над лэптопом, и немая референтка.

— А что вы думаете о моем великом Проекте, если судить по его предварительным описаниям?

Марта выдержала паузу.

— Думаю, он увенчается успехом, — сказала она и погрузилась в молчание.

Сэр Джек, решив, что сила на его стороне, выбрался из-за стола и встал, рассматривая профиль Марты. Теребя мочку своего левого уха, он уста-

вился на ее ноги.

— Почему?

Произнося вопрос, он гадал, к кому обратится соискательница вакансии — к кому-то из его подчиненных или вообще к пустому креслу? Либо, полуобернувшись к начальнику, в замешательстве скосит глаза? К удивлению сэра Джека, она поступила совсем иначе. Встала, повернулась к нему лицом, раскованно скрестила руки на груди и проговорила:

— Потому что никто еще не разорился на том, что потворствовал лени своих ближних. А точнее, никто еще не разорился на том, что потворствовал лени, за шанс предаться которой ближние платят хорошие деньги.

— Программа «Не просто отдых» предлагает целый спектр занятий по интересам.

— Вот именно.

Теперь перед каждым очередным вопросом сэр Джек перемещался на новое место, надеясь сбить Марту. Но она спокойно стояла, всякий раз просто оборачиваясь к нему. Остальных она игнорировала. Порой сэру Джеку чудилось, что он кружит по комнате вопреки своему желанию — иначе за Мартой не угнаться.

— Скажите, вы стрижку сделали специально

для этого собеседования?

— Нет, для следующего.

— Сэр Фрэнсис Дрейк?

— Пират. — (Спасибо, Кристина!)

— Ну-ну. А святой Георг, наш покровитель?

— Также святой покровитель Арагона и Португалии, полагаю. И защитник Генуи и Венеции. Видно, он победил не одного дракона, а целых пять.

— А если бы я сказал вам, что функция Англии в мире — это служить символом упадка, моральным и экономическим пугалом; мы, дескать, научили мир играть в хитроумную игру крикет, а теперь наш долг, проявление комплекса рецидивной имперской вины — сидеть сложа руки и позволять себя обыгрывать. Что бы вы на это сказали?

— Я бы сказала, что на вас это не очень похоже. Разумеется, я прочла почти все ваши речи.

Сэр Джек улыбнулся сам себе — как обычно, радушно демонстрируя окружающим свою симпатию к самому себе. Его кругокабинетный поход был к тому времени закончен, и он вновь уселся в свое президентское кресло. Марта тоже села.

— А почему вы хотите получить эту должность?

— Потому что вы будете платить мне больше, чем я заслуживаю.

Сэр Джек, не таясь, расхохотался.

— Есть еще вопросы? — спросил он сотрудников.

— Нет, — нагло отрезал Марк, но начальник не уловил отсылки к началу разговора.

Марту проводили до выхода. В Цитатной она задержалась, делая вид, что осматривает подсвеченную прожекторами стелу; вдруг скрытой камере тоже нужно понравиться? На самом деле она пыталась вспомнить, что же ей напомнил кабинет сэра Джека. Наполовину клуб для джентльменов, наполовину аукционный дом, исчадие настырно-дурного вкуса. В этом кабинете чувствуешь себя как в холле какого-нибудь загородного отеля, где назначаются свидания для случайных, от нечего делать, адюльтеров, где беспокойство, проглядывающее в поведении всех окружающих, помогает скрыть твою собственную тревогу.

Тем временем сэр Джек Питмен отодвинул кресло к стене, шумно потянулся и ослепительно улыбнулся сотрудникам.

— Песчинка — и жем-чу-жи-на. Джентльмены — разумеется, я выражаюсь метафорически, ибо

в моей грамматике мужской род всегда объемлет женский — джентльмены, по-моему, я влюблен.

* * *

Краткая история сексуальности в случае Марты Кокрейн:

1. НЕЧАЯННОЕ ОТКРЫТИЕ. Зажатая между ног подушка, бешеный стук в голове, еще горячая полоска света под дверью спальни. «Метод невинного тыка», назвала она это.

2. СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ТЕХНИКИ. Переход с одного пальца на два; с сухих на послюнявленные.

3. СОЦИАЛИЗАЦИЯ ИМПУЛЬСА. Первый мальчик, сказавший, что она ему нравится. Саймон. Первый поцелуй и недоуменное размышление: как не сталкиваться носами? Первый раз, когда после танца, прислонившись к стене, она почувствовала, что в ее бедро что-то тычется; мимолетное предположение, будто это, возможно, какой-то физический недостаток и почти точно резон больше не видеться с этим мальчиком. Позднее мальчик был рассмотрен целиком: визуальное знакомство с органом вызвало легкую панику. «Он же не влезет!» — подумала она.

4. ПАРАДОКСЫ ИМПУЛЬСА. Как в старой пе-

сенке, «Кого хочу, тех не имею, кого имею, не хочу». Глубокое и непризнанное влечение к Нику Дердену, с которым она даже рукавом не соприкоснулась ни разу. Любезное согласие допустить к своему телу Гарета Дайса, который трахнул ее три раза подряд на колючем ковре, пока она с улыбкой похваливала его, про себя гадая, предел ли это наслаждения или бывает лучше, слегка обескураженная странным распределением веса в мужском теле: ниже пояса, в «этом самом месте» он был невесомый, просто пар, зато в районе груди так навалился своими тяжеленными костьми, что весь воздух из легких выдавил. Да и имя Гарет ей не понравилось выговаривать, когда она произносила его до акта и после.

5. «ЛУНА-ПАРК». Туда-сюда обратно, тебе и мне приятно. Могучие кони и златорогие козлы наперебой звали с собой; о, как переливались змейки электрогирлянд, как гремела, затягивая в водоворот, музыка! Взлетаешь на качелях, размазываешься по стенам «Сюрприз-вертушки», рвешь путы земного притяжения, исследуешь потенциальные возможности человеческого тела, одновременно проверяя его на прочность. И конечно, были — по идее, были — призы, хотя чаще, чем ты ожидала, кольцо рикошетом отскакивало

от деревянного колышка, разболтанная удочка ничегошеньки не подцепляла на крючок, а в павильоне «Сбей орех» кокос, как оказывалось, был прочно приклеен к чашке.

6. ПОИСКИ ИДЕАЛА. В разных постелях, иногда путем прямого отказа или отмазки от постели. Гипотеза, будто полное счастье возможно, желанно, жизненно важно — и достижимо лишь в присутствии и с помощью Другого. Надежда на То, что Так Возможно, воплощенная: а) в Томасе, который повез ее в Венецию, где она обнаружила, что ее глаза куда ярче сияют при виде Джорджоне, чем когда она стоит перед Томасом, одетая в специально купленное иссиня-черное нижнее белье, а за окном причмокивает узкий канал-переулок; б) в Мэтью, который превыше всего обожал ходить по магазинам, который, даже не снимая вещь с вешалки, безошибочно определял, пойдет ли она Марте, который доводил собственноручно состряпанный ризотто до нужной кондиции липкой влажности, но вот Марту, как ни бился, до сходной кондиции довести не мог; в) в Теде, который показал ей, чем хороши деньги и благостное ханжество, порождаемое их наличием, который сказал, что любит ее, что хочет жениться на ней и иметь от нее детей, но не соиз-

волил упомянуть, что каждое утро по дороге из ее квартиры в свой офис всегда проводит заветный час наедине со своим психиатром; г) в Расселле, с которым она беспечно сбежала ради интима и любви в горы Уэльса, в хижину на полпути к облакам, чтобы жить на холодной воде, которую приходилось качать ручным насосом, и парном козьем молоке; он был идеалист и аккуратист, он был бескорыстный сознательный член общества, но она вскоре начала подозревать, что просто не может жить без самодовольства, суеты, лености и порочности современной городской жизни. Опыт общения с Расселом также заставил ее усомниться в том, что любовь можно воспитать в себе усилием воли или сознательным решением; похоже, порядочный человек — еще не все, что нужно для любви. И вообще, где это написано, будто возможно еще что-то, помимо приятного компанейского разврата? (В книгах, но книгам она не верила.) После этих открытий ее жизнь несколько лет сопровождало чувство легкого, почти пьянящего отчаяния.

6-бис. ПРИЛОЖЕНИЕ. Не забыть — несколько женатых. Выбор за тобой, Марта, а предлагается вот что: мобильники, телефоны в машине, автоответчики; чувства, не поверяемые бумаге, боязнь

расплачиваться кредитной карточкой; секс без предупреждения, а не успеешь опомниться, дверь квартиры захлопывается за гостем; интимные послания по электронной почте и безмолвие на Пасху; живенький такой темп беспечной непричастности ни к чему, просьба не пользоваться никакой парфюмерией; прелести воровской жизни, минимализированные надежды, ревность, которую каленым железом не выжжешь. А также друзья, в которых видишь потенциальных секс-партнеров. А также секс-партнеры, в которых видишь потенциальных друзей. А также (но до дела так и не дошло) Джейн (если бы не слишком устала, если бы не так зверски хотелось спать).

7. СТРЕМЛЕНИЕ К САМОДОСТАТОЧНОСТИ. Потребность мечтать. Реальность этой мечты. Другой может страховать тебя со спины, помогать, и его условное присутствие дополнительно скрасит вашу гипотетическую общую реальность. Но от его реальности — и от его «я» — ты абстрагируешься, и в этом твое спасение. Ты это серьезно, Марта, спрашивала она себя порой, или просто завертываешь в красивый фантик свою склонность к беззастенчивому эгоизму в сексе?

7-бис. Не забыть — десять с половиной месяцев целомудрия. Лучше, хуже или просто по-дру-

гому?

8. СОВРЕМЕННАЯ СИТУАЦИЯ. К примеру, вот этот. Как раньше говорили, хороший добытчик. Показал себя таковым. Хороший упругий член без проблем; симпатичный торс с несколько бабскими сосками, похожими на моллюски «блюдечко»; ноги коротковаты, но в лежачем положении незаметно. А как он хлопочет, как хлопочет, отлично знает, чего ему надо, подгоняет ее к какому-то шаблону вечной женственности, который давно уж создал сам. Словно Марта — банкомат: набери правильный код, и деньги потекут рекой. Лощеная уверенность, самодовольное знание, что проверенный метод в очередной раз даст отличный результат.

Откуда такая уверенность берется? От недомыслия; внесли свою лепту и ее предшественницы, подкрепляя его поведение своими положительными реакциями. Да и она реагировала на него по-своему положительно: в смысле, могла положиться на то, что он по уши занят своими хлопотами и не отвлечется на что не надо. А самодовольство означало, что он и не заметит, как она абстрагируется от его реальности. И даже обратив внимание на ее отрешенность, только возгордится: вознес, дескать, подругу к новым

вершинам блаженства, на пятое, шестое, седьмое небо.

Исподтишка послюнив палец, она начала теребить себе клитор. Партнер замялся, точно получив нагоняй, передвинулся поудобнее, рыкнул, намекая, что возбужден столь вопиющей порочностью, и возобновил свои хлоп-хлоп-хлопоты. Она мысленно покинула его: пусть себе остается там, ниже пояса, наедине со своими выделениями и гидравликой, своим надежным таймером и верхней, чемпионской ступенькой пьедестала. Когда придет время, она организует притворную овацию.

(В скобках: тайна женского оргазма, за которым когда-то охотились, точно за редким зверем — нарвалом каким-нибудь, единорогом... Где он — в дальних странах, в недоступных океанских впадинах, среди мерзлой тундры? Вначале его выслеживали женщины, затем к погоне присоединились мужчины. Драка за совочек в песочнице. Мужчины на каких-то странных основаниях возомнили его своей собственностью — дескать, без их помощи никак. Они хотели промчаться по улицам триумфальной кавалькадой, волоча его за собой. Но кто его в свое время потерял? Мужчины же и потеряли, так что женщины

имеют полное право завладеть тем, что с воза упало. Необходима новая завеса секретности, новые законы об охране живой природы.)

Она распознала знакомые симптомы. Почувствовала, как все сильнее напрягается его тело, услышала придушенные хрипы — басовитые, как кряхтение при запоре; и звуки более высокие, точно в самолете уши заложило и пытаешься их прочистить. Она исполнила свою партию, изобразила нежные протесты, возмущение и бурный восторг жертвы, пронзаемой сладостным клинком; и вот, в одно и то же мгновение времени, но в разных секторах вселенной, он кончил и кончила она.

Вскоре он пробормотал:

— Понравилось?

Вероятно, он хохмил, но все равно фраза была произнесена очень уж по-официантски. Надежно защищенная двусмысленностью слов, она ответила:

— Отличное угощение.

Он хохотнул:

— Мне не говори, скажи своим подругам.

Куда девается ненормативная лексика, когда она тебе действительно нужна? Проблема, впрочем, в том, что большая часть таких слов

описывает то, что проделывает уже битый час она сама. А остальные слабоваты. Даже эту его звонкую фразочку она уже слыхивала когда-то на своем извилистом жизненном пути. И стопроцентно услышит вновь: она поделится впечатлениями о нем, хотя и не теми, на которые он рассчитывал. Чуть-чуть об этой ночи и этом партнере; и долго-долго — о сладкой, мать ее за ногу, силе обмана, что срывает, возвышает, к земле швыряет и вновь хватает.

* * *

Величайшие из дающих право на налоговые льготы умов были приглашены выступить перед Координационным комитетом Проекта. Среди них был французский интеллектуал, оказавшийся на поверку щуплым, отглаженным человечком в английском твидовом пиджаке, который был ему велик на полразмера; пиджак дополнялся голубой рубашкой из американского хлопка, с воротником на пуговках, итальянским цветисто-строгим галстуком, интернациональными угольно-черными чистошерстяными брюками и французскими туфлями-мокасинами. Круглое лицо, загоревшее под несколькими поколениями настольных ламп; пенсне; редкие, очень коротко

остриженные волосы. Портфеля он с собой не принес и шпаргалки в кулачке не прятал. Зато скупо-изящными жестами он извлекал из своих рукавов голубей, а изо рта — длинную гирлянду флагов. Паскаль выводил к Соссюру через Лоренса Стерна; Руссо — к Бодрийяру с остановками в Эдгаре По, маркизе де Саде, Джерри Льюисе, Декстере Гордоне, Бернаре Иноле и ранней Анн Сильвестр, далее везде; Леви-Стросс — к Леви-Строссу.

— Здесь фундаментально, — провозгласил он, как только цветные платки спланировали на пол, а голуби расселись по карнизам, — здесь фундаментально осознать, что ваш великий Проект — а у нас во Франции всегда рады приветствовать чужие *grands projets* — глубоко современен. Мы в нашей стране имеем определенную концепцию *patrimonie,* а вы в вашей стране имеете определенную концепцию *culturel*-наследия. Мы не говорим о таких концепциях здесь, то есть избегаем прямых аллюзий, хотя, разумеется, в нашем интертекстуальном мире подобные аллюзии, при всей их *mronme,* естественно, имплицитны и неизбежны. Надеюсь, все мы понимаем, что территории, свободной от аллюзий, в природе не существует. Но это все, как вы выражаетесь,

попутные слова.

Нет, мы говорим о глубоко современной вещи. Точно установлено — строго говоря, неопровержимо доказано многими из ранее процитированных мной авторов, — что в наши дни мы предпочитаем копию подлиннику. Репродукцию произведения искусства мы предпочитаем самому этому произведению искусства, идеальный звук и уединение компакт-диска — симфоническому концерту в обществе тысячи больных ОРЗ, книгу на аудиокассете — книге на коленях. Если вы посетите гобелен Байе в моей стране[7], вы обнаружите, что дойти до оригинала одиннадцатого века можно лишь мимо копии масштаба один в один, выполненной современными мастерами; это документальная экспозиция, диктующая посетителю — невзирая на то, что он является паломником, — подлинное место произведения искусства. Более того! Я знаю из авторитетных источников, что количество человеко-минут, проводимых перед копией, при любой методике подсчета значительно превышает количество человеко-минут перед подлинником.

Когда подобные явления были открыты впер-

[7] Примечания: 7

Имеется в виду музей во французском городе Байе, где хранится гобелен XI — XII века с изображением сцен нормандского завоевания Англии.

вые, некоторые старомодные люди заявили, что чувствуют разочарование и даже стыд. Это как обнаружить, что мастурбация с использованием порнографического зрительного ряда слаще, чем секс. *Queue horreur!*[8] Вандалы вновь ворвались в город, кричали они, подрезается ткань нашего общества. Но дело обстоит не так. Важно понять, что в современном мире мы предпочитаем копию подлиннику, потому что она доставляет нам более сильный *frisson*[9]. Это слово я оставлю непереведенным с французского, так как думаю, что вы его и так понимаете.

Более того! Вопрос, который должен быть задан, таков: почему мы предпочитаем копию подлиннику? Почему она доставляет нам более сильный *frisson*? Чтобы это понять, мы должны понять и вполне осознать нашу неуверенность, нашу экзистенциальную нерешительность, тот глубокий атавистический страх, который мы испытываем, оказавшись с подлинником лицом к лицу. Столкнувшись с альтернативной, не-нашей реальностью, реальностью, которая выглядит более мощной и потому нам угрожа-

---

[8] Примечания: 8
Какой ужас! *(фр.)*

[9] Примечания: 9
Дрожь *(фр.)*.

ет, мы обнаруживаем, что спрятаться негде. Не сомневаюсь, вы знакомы с работами Виолле-Ле-Дюка, которому в начале девятнадцатого века было поручено спасти многие из приходящих в упадок замков и *forteresses*[10] моей страны. Есть два традиционных взгляда на его деятельность: первый — что он старался насколько возможно спасти древние камни от полного разрушения и исчезновения, что он прилагал все усилия для их сохранения; и второй — что он поставил себе гораздо более сложную задачу, а именно — воссоздать здания в их изначальном виде, что в своих трудах он руководствовался воображением и получал результаты, которые одним кажутся удачными, а другим — нет. Но возможен еще один, третий взгляд, и он таков: Виолле-Ле-Дюк хотел у-ни-что-жить ре-аль-ность этих древних зданий. Перед лицом кон-ку-рен-ции со стороны реальности, реальности более сильной и более глубокой, чем его собственная эпоха, он мог лишь одно — движимый экзистенциальным страхом и чисто человеческим инстинктом самосохранения, он был вынужден уничтожать подлинники!

Позвольте процитировать одного из моих кол-

---

[10] Примечания: 10
Крепости *(фр.).*

лег-соотечественников, одного из этих старых *soixante-huitards*[11] прошлого века, чьи ошибки многие из нас находят столь поучительными и плодотворными. «Все, что когда-то переживалось непосредственно, — написал он, — стало всего лишь репрезентацией». Это есть глубокая истина, хотя и рожденная глубокой ошибкой. Ибо автор вложил в нее, как это ни поразительно, отнюдь не похвальную, но критическую интенцию. Продолжим цитату: «Кроме старых книг, старых зданий и другого наследственного имущества, все еще что-то значащего, но обреченного на постоянную редукцию, ни в культуре, ни в природе не осталось ничего, что не было бы трансформировано и загрязнено в соответствии со средствами и интересами современной индустрии».

Вы видите, как разум, взлетев столь высоко, внезапно утрачивает храбрость? И как мы можем локализовать эту утрату храбрости в движении, в дегенерации от семантически-нейтрального глагола «трансформировать» к глаголу с этически-неодобрительной коннотацией «загрязнять». Он понимал, этот старый мыслитель, что мы живем в мире зрелищ, но сентиментальность и

[11] Примечания: 11

От *фр.* «шестьдесят восемь» — участник событий мая 1968 г.; в переносном смысле — бунтарь.

некий политический рецидивизм заставили его устрашиться собственных пророческих видений. Я предпочел бы развить его мысль следующим образом. Когда-то был только мир, переживаемый непосредственно. Теперь имеется репрезентация — позвольте расчленить это слово: «ре-презентация», повторная презентация — мира. Это не заменитель неказистого первобытного мира, но его улучшенный и обогащенный, иронизированный и суммированный вариант. Вот где мы отныне живем. Черно-белый мир стал цветным, одинокий хриплый динамик — системой «Долби-серраунд». Мы что-то на этом потеряли? Нет, мы приобрели, мы победили.

В заключение позвольте констатировать, что мир третьего тысячелетия неизбежно, неискоренимо современен и что наш интеллектуальный долг — подчиниться этой современности и отринуть как сентиментальные и глубинно-фальшивые все вздохи по тому, что именуется сомнительным термином «подлинник». Мы должны требовать копий, ибо реальность, истина, аутентичность копии — это то, что мы можем присваивать, колонизировать, реструктуриро-

вать, использовать как источник *jouissance*[12], и наконец, когда мы того захотим — если захотим, — реальность копии станет реальностью, которую нам суждено встретить на своем пути, оспорить и уничтожить.

Джентльмены и леди, я поздравляю вас, ибо ваше предприятие глубоко современно. Желаю вам храбрости, достойной этой современности. Невежественные критики будут, несомненно, утверждать, будто вы всего лишь пытаетесь воссоздать Старую Добрую Англию — тут меня особенно интригует женский род наименования страны, но это другая тема. Более того, если вы позволите, это шутка. Я говорю вам в заключение, что ваш Проект должен быть очень Старым-Добрым, поскольку именно тогда он станет истинно новаторским, станет современным! Джентльмены и леди, я салютую вам!

Лимузин корпорации «Питко» отвез французского интеллектуала в центр Лондона, где он истратил часть своего гонорара на бахилы от «Фарлоу», блесны от «Дома Харди» и «Кэрфилли» многолетней выдержки в погребке «Пакстон-энд-Уитфильд». А потом улетел, по-прежнему

---

[12] Примечания: 12
Наслаждение *(фр.).*

без шпаргалок, через Франкфурт-на-Майне на следующую конференцию.

* * *

О сэре Джеке Питмене бытовало множество разных мнений, почти каждое из которых исключало все остальные. Кто он — злодей и садист? Либо прирожденный лидер и сила природы? Неизбежное, злокозненное порождение свободного рынка — либо одержимый своим делом человек, ни при каких обстоятельствах не утрачивающий связи со своей затаившейся на дне подсознания душой? Одни приписывали ему глубокий, интуитивный ум, позволявший ему равно чувствовать как перепады биржевой активности, так и слабые струнки деловых партнеров; другие находили, что он — тупое, бездумное общее звено между деньгами, самомнением и отъявленной бессовестностью. Одни наблюдали, как он заставлял своих абонентов ждать на линии, дабы без помех похвастаться коллекцией прэттовских сервизов; другим он звонил сам, приняв любимую, «переговорную» позу — восседая на своем порфирном унитазе, — и собеседники слышали, как он оскорбленно спускает их наглые требования в канализацию вместе с водой.

Почему же суждения о нем были столь противоречивы? Разумеется, и на этот вопрос всякий отвечал по-своему. Одни считали, что сэр Джек — просто-напросто слишком крупная, слишком многогранная фигура, которая просто не умещается в головах простых (и вдобавок завистливых) смертных; другие подозревали, что секрет его силы — в чисто тактической скрытности: сэр Джек не давал наблюдателям никаких поддающихся дешифровке — точнее, вообще никаких — улик и сведений.

Тем же дуализмом заражались те, кто пытался анализировать деятельность Питмена-бизнесмена. Им приходилось метаться между двумя крайностями. Либо: Питмен — рисковый игрок, иллюзионист от финансов, умеющий на краткий, ключевой миг убедить вас, будто деньги настоящие и практически у вас в руках; он не пропускает ни одной лазейки в законах; он со Спаса дерет да на Николу кладет; он, как бешеный пес, все роет и роет, чтобы землей из новой ямы закидать предыдущую; и доныне не умолкло эхо фразы, произнесенной одним инспектором из министерства торговли и промышленности: «Я бы его не допустил даже бычками на базаре торговать». Либо: это динамичный человек из древней

породы купцов-мореплавателей, чьи успехи и энергичность вызывают, естественно, зависть и клевету у консерваторов, для которых бизнес — прерогатива мелких династических фирм, а его законы — замшелые правила крикета; Питмен — архетип транснационального предпринимателя, функционирующего на современном глобальном рынке, и вполне понятно, что он старается свести свои налоговые выплаты до минимума — иначе его бизнес не будет конкурентоспособен. Либо: вы только посмотрите, как он использовал сэра Чарльза Энрайта, чтобы втереться в Сити, ноги ему лизал, не знал, как подольститься, а потом сбросил личину и слопал его с потрохами, выставил из совета директоров в тот же миг, как с Чарльзом случился первый инфаркт. Либо: Чарли был старой закваски человек, честный, конечно, но, откровенно говоря, немного копуша, фирму давно было пора перетряхнуть, пенсию ему предложили более чем щедрую, и вообще, вы в курсе, что сэр Джек оплатил образование младшего сына Чарли из своего кармана? Либо: никто из его бывших сотрудников слова плохого о нем не сказал. Либо: надо признать, Питмен всегда был мастаком договоров-кляпов и подписок о неразглашении.

Даже нечто с виду столь однозначное, как двадцатипятиэтажный стеклянно-стальной, буково-ясеневый архитектурный факт «Питмен-хауса», поддавалось диаметрально противоположным трактовкам. Что означает его местоположение в административно-деловых кварталах, отвоеванных у зеленого пояса на северо-западе Лондона: умение сэкономить или симптом того, что у сэра Джека кишка тонка соваться к большим людям, в Сити? Выбор фирмы «Слейтер, Грейсон и Уайт» — всего лишь дань градостроительной моде или удачная инвестиция? И самый интересный, практически основной вопрос: а владел ли Джек Питмен хотя бы один день «Питмен-хаусом»? Может, здание и построено на его деньги, но, по слухам, последний всплеск экономического кризиса доказал, что сэр Джек зря гоняется за десятью зайцами, и отправил великого дельца с протянутой рукой в некий французский банк для заключения договора о продаже и взятии обратно в аренду. Но даже эта правда — если она не была ложью — могла быть понята двояко: либо у «Питко» туго с оборотным капиталом, либо сэр Джек, как обычно, всех обскакал, сообразив, что замораживать деньги в такой дорогой штуке, как главный офис, — полный идиотизм.

Даже те, кто не переваривал владельца (либо арендатора) «Питмен-хауса», соглашались, что он умеет проводить свои планы в жизнь. Или, по крайней мере, умеет провести их в жизнь чужими руками. Итак, Питмен стоял под своей люстрой, раз за разом слегка поворачивая голову в сторону очередного члена своего Координационного комитета, раздавая приказы. Журналисты, в особенности те, кто писал в его собственных газетах, часто отмечали, как легок он в движениях для такого крупного мужчины; также было известно, что сэр Джек давно мечтает научиться танцевать танго. В подобные минуты он порой сравнивал себя и с американским ковбоем, который, обернувшись, успевает выхватить револьвер раньше нахального задиры-новичка. Или лучше уподобиться укротителю, щелкающему кнутом перед выводком нахальных львят?

Марта, скептически дивясь мощи сэра Джека, наблюдала, как он инструктирует Разработчика Концепций.

— Джеффри, пожалуйста, опрос. Пятьдесят самых популярных ассоциаций на слово «Англия» у предполагаемых покупателей «Не просто отдыха». Солидные фокус-группы. О детях и их любимых певунчиках слышать не хочу.

— По стране? По Европе? По всему миру, сэр Джек?

— Джеффри, вы меня знаете. По всему миру. Среди вечнозеленых долларов и длинных иен. Можешь опросить марсиан — если у них наберется денег на входной билет. — Сэр Джек выждал, пока утихнет одобрительный смех. — Доктор Макс, я хочу, чтобы вы выяснили, много ли люди знают.

Сэр Джек вновь начал поворачиваться, постукивая средним пальцем по воображаемой кобуре, а доктор Макс откашлялся. Должность Официального Историка была учреждена только что, и Марта увидела его впервые: элегантный, твидовый, томно-развязный, галстук-бабочка.

— Не могли бы вы высказаться более опреде-ле-е-енно, сэр Джек?

Повисло леденящее кровь молчание. Затем сэр Джек перефразировал свою команду:

— Что они знают — выясните.

— Это, мнэ-э-гм, по стране, по Европе или по всему миру?

— По стране. Чего в стране не знают, остальному миру на хер не нужно.

— Если вы только позволите, сэр Джек, — но Марта уже видела по мелодраматично сдвину-

тым бровям начальника, что позволять он никак не намерен, — это весьма-а-а широ-о-кая формулировка.

— Потому вам и платят весьма широкий оклад. Джефф, пожалуйста, помогите доктору Максу воздержаться от дальнейших. А теперь, Марко, вам придется доказать, что вы достойны своего имени.

У Менеджера Проекта хватило ума дождаться разъяснений сэра Джека. Хохотнув, сэр Джек выдал ключ к своей остроте:

— Марко Поло.

И вновь Менеджер, словно поучая доктора Макса, в ответ начальнику всего лишь глянул на него своими широко распахнутыми голубыми, подобострастно-наглыми глазами. А сэр Джек прошел к предмету мебели, который именовал Маршальским столом, тем самым объявив о начале новой фазы собрания. Легким движением своей мясистой руки он собрал своих солдат вокруг себя. Марта оказалась ближе всех, и его пальцы обхватили ее плечо.

— Речь не о тематическом парке, — начал он. — Речь не об этнографическом центре. Не о Диснейленде, не о Всемирной ярмарке, не о Британском фестивале, не о Леголенде, не о Парке

Астерикса. Колониальный Уильямсбург? Нет уж, увольте — пара престарелых индюков жарится на очаге, где пылает гнилой штакетник; безработные актеры разносят оловянные миски с овсянкой и принимают в оплату кредитные карточки. Нет, джентльмены, — «джентльменами» я вас именую метафорически, поскольку, как вы понимаете, в моей грамматике мужской род объемлет женский, как я сейчас — мисс Кокрейн... Джентльмены, речь о том, чтобы подняться на качественно новый уровень. Грошовые туристы нам не нужны. Пришло время удивить мир. Мы предложим клиентам нечто гораздо большее, чем все возможные значения словосочетания «Индустрия развлечений»; даже предмет моей гордости — слоган «Не просто отдых» — в данной ситуации кажется недостаточно ярким. Мы предложим стопроцентно натуральный продукт. Марк, что это за огнь сомнения в глазах?

— Лишь в том смысле, сэр Джек, что, насколько я понял со слов нашего давешнего французского *amigo*... Я о том, что копию предпочитают подлиннику. Разве не к этому мы стремимся?

— Господи, Марк, опять вокруг да около! На вашем фоне я иногда перестаю себя чувствовать англичанином. Хотя Англия — это сам воздух,

которым я дышу и живу.

— Вы имеете в виду... — Поборовшись с какими-то школьными воспоминаниями, Марк продолжал: — Что реальную вещь мы можем постичь лишь через копию. Ну, типа как у Платона? — добавил он себе под нос, одновременно взывая к остальным.

— Теплее, Марки-Марк, пальчики поджариваются. Не позволите ли помочь вам проползти последние пять-шесть ярдов до финиша? Попытаюсь. Марк, вы любите природу?

— Конечно. Да, люблю. В принципе люблю. В смысле, люблю смотреть на нее из автомобиля.

— Буквально на днях я был на природе. Подчеркиваю, «на» природе. Не сочтите за нотацию, но с природой следует сливаться в объятиях — а не просто смотреть на нее из автомобиля. Иначе это и не природа вовсе. Я провожу эту мысль ежегодно, когда выступаю на заседании Ассоциации пеших странников. И все равно, Марк, когда вы видите ее ИЗ АВТОМОБИЛЯ, вы, полагаю, по-своему, скромно и краем глаза, любуетесь ею?

— Да, — ответил Менеджер. — Любуюсь.

— И вы ею любуетесь, полагаю, поскольку она кажется вам естественной? Творением сил природы, уж простите за тавтологию?

— Можно выразиться и так. — Сам Марк никогда бы так не выразился, но он сознавал, что начальник вовлек его в почти что сократовский — но более жестокий — диалог.

— И все естественное создано Силами Природы, как все искусственное — Человеком?

— Примерно так.

— Примерно и близко не лежит, Марк. На днях я стоял на холме и смотрел на поле, спускавшееся уступами к реке мимо рощи, и в это время прямо у меня под ногами закопошился фазан. Вы — проезжий в автомобиле, — несомненно, пришли бы к выводу, что все это — неприкосновенное творение Ее Естественности Матушки Природы. Но я, Марк, осведомлен шире. Холм? Погребальный курган железного века. Поле — атавизм саксонского сельского хозяйства, роща стала рощей только после того, как были вырублены сотни других деревьев, река на самом деле — канал, а фазана вырастил, чуть ли не сам высидел егерь. Мы все переделываем, Марк, — деревья, растения, животных. Продолжим нашу экскурсию. Озеро, которое виднеется на горизонте, — это водохранилище; но когда оно просуществует несколько лет, когда в нем заведется рыба, когда его включат в свой маршрут перелетные птицы,

когда деревья обживут берега, а по глади вод примутся сновать всякие там красивые лодчонки, когда все это произойдет, оно станет вполне нормальным озером, неужели не ясно? Теперь оно — стопроцентно натуральный продукт.

— Ах вот к чему вел наш французский *amigo*?!

— По-моему, он не оправдал возложенных на него ожиданий. Я распорядился, чтобы бухгалтеры выдали ему доллары вместо фунтов, а в случае протеста аннулировали чек.

— Фунты — подлинник, а доллары — копия, но со временем подлинник становится копией?

— Отлично, Марк. Просто отлично. На уровне Марты. Это похвала. — Сэр Джек сжал плечо своего Специального Консультанта. — Но хватит этих задорных пикировок. На повестке дня вопрос: «ГДЕ?»

На Маршальском столе была разложена карта Британских островов; Координационный комитет сэра Джека воззрился на пазл «Графства Англии», гадая, что лучше — попасть в яблочко или вообще промазать. Скорее всего, ни то ни другое. Сэр Джек, прохаживаясь за их спинами, дал подсказку:

— Англия, как заметил великий Вильгельм и многие другие, является островом. Следователь-

но, если наши намерения серьезны, если мы хотим предложить стопроцентно натуральный продукт, нам следует отправиться на поиски дивного, как там бишь его, в серебряной оправе этого самого[13].

Они разглядывали карту, точно сомнительное новое изобретение. Выбор казался то чересчур широким, то чересчур узким. Возможно, требовался какой-то дерзкий концептуальный скачок.

— Может быть... вы, случайно, не подразумеваете... Шотландию, нет?

Скорбный бронхиальный выхлоп дал понять: «Нет, остолоп, сэр Джек подразумевает не Шотландию».

— Острова Силли?

— Далековато.

— Нормандские?

— Слишком французские.

— Ланди?

— Освежите мою память.

— Знаменитые птичьи базары. Тупики.

— О господи, Пол, хрен с ними, с ту$пиками!

---

[13] Примечания: 13

Эрудированный сэр Джек только прикидывается, что неточно помнит цитату. А подразумевается монолог Ганта из пьесы Шекспира «Ричард Второй». Восхваляя Англию, Гант называет ее «Державный этот остров... <...>. Сей мир особый, дивный сей алмаз в серебряной оправе океана».

И увольте меня от всех этих нудных песочных куличиков в эстуарии Темзы!

Что у него на уме? Англси явно не подходит. Остров Мэн? Возможно, сэр Джек задумал выстроить свой собственный суррогатный оффшорный остров. А что, вполне в его духе. Учтите, сэр Джек потому и сэр Джек, что он способен на все — кроме того, чего делать не желает.

— Здесь, — сказал он, и его кулак опустился на карту, как штамп таможенника — на паспорт. — ЗДЕСЬ.

— Остров Уайт, — отозвались ему в нестройный унисон.

— И-мен-но. Поглядите, как этот карапуз тыкается в мягкое подбрюшье Англии. Красавчик. Лапуля. Посмотрите, какой он формы. Ромб. Иными словами, алмаз. Это меня поразило с первого же взгляда. Чистый алмаз. Бесценный мой лапуля.

— И как он выглядит, сэр Джек? — спросил Марк.

— Как он выглядит? На карте — превосходно, вот как он выглядит. Бывали там?

— Нет.

— Кто-нибудь бывал?

Нет; нет; нет; нет и нет. Сэр Джек подошел к

карте с другой стороны, оперся руками о горную часть Шотландии и уставился на своих ближайших соратников.

— А что вы о нем знаете?

Соратники переглянулись. Сэр Джек не унимался.

— В таком случае позвольте развеять ваше невежество. Назовите пять знаменитых исторических событий, связанных с островом Уайт. — (Молчание.) — Назовите одно. Доктор Макс? — (Молчание.) — Очевидно, не ваш период, хо-хо. Хорошо. Назовите пять знаменитых, охраняемых государством зданий, чья реконструкция может вызвать шум в министерстве Национального Достояния.

— Осборн-хаус, — отчеканил доктор Макс, как на телевикторине.

— Замечательно. Доктор Макс выиграл фен. Назовите еще четыре. — (Молчание.) — Хорошо. Назовите пять знаменитых и исчезающих видов растений, птиц или зверей, чью среду обитания рискуют уничтожить наши священные бульдозеры. — (Молчание.) — Хорошо.

— Каусская регата, — неожиданно произнес чей-то голос.

— Ага, фагоциты зашевелились. Замечательно,

Джефф. Но по-моему, это не растение, не птица и не зверь, не здание и не историческое событие. Есть еще предположения?

Долгое молчание.

— Хорошо. Говоря по чести, идеально.

— Но, сэр Джек... он же, вероятно... там полно жителей?

— Нет, Марк, там полно не-жителей. Там полно благодарных будущих служащих. Но спасибо, что согласились подвергнуть испытанию свое любопытство. Марко Поло, как я уже сказал. На коня. Отчитаетесь через две недели. Насколько я понимаю, остров знаменит дешевизной своих пансионов.

* * *

— Ну и что вы думаете? — спросил Пол.

Они сидели в каком-то ресторанчике в полумиле от «Питмен-хауса». Перед Мартой стоял стакан с минеральной водой, перед Полом — бокал противоестественно желтого белого вина. За его спиной, на оклеенной дубовым шпоном стене, висела гравюра с двумя собачками, ведущими себя совершенно по-людски; вокруг тявкали и повизгивали мужчины в темных костюмах.

Что она думает? Прежде всего она думает:

как странно, что именно он пригласил ее пропустить по рюмочке. Марта давно уже обрела дар предвидения всяческих поползновений в офисах, где преобладали лица мужского пола. Поползновений и антипоползновений. В минуты профинструктажа пальцы-сардельки сэра Джека многозначительно вдавливались в ее плечо, но это прикосновение она интерпретировала скорее как начальственную требовательность, чем как вожделение — хотя вожделение не исключалось. Юный Марк, Менеджер Проекта, так и норовил ослепить ее своими ясными голубыми глазами, но в этих взглядах читалась зацикленность на себе; дальше начальной фазы флирта мальчик не суется. Доктор Макс — ну-у, конечно, они уже не раз ломали напополам сэндвичи на галерее у искусственного болота, но доктор Макс питал очаровательную и нескрываемую страсть к доктору Максу, да к тому же Марта почти наверняка была для него существом иного биологического вида. И потому она ждала, что к ней подойдет Джефф, консервативный, положительный, женатый Джефф с детскими креслицами в джипе; он должен был оказаться первым, кто лукаво прошепчет: «А не пропустить ли нам по рюмочке после работы?» В «Питмен-хаусе» — этом зоопар-

ке самомнений — она совершенно проглядела Пола или приняла его за тихое, порой испуганно трепещущее соломенное чучело. Пол, согнувший спину над лэптопом, безъязыкий писец, Мыслелов, подхватывающий никелированные банальности сэра Джека и складирующий их для потомков или, на худой конец, для какого-нибудь будущего Питменовского мемориального фонда.

— Что я думаю? — А еще она думала, что ее хотят подставить: Пол, этот офисный лакей, прощупывает ее по заданию сэра Джека или кого-то другого. — Ой, это не имеет значения. Я всего лишь Штатный Циник. Мое дело — реагировать на чужие мысли. Вот и все. Ну а вы-то что думаете?

— Я всего лишь Мыслелов. Я ловлю мысли. Своих у меня нет.

— Не верю.

— Что вы думаете о сэре Джеке?

— А вы что думаете о сэре Джеке?

E2 — e4, e2 — e4, белые начинают, черные повторяют каждый их ход, если только белые не изменят тактику. Пол выдал нечто неожиданное.

— Мне кажется, он хороший семьянин.

— Странно, эта фраза всегда казалась мне ок-

сюмороном.

— В душе он хороший семьянин, — повторил Пол. — Знаете, у него где-то на окраине живет старушка тетка. Навещает ее регулярно, как часы.

— Гордый отец, верный муж?

Пол мрачно зыркнул на нее: очевидно, подумал, что из вредности она даже вне офиса продолжает функционировать в профессиональном режиме.

— А почему нет?

— А почему да?

— А почему нет?

— А почему да?

Временный пат; Марта решила переждать. Мыслелов был на дюйм-два ниже ее (пять футов девять дюймов) и на несколько лет моложе; бледное круглое лицо, серьезные голубовато-серые глаза за стеклами очков, которые не делали его похожим ни на ученого, ни на зануду ботаника — разве что на человека с плохим зрением. Униформа служащего сидела на нем несколько мешковато, точно досталась с чужого плеча; в данный момент он так и сяк двигал свой бокал по бумажной подставке с изображением героев Диккенса. Периферическая проницательность доложила ей, что, стоило ей отвернуться, он начинал пристально рассматривать ее. Робость или

расчетливость? Уж не напоказ ли он это проделывает, а? Марта мысленно вздохнула: в наши дни даже самые простые вещи редко бывают просты.

Как бы то ни было, она пережидала. Молчать Марта умела виртуозно. Давным-давно она поняла — точнее, впитала из окружающей среды путем социального осмоса, — что женщина призвана разговорить мужчину, победить его скованность; тогда он развлечет тебя, расскажет, как устроен свет, впустит в свой внутренний мир и в итоге женится на тебе. К тридцати годам Марта осознала, что этот совет никуда не годится. В большинстве случаев последовать ему означало допустить, чтобы собеседник долго нудел тебе в ухо; а предполагать, будто мужчины могут кого-то впустить в свой внутренний мир, — вообще верх наивности. У многих внутреннего мира и в заводе нет — один внешний.

И потому вместо того, чтобы заранее одобрять мужские высказывания, она воздерживалась, смакуя могущество молчания. Некоторых мужчин это нервировало. Они заявляли, что такое молчание по сути своей враждебно. Говорили, что у нее «синдром пассивной агрессивности». Спрашивали, не феминистка ли она, используя это слово не как нейтральный термин — и тем

более не как комплимент. «Но я ничего не говорила», — возражала она. «И все равно я твое неодобрение просто чую», — высказался один. Другой, как-то раз по пьяному делу после ужина, обернулся к ней, зажав в зубах сигару и гневно сверкая глазами, и сказал: «По-твоему, все мужчины делятся на два вида: те, кто уже сморозил какую-нибудь глупость, и те, кто сморозит глупость с минуты на минуту. Знаешь что, милая, катись-ка ты подальше».

Итак, Марта не собиралась допускать, чтобы ее перемолчал смотрящий искоса мальчик с бокалом желтого вина.

— Мой отец играл на гобое, — произнес он наконец. — Знаете, профессиональным музыкантом он не был, но играл неплохо, участвовал в маленьких любительских ансамблях. По воскресеньям меня постоянно таскали по холодным церквам и приходским клубам. Маленькая ночная серенада Моцарта, ну-ка, друзья, еще разок. Такого типа вещи... Извините, это все лишние детали. Однажды он рассказал мне историю. О каком-то советском композиторе, котором — точно не скажу. Было это во время войны, у них ее называли Великой Отечественной. Войны с Германией. Все для фронта, все для победы — ну и Кремль приказал

советским композиторам писать музыку, которая вдохновит народ и поможет ему отразить натиск агрессоров. Никакой этой вашей филармонии, сказал Кремль, нашему народу нужна музыка, восходящая к творчеству самого народа... Итак, лучших композиторов разослали по разным областям с предписанием не возвращаться без бодрых сюит на народные мотивы. Нашего композитора направили на Кавказ — ручаться не могу, но мне кажется, что на Кавказ, в любом случае это была одна из областей, которые Сталин за несколько лет до того пытался стереть с лица земли, — ну знаете, коллективизация, репрессии, этнические чистки, голод, вообще-то с этого мне следовало и начать. Ну хорошо. И вот он ездит, ищет крестьянские песни, какого-нибудь старого скрипача, который играет на свадьбах и всякое такое. И угадайте, что он обнаружил? Подлинной народной музыки не осталось вообще! Видите ли, Сталин уничтожил деревни и изгнал крестьян, а при этом была уничтожена и музыка.

Пол пригубил бокал. Что это, пауза или конец рассказа? Еще одно социально-коммуникативное умение, которым должна владеть всякая женщина, — это угадывать момент, когда заканчивается рассказываемая мужчиной история. В

большинстве случаев это не проблема — конец истории до ужаса очевиден; либо — безошибочный симптом — рассказчик начинает заранее фырчать от смеха. Давным-давно Марта решила для себя, что будет смеяться, лишь когда ей действительно смешно. Правило вроде бы разумное, но некоторые мужчины обижались, точно на незаслуженный упрек.

— Итак, перед ним, перед композитором, встала проблема. Не мог же он вернуться назад в Москву и сказать: «Боюсь, Великий Вождь нечаянно, чисто по ошибке уничтожил всю музыку в тех местах». Это было бы неумно. И что же он тогда сделал? Он выдумал из головы новые народные песни. Потом сочинил на их основе сюиту и вернулся с ней в Москву. Задание было выполнено.

Еще один глоток, затем — полувзгляд на Марту. Она интерпретировала это как знак, что история закончилась. Он подтвердил ее предположение, сказав:

— Боюсь, я вас немножко стесняюсь.

Ну что ж, это, на ее взгляд, было еще туда-сюда. Хуже, когда на тебя наваливается краснолицый, испачканный мелом чемпион по боксу и бильярду с подозрительно безупречными зубами и в порядке дружеского трепа заявляет: «А знаешь,

чего мне на самом деле хочется? Повеселиться с тобой, чтобы дым пошел». Да, бывает и хуже. Но фразу Пола она тоже уже слыхивала. Возможно, она выросла из возраста, когда возможны новые зачины, — набор исчерпан.

С нарочитой резкостью Марта заявила:

— Значит, вы хотите сказать, что сэр Джек похож на Сталина?

Пол растерянно воззрился на нее, точно получив пощечину:

— Что? — и опасливо окинул взглядом ресторанный зал, словно высматривая стукачей КГБ.

— Мне показалось, что суть истории именно в этом.

— О господи, нет, почему вы решили...

— Сама не знаю, — отозвалась Марта, улыбаясь.

— Мне просто так вспомнилось.

— Давайте замнем.

— В любом случае нет ничего общего...

— Замнем.

— Я хочу сказать, это же как дважды два, современная Англия ничуть не похожа на Советскую Россию тех времен...

— Я и слова не сказала.

В ее интонации все явственнее слышалась мяг-

кость, и, ободренный, он поднял глаза от стола, хотя встретиться с ней взглядом все еще страшился. Он глядел мимо нее, точнее, поглядывал, стреляя глазами то в одну сторону, то в другую. Медленно-медленно, боязливый, как бабочка, его взгляд опустился на ее правое ухо. Марта опешила. Она так привыкла к интригам и козням, к заговорщической откровенности и уверенным рукам, что безыскусная робость поразила ее в самое сердце.

— А какова была реакция? — спросила она спонтанно, охваченная почти панической нежностью.

— Какая реакция?

— Когда его сюита из крестьянских песен попала в Москву и была исполнена. Я к тому, что в этом весь смысл истории, верно? Ему заказали патриотическую музыку для воодушевления рабочих и тех крестьян, которые уцелели после всех репрессий и голода... И что эта музыка — музыка, которую он выдумал с начала до конца, — была ли она такой же полезной и бодрящей, как музыка, которую он нашел бы, если бы она существовала? Вот в чем, по-моему, главный вопрос.

Она сама знала, что слишком усложняет. Хуже — она начала трещать как сорока, что было ей

вообще-то несвойственно. Но ей удалось вернуть его с дороги, на которую он ступил. Перестав глядеть на ее ухо, он словно бы укрылся за стеклами своих очков. И помрачнел — обидевшись, впрочем, скорее сам на себя, чем на нее, почувствовала Марта.

— История не знает слова «если», — ответил он наконец.

Уф. Молодчина, Марта. Еле ушла живой.

История не знает слова «если».

Ей понравилось, что он не смог вспомнить имени композитора. И точно ли дело было на Кавказе.

Доктор Макс выделялся из всей коллекции теоретиков, консультантов и снабженцев тем, что никак не мог уяснить себе неписаные принципы и правила Проекта. Вначале это относили на счет академического изоляционизма — однако же доктор Макс был принят на работу именно потому, что вроде бы не пах книжными червями. С самого начала профессиональной карьеры он легко порхал между своей профессорской конторкой и теле-, а также радиостудиями; звезда претендующих на интеллектуальность телевикторин, он запросто называл по имени большинство ведущих, а те безмятежно давали ему время на

изложение его элегантно-нонконформистских теорий. Он казался горожанином до мозга костей — но вел в «Таймс» колонку «Заметки фенолога» под умело рассекреченным псевдонимом Сельская Мышка. Что до одежды, он предпочитал твидовые костюмы, дополняемые целым спектром почти неуловимо различающихся по тону замшевых жилетов и коронным галстуком-бабочкой; колумнисты, пишущие о модах и стилях, упоминали его сплошь и рядом. И как бы ни задирались его брючины, покамест он картинно нежился на диванах телестудий — этих ловушках для неуклюжих растяп, — голые лодыжки не обнажались никогда. Так что его кандидатура не вызывала никаких нареканий.

Первым проявлением тактической наивности со стороны доктора Макса был вопрос, где находится библиотека Проекта. Вторым — когда он пустил по рукам ксероксы своей статьи в журнале «Косуха», озаглавленной «Носил ли принц Альберт “принца-альберта”?[14]: герменевтический экскурс в культурную историю пениса». Еще опаснее была его тенденция на заседаниях

[14] Примечания: 14

Принц Альберт, любивший носить облегающие лосины, изобрел особый чехольчик для привязывания пениса к бедру. Благодарное человечество нарекло это приспособление именем «принц-альберт».

Координкомитета обращаться к сэру Джеку с такой развязностью, на какую не решилась бы даже Штатный Циник. Не забудем и о том, что во время мозгового штурма на тему «Великие герои Британии» он, как показалось многим, дал чересчур личностную гомоэротическую интерпретацию прощальной просьбе Нельсона (как известно, умирающий адмирал сказал капитану своего флагманского корабля: «Поцелуй меня, Харди»). Сэр Джек, звучно перечислив семейные газеты, находящиеся под его пасторальным руководством, затем пригласил доктора Макса убираться к чертям собачьим, предварительно засунув галстук-бабочку себе в зад; правда, в журнал заседаний это предложение не попало.

Джеффу не нравилась его новая роль няньки при Официальном Историке — в основном потому, что сам Официальный Историк ему не нравился. Ну какое отношение доктор Макс имеет к Разработке Концепций? Похоже, сэр Джек просто решил поиздеваться... Джефф не считал, будто за его неприязнью к доктору Максу кроется предубеждение против гомосексуалистов. Если он, Джефф, к кому и относится предубежденно, так это ко всяким денди, эгоистам и стрекозам, к субчикам, которые видят в нем плечистого,

медлительного, слабоумного работягу и спрашивают с ужимками, которые сами же объявляют «остроумием», много ли Концепций он Разработал за эти выходные. На такие вопросы Джефф всегда отвечал прямо и буквально, что укрепляло заблуждения доктора Макса. Но выбор у Джеффа был невелик — либо ломать комедию, либо придушить профессора без всяких церемоний.

— Макс, если позволите.

Они находились в Оазисе — папоротниковой, пальмовой, водопадной зоне «Питмен-хауса», которая, вероятно, была обязана своим существованием какой-нибудь архитектурной теории. Конечно, в метафорах Джефф не смыслил ни уха ни рыла — но звук льющейся воды всегда вселял в него желание отлить самому. И сейчас он стоял, глядя сверху вниз на Официального Историка, на его дурацкие усики, сутенерскую цепочку для часов, гнусный телевизионный жилет, самодовольные манжеты. Официальный Историк смотрел снизу вверх на Джеффа, на его буйволиные плечи, длинное лошадиное лицо, ослиные волосы, влажно поблескивающие овечьи глазки. Они стояли скованно, точно хореограф приказал Джеффу приобнять доктора Макса за плечи в знак товарищеской солидарности, но ни один из

двоих не мог вымучить из себя этот жест — или принять его.

— Макс. Послушайте, — сказал Джефф, чувствуя, что очень, очень устал. В разговорах с доктором Максом он никогда не знал, с чего начинать. Точнее, всякий раз обнаруживал, что приходится начинать с еще более примитивного уровня, чем в прошлый. — Когда вы пришли к нам работать, это означало, что вам обязательно придется изменить темп.

— О, я бы так не сказал. — Сегодня доктор Макс был настроен великодушно. — Одного или двоих из вас я принял бы в свой се-е-минар на правах вольно-о-слушателей.

— Нет, я имел в виду другое, Макс. Речь об ускорении, а не о замедлении.

— А-а. Да. Опять пробил час «ай-ай-ай». Ну хорошо, хорошо, поучите меня.

Разработчик Концепций замялся. Доктор Макс, как он предпочитал представляться перед телекамерами, поскольку в этом имени сочетались раскованность и чинность, стоял перед ним, изящно подбоченясь, готовый просиять по знаку режиссера.

— Позвольте мне описать ситуацию вот под каким углом. Вы — наш Официальный Историк.

На вас лежит ответственность за... как бы тут лучше выразиться... за нашу историю. Вы понимаете, о чем я?

— Пока, мой дорогой Джефф, все ясно, ка-ак дважды два.

— Хорошо. Так вот, смысл нашей истории — я подчеркиваю, «нашей» — это сделать так, чтобы у наших гостей, покупателей того, что в данное время именуется рабочим названием «Не просто отдых», у-луч-ши-лось настроение.

— Улучшилось. О, эти вековые э-ти-и-ческие вопросы, истый змеюшник. Улучшилось. В смысле?

— Они должны почувствовать, что больше узнали.

— Именно-о. Для этого, полагаю, меня и на-а-зна-чи-ли на эту должность.

— Макс, вы упустили из виду глагол.

— Который?

— «Почувствовать». Мы хотим, чтобы они почувствовали, будто больше узнали. Узнали ли они что-то на самом деле — это совсем другое дело. Более того, это вне нашей юрисдикции.

Доктор Макс заложил большие пальцы рук в карманы своего палевого жилета. Жест, означающий в понимании телезрителей шутливый

скептицизм. Ох, с каким удовольствием Джефф вывернул бы этого типа наизнанку — но надо все же попытаться хоть что-нибудь ему втолковать.

— Суть вот в чем: то, что вы и ваши коллеги считаете историей — то, что пишут в книгах, — большинству людей ни к чему. Они просто не знают, что с этими штучками-дрючками делать. Я лично всей душой «за». В смысле, за них. Я несколько раз пытался читать книги по истории, и хотя, конечно, я не так умен, чтобы к вам на семинары ходить, у меня есть насчет этих книг мнение. Их объединяет одна закавыка: авторы обычно предполагают, будто большую часть других книжек по истории вы уже прочли. Это замкнутая система. Не с чего начать. Все равно как искать кончик ленточки, когда хочешь распечатать компакт-диск. Знаете это чувство? Вокруг коробочки идет такая цветная полоска, и ты отлично видишь, что там, под оберткой, внутри, хочешь достать, но у полоски нет ни начала, ни конца, сколько ни скреби ее ногтем.

Доктор Макс достал маленький блокнот и занес над страницей серебряный карандашик в виде копья.

— Вы не против, если я это при-и-свою? Чрезвычайно ярко. Я имею в виду фрагмент об обертке

компакт-диска. — Он что-то нацарапал на листке. — Да? И отсюда следует?

— Отсюда следует, что мы людей не пугаем. Мы не оскорбляем их невежество. Мы даем им то, что они уже понимают. Возможно, чуточку добавляем. Но никакие глобальные новости не приветствуются.

— А после того, как мой галстук был перемещен в другое место нашим достосла-а-вным вождем, какова, могу ли я солипсически поинтересоваться, будет функция этого тела-контейнера, иными словами, Официального Историка, внутри которого приказано находиться галстуку?

Вздох Джеффа был подобен звукам железнодорожной сортировочной станции. Простак-краснобай — худшее сочетание двух миров.

— Историк должен указывать нам, какая часть Истории уже есть у людей в головах.

— Очевидно, да, — отозвался доктор Макс с профессиональной томностью.

— Макс, черт подери, люди не будут выкладывать деньги за новые знания. Если им этого захочется, пусть идут в какую-нибудь задрипанную библиотеку, если не все еще позакрывались. А к нам они приедут наслаждаться тем, что и так знают.

— И моя работа — сообщить вам, что именно.

— Добро пожаловать на наш корабль, доктор Макс. Добро пожаловать. — (У них за спиной невидимый вентилятор ворошил кроны пальм.) — И если позволите, еще один малюсенький совет.

— Премного о-о-бязан. — Доктор Макс изобразил из себя первокурсника.

— Благоухаете слишком сильно. Поймите, я лично ничего против не имею. Я думаю о Председателе.

— Рад, что вы за-а-метили. Eau de toilette, естественно. «Петербург». Возможно, вы уловили аллюзию? Нет? Мне она показалась довольно уместной.

— Вы хотите сказать, что вы замаскированный русский?

— Хо-хо, Джефф, как же мне нравится, когда вы играете в мужлана. Очевидно, вам нужны мои разъяснения. — Джефф торопливо задрал голову к высокому потолку Оазиса, но не успел: доктор Макс уже преобразился из студента в профессора. — Секреты великих ра-а-rfumiers, как вы догадываетесь, всегда строго охранялись. Они передавались от стариков к мальчикам в форме тайных обрядов, их записывали шифром, если во-

обще доверяли бумаге. И — вообразите — каприз моды, разрыв цепочки, безвременная смерть, и их нет, они растворились в воздухе. Катастрофа, которой никто не замечает. Мы читаем прошлое, слушаем его музыку, видим его визуальные образы, но наши ноздри прозябают в бездействии. Подумайте, как ярко можно было бы вводить студентов в тему, если бы вы имели возможность, откупорив флакон, сказать: «Вот так пах Версаль, а так — сады Воксхолла». Помните, два года назад газеты писали о находке в Грассе?

Джефф, очевидно, не помнил.

— Книга рецептов в заложенном кирпичом дымоходе? Романтично до полного невероятия. Компоненты и пропорции множества забытых ароматов, записанные кодом, который удалось расшифровать. Каждый был обозначен буквой греческого алфавита, соответствующей перечню в книге заказов, уже находившейся в музее. Рука, бесспорно, одна и та же. И это, э-то-о, — доктор Макс скосил шею в сторону Джеффа, — «Петербург», которым душился аристократ при дворе царя два столетия назад — и после него никто. Волнует, правда? — Видя, что Джефф не выказывает ни малейших признаков волнения, доктор Макс услужливо подбросил ему сравнение: — Так

ученые клонируют животных, которых наша планета потеряла тысячи лет назад.

— Доктор Макс, — произнес Джефф. — Это вы сами от своего «Петербурга» пахнете как клонированное животное.

— Основные факты, мистер Поло. Вот все, что нам нужно. Вы знаете, как вянут мои уши от каменных топоров и осадочных пород.

— Тем лучше, сэр Джек.

Марк обожал подобные ситуации, когда начальник и подчиненный сходились, распустив султаны, в рыцарском поединке, обожал атмосферу победительного раболепия. Ни шпаргалок, ни документов — лишь комплект кудрявых светло-русых фактов в кудрявой светло-русой голове. Ходить гоголем перед коллегами — однако не забывая ежесекундно измерять изменчивую реакцию начальника. Правда, «измерение» предполагает точность; на деле же в темные туннели капризов сэра Джека углубляешься, как ассенизатор с маломощным фонариком...

— Остров, — начал он, — как подчеркнул две недели назад сэр Джек, представляет собой ограненный алмаз. Другими словами, ромб. Или косоугольник. Некоторые уподобляют его белокорому палтусу. Длина — двадцать три мили, ширина

— до тринадцати. Площадь — сто пятьдесят пять квадратных миль. Углы ромба приблизительно соответствуют главным румбам компаса. Когда-то, в дни осадочных пород и каменных топоров, остров соединялся с континентом. Точную дату могу выяснить, но что в дотелевизионную эру — это точно. Топография — компот из довольно-таки красивых меловых возвышенностей и дистопированных[15] бунгало.

— Марк, опять это ложное разграничение Природы и Человека. Я вас предупреждал. А также длинные слова. Ну-ка, повторите последнее, что вы сказали.

— Дистопированные бунгало.

— Как антидемократично. Какой снобизм. Вполне возможно, мне придется позаимствовать это выражение.

Марк знал, что выражение сэр Джек позаимствует непременно и что в данных обстоятельствах это комплимент. А Марк напрашивался на комплименты, словно шлюха. Пока все идет как по маслу. Он вновь подхватил нить повествования.

---

[15] Примечания: 15

«Дистопированный» — на медицинском языке значит «смещенный», «расположенный в аномальном месте». Известны такие аномалии, как дистопия почки и т. п.

— В общем и целом местность довольно плоская. Симпатичные утесы. Я предположил, что Комитету будет приятно получить сувенир. — И достал из кармана маленький стеклянный маяк, весь полосатый: внутри, слоями, был насыпан песок разных цветов. — Местный эксклюзив. Из бухты Эйлам. Двенадцать цветов или около того. По-моему, легко воспроизвести искусственно — я имею в виду песок.

Он поставил маяк на стол сэра Джека, приглашая желающих высказаться по этому вопросу. Высказываний не воспоследовало.

— Есть также нечто, именуемое «ущельями», — это такие овраги, где реки, стекающие в море, размывают меловые утесы. Широко использовались контрабандистами *vide infra*, или, точнее, *audi infra*[16]. Флора и фауна: ничего чересчур редкого или вымирающего. Интересная подробность о белках: там водятся только рыжие — остров, понимаете ли, а серые проказницы водный транспорт еще не освоили. Но я даже в страшном сне вообразить не могу, будто из-за белок кто-нибудь решит устроить бучу. О да, сэр Джек, одна слегка дурная новость. — Марк выждал, пока выгнется

[16] Примечания: 16
Смотри ниже, слушай ниже (лат.).

косматая, черная, расшитая сединой бровь. — Птицы ту$пики там действительно есть.

— Ну-ка, все вместе, — весело вскричал сэр Джек, — НА ХЕР ТУПИКОВ!

— Правильно, — продолжал Марк. — Что там еще есть? Ага, самый поганый во всей стране капучино. Я набрел на него в Шенклине, в одном маленьком кафе на набережной. Если мы планируем создать музей пыток, этот автомат стоит сохранить.

Марк сделал паузу — и почувствовал спиной, как наваливается на него безмолвие. Идиот. Опять облажался. Свою ошибку он осознал раньше, чем успел докончить фразу. Нельзя острить сразу после того, как сострит сэр Джек. Позволительно острить до него, чтобы он мог вас затмить, но отвечать остротой на остроту — уже не подхалимство, но конкуренция. Эх, когда только научусь?

— Что на острове нам пригодится? Все понемножку, я бы сказал, но в то же самое время ничего такого уж экстраординарного там нет. Ничего такого, что при необходимости нельзя будет убрать. Итак. Замок — одна штука. Довольно приятный: валы, башня с воротами, донжон, часовня. Рва нет, но ров — дело наживное. Далее:

королевский дворец — одна штука. Осборн-хаус, как и доложил нам доктор Макс. В итальянском стиле. Мнения о художественной ценности разноречивы. Монархи, с чьими именами связан остров, — две штуки. Карл Первый был заточен в вышеупомянутом замке перед казнью. Королева Виктория жила и умерла в вышеупомянутом дворце. Перспективные, осмелюсь заметить, сюжеты. Знаменитых поэтов, живших на острове, — одна штука. Теннисон. Парочка римских вилл, знаменитые мозаики — мне и более авторитетным специалистам они кажутся несколько грубоватыми в сравнении с их европейскими аналогами. Много дворянских поместий разных времен. Несколько приходских церквей; фрески, энное количество медных мемориальных плит, уйма фотогеничных надгробий. Множество домиков с соломенными крышами, буквально созданных для кафе. Поправка: большая их часть уже используется как кафе, но модернизация не помешает. Из относительно современных зданий стоит упоминания лишь одно — Кваррское аббатство, около тысяча девятьсот десятого года, шедевр раннего экспрессионизма, бельгийский кирпич, влияние каталонского, кордовского и клюнийского стилей, а также Гауди, автор про-

екта — монах-бенедиктинец; как вам известно, подобные сведения я черпаю из Певзнера. Рекомендую приспособить здание для иных нужд... Что еще? Безусловно, Каусская регата, как правильно отметил Джефф. Поле для игры в мяч, которым пользовался король Карл. Теннисный корт Теннисона. Один-два виноградника. Утесы Ниддлз. Несколько обелисков и монументов. Две крупные тюрьмы, битком набитые заключенными. Основным занятием, если не считать яхтостроительной промышленности, во время оно была контрабанда. А также провокация кораблекрушений с последующим грабежом. Ныне островитяне переключились на туризм. Как вы и намекали, курорт не для самых денежных людей — в этом старая пословица, что на острове сроду не бывало монахов, лис и адвокатов, абсолютно верна. Теннисон сказал, что за пинту уайтского воздуха можно запросто брать шесть пенсов, — хотел бы я получать шесть пенсов или пинту каждый раз, когда мне попадается эта фраза. Могила поэта Суинберна. Бывали наездами Китс и Томас Маколей. Еще Джордж Морленд, если это кого-то интересует. А кто знает Х. де Вер-Стэкпула? Предположения? Словосочетание «Голубая лагуна» никому ничего?.. Точно? Так я и думал.

Прозаик, житель Бончерча. И все же поведаю вам радостную весть, что Х. де Вер-Стэкпул подарил Бончерчу пруд в память о своей покойной жене.

Эту последнюю информацию Марк произнес бесстрастно, втайне подзуживая сэра Джека. Усилия не пропали втуне.

— Засыпать его! — вскричал сэр Джек, давясь от смеха. — Залить бетоном!

Марк молча просиял. В то же самое время он ощутил в выкрике сэра Джека некую фальшь отрепетированного ритуала. Сэр Джек засэрджековался. Впрочем, нет ни малейших оснований полагать, будто сэр Джек иногда перестает быть сэром Джеком...

— Однако не будем поспешны. Кто мы такие есть, спрашиваю я себя, чтобы беспечно насмехаться над мужем, хранившим верность своей покойной супруге? Мы живем в эпоху цинизма, но я, джентльмены, не делаю из этого профессию. Скажите, Марк, жена Стэкпула погибла трагически? Попала под поезд и изодрана в клочья? Изнасилована и убита бандой хулиганов?

— Я выясню, сэр Джек.

— Возможно, из этого можно сделать сюжет. Боже, тут потенциала на целое кино!

— Сэр Джек, я вынужден признаться, что часть

краеведческих материалов, с которыми я работал, появилась еще в стародавние времена. Сам я пруда не видел. Легко может оказаться, что он давно уже засыпан.

— Тогда, Марко, мы опять его раскопаем и возродим умилительную легенду. Возможно, достославные рыжие белки подгрызли телеграфный столб, который снес ей голову? — Да, в это утро сэр Джек был поистине Веселым Джеком. — Подытожьте, мистер Поло. Подытожьте для нас свои скитания по чужедальней стороне.

— Выводы. Всю историческую фигню я описал в своем письменном докладе. Надеюсь, она не вызовет нареканий у доктора Макса. Но позвольте процитировать писателя по фамилии Уэсли-Фицджеральд. — Здесь Марк сделал микроскопическую паузу на тот случай, если сэр Джек пожелает пройтись насчет помпезности старомодных фамилий. — «Когда-то Остров-Сад, а ныне чисто туристический курорт». Разумеется, с тех пор прошло время. И ныне...

Он глянул на сэра Джека, вымаливая комплимент. Сэр Джек не подвел.

— И ныне, если вы мне позволите выразиться несколько дерзко, это дистопированные бунгало, где даже сносного капучино не найдешь.

— Благодарю вас, сэр Джек. — Менеджер Проекта отвесил поклон, в котором присутствующие могли бы прочесть иронию, если бы того хотели. — Короче, остров идеально отвечает нашим целям. Этой местности смертельно требуется апгрейд и косметическая операция.

— Замечательно. — Сэр Джек нажал ногой на звонок, и появился бармен. — Поттер! Х. де Вер-Поттер, знаете ту бутылку «Крюга», которую я просил положить в ведерко со льдом? Что ж, верните ее в погреб. Мы все будем капучино, с лучшей пенкой, на какую только способен ваш автомат.

* * *

Еще одна рюмочка после работы, приглашение на ужин под откровенно жульническим предлогом, посещение кинотеатра, еще одна рюмочка после работы, и, гораздо позже, чем обычно бывало у нее с другими мужчинами, для них наступил момент принять однозначное решение. Нет, скорее момент, когда следует принять решение о том, будет ли когда-либо принято более крупномасштабное решение. К своему удивлению, Марта не ощущала нетерпения; отсутствовала и нервическая, псориазообразная скованность,

которую она уже несколько раз испытывала на том же месте в тот же час. Позавчера вечером он поцеловал ее в щеку, но сознательно избрал — или нечаянно угодил — тот район щеки, что примыкал к уголку рта; и все же ее сердце не вскричало, как бывало прежде, «ну же, решайся», «не тяни кота за хвост», «либо по-настоящему целуй, либо никак». Вместо этого она просто подумала: «Мило, даже если я и заметила, что ты встал на цыпочки. В следующий раз надену туфли без каблука».

Они сидели у нее на диване, полусоприкасаясь пальцами, все еще оставляя себе пути к отступлению, шансы все благоразумно взвесить и передумать.

— Послушай, — сказала она. — Лучше, если я скажу без обиняков. Я не завожу интрижек с мужчинами, с которыми вместе работаю, и не встречаюсь с мужчинами, которые моложе меня.

— За исключением тех случаев, когда они ниже ростом и носят очки, — ответил он.

— Ни с мужчинами, которые зарабатывают меньше меня.

— За исключением тех случаев, когда они ниже ростом.

— Ни с мужчинами, которые ниже меня ростом.

— За исключением тех случаев, когда они носят очки.

— Вообще-то против очков я ничего не имею... — произнесла она, но он начал ее целовать прежде, чем она докончила фразу.

В постели, когда дело вновь дошло до слов, Пол обнаружил, что его мозг превратился в губку для впитывания счастья, а язык — в сорвиголову.

— А что ж ты о моих принципах не спросила, — произнес он.

— О которых?

— Что ж, у меня тоже есть принципы. Насчет женщин, с которыми я работаю, женщин, которые старше меня, женщин, которые зарабатывают больше меня.

— Да, полагаю, принципы у тебя должны быть. — Она почувствовала, что ее выбранили, и скорее за бестактность, чем за агрессию.

— Да еще какие. Мои принципы предписывают всех их обожать.

— При условии, что они не выше тебя ростом.

— Вот уж чего не переношу, того не переношу.

— И волосы у них не, э-э, темно-каштановые и не коротко остриженные.

— Нет, подайте мне блондинок.

— И сексом им не нравится заниматься.

— Нет, я всегда отдаю предпочтение женщинам, которые лежат как мертвые.

Они несли чушь, но сердцем Марта чувствовала: нет никакого списка запретных тем. Она чувствовала, что не вызовет у него ни шока, ни ревности — он просто поймет. Ее следующая фраза была произнесена не для того, чтобы его испытать.

— Когда-то чья-то рука побывала там, где сейчас твоя.

— Мерзавец, — пробурчал Пол. — Точнее, мерзавец со вкусом.

— И знаешь, что он сказал?

— Если сердце у него было хотя бы на пять процентов человеческое, он лишился бы речи. Даже «мама» не смог бы сказать.

— Правдивая лесть, — заметила она. — Удивительно, как от нее становится приятно. Все страны должны овладеть этим искусством. Тогда прекратятся войны.

— И что же он сказал? — Этот вопрос словно бы задали его пальцы.

— О, я ждала, что он скажет что-нибудь хорошее.

— Правдивая лесть.

— Именно. И я почти чувствовала, как крутятся у него в голове шестеренки. А потом он сказал: «Наверно, ты носишь тридцать четыре-С».

— Идиот. Дебил. Я его не знаю?

Она помотала головой. Не знаешь.

— Полный идиот, — повторил он. — Ты носишь тридцать четвертый-В, это же ясно.

Она стукнула его подушкой.

Позднее, очнувшись от полудремы, он произнес:

— Можно задать один вопрос?

— На все вопросы отвечаем. Это обещание. — Такое же обещание она одновременно дала и самой себе.

— Расскажи о твоем замужестве.

— Моем замужестве?

— Да, замужестве. Я присутствовал при твоем собеседовании. Я — тот самый, кого ты не заметила. Когда плясала с сэром Джеком.

— Что ж, если ты никому не скажешь...

— Обещаю.

— На каждом собеседовании я всегда позволяю себе одну тактическую ложь. Это была она.

— Значит, тебе не придется разводиться, перед тем как выйти за меня.

— По-моему, тут есть более серьезные препятствия.

— К примеру?

— Не слишком люблю заниматься сексом.

Когда он сходил пописать и вернулся, она спросила:

— Пол, как ты узнал, что я ношу тридцать четвертый-В?

— Да так, ерунда. Чисто за счет моей феноменальной интуиции и знания женской натуры.

— Продолжай.

— «Продолжай»?

— Извини. Я хотела сказать: «А еще как?»

— Ну, ты, вероятно, заметила, что с твоим лифчиком я управился ценой большого труда. Боюсь, я случайно прочел ярлычок. В смысле, не нарочно.

Прежде чем они уснули, он сказал:

— Итак, подведем итоги переговоров: если я сменю место работы, получу прибавку к зарплате, переправлю в документах дату рождения и повешусь на двери для увеличения роста, а также надену контактные линзы, будет шанс, что ты решишь со мной встречаться.

— Я рассмотрю этот вариант.

— А ты взамен поработаешь над устранением

препятствий с твоей стороны.

— Которых?

— Замужества и нелюбви к сексу.

— Да, — ответила она и почувствовала, как ее захлестывает нежданная, не имеющая оправдания печаль. Нет, оправдание есть, поскольку печаль означала: «Ты этого не стоишь, чем бы оно ни оказалось в реальности. Это наступило, чтобы над тобой посмеяться».

— Вот только... Я хочу сказать, я не знаю, возможно, ты с кем-то встречаешься.

— Да, думаю, что да, — ответила она и, ощутив, как напряглась его рука, поспешила добавить: — Прямо в данное мгновение.

На следующее утро, после того как она разбудила его спозаранок, чтобы он успел съездить на другой конец Лондона и прибыть в «Питмен-хаус» с нормальной стороны и в нормальной одежде, она подумала: «А что, да, может быть».

* * *

Респондент — мужчина сорока девяти лет. Опрос провел доктор Макс.

Респондент — белый, представитель среднего класса, коренной житель Англии, хотя свое генеалогическое древо может проследить не дальше

прадедов. Мать родилась на границе с Уэльсом, отец — в Северном Мидленде. Начальное образование получил в государственной школе, учился достаточно хорошо, чтобы удостоиться стипендий для обучения в частной средней школе и университете. Работает в сфере гуманитарных наук и СМИ. Сколькими иностранными языками владеет — одним. Считает себя культурным, осведомленным, умным, хорошо информированным человеком. Условиям теста соответствует — то есть никогда не изучал историю как профильную дисциплину и не работал в областях, связанных с этой наукой.

Цель опроса не указывалась. Для отвода глаз упоминались маркетинговые исследования по заказу широко известного производителя безалкогольных напитков. Присутствие доктора Макса не педалировалось. Вопросы задавала женщина в одежде нейтрального стиля.

Респондента спросили, что произошло во время битвы при Гастингсе.

Респондент ответил:

— Тысяча шестьдесят шестой.

Вопрос был повторен.

Респондент рассмеялся:

— Битва при Гастингсе, тысяча шестьдесят

шестой. — Пауза. — Король Гарольд. Получил стрелу в глаз.

Респондент вел себя так, как будто ответил на вопрос. Респондента спросили, может ли он назвать других участников битвы, прокомментировать стратегию, указать возможные причины конфликта и его последствия.

Респондент молчал двадцать пять секунд.

— Герцог — кажется, герцог — Вильгельм Нормандский переправился со своей армией из Франции через море, хотя тогда это, кажется, была еще не Франция — ну, эта его родина, — победил в битве и стал Вильгельмом Завоевателем. Или он уже был Вильгельмом Завоевателем и стал Вильгельмом Первым. Нет, беру назад, я правильно ответил сначала. Первым настоящим королем Англии. То есть были еще Эдуард Исповедник и этот, который лепешки сжег, Альфред[17], но они в счет не идут, верно? Кажется, он был в родстве

[17] Примечания: 17

Имеется в виду общеизвестная в Англии легенда, типологически напоминающая историю о Ленине и печнике. Во время войны с датчанами король Альфред Великий (848–900; Великим он прозван не зря, так как в итоге нанес датчанам сокрушительное поражение) был вынужден, выдавая себя за простого странника, постучаться в хижину свинопаса. Хозяйка разрешила Альфреду погреться у огня — но приказала следить, чтобы лепешки, которые она пекла, не пригорели, пока сама она сходит по делам. Молодой король, задумавшись о судьбах Англии, забыл о лепешках — а хозяйка, вернувшись, отругала его на чем свет стоит.

с Гарольдом. Скорее всего, двоюродный брат. В те времена они все были родственники, так ведь? Все они были нормандцы. То есть Гарольд-то был сакс, наверное...

Респондента попросили поразмышлять над вопросом, действительно ли он считает Гарольда саксом.

Респондент молчал двадцать секунд.

— А что, почему нет. Наверно, сакс. Хотя если хорошенько подумать — вряд ли. По-моему, он тоже был нормандец, но какой-то другой. Раз уж Вильгельм ему приходился двоюродным братом. Или не двоюродным? Тут врать не буду.

Респондента спросили, где именно произошла битва.

Респондент:

— Это что, вопрос с подковыркой?

Респондента уверили, что вопросы с подковыркой в анкете отсутствуют.

Респондент:

— В Гастингсе. Ну, думаю, что не в самом городе. Хотя город, наверно, тогда был совсем небольшой. На берегу?

Респондента спросили, что произошло между битвой при Гастингсе и коронацией Вильгельма Завоевателя.

Респондент:

— Точно не скажу. Наверно, был какой-то марш на Лондон, типа марша Муссолини на Рим, всякие там мелкие стычки и, возможно, еще одна битва, а местные жители стекались под флаг победителя, как оно в таких случаях водится.

Респондента спросили, что случилось с Гарольдом.

Респондент:

— Это что... ах да, вы же сказали, что их нет. Он получил стрелу в глаз. — (Агрессивно.) — Это всякий знает.

Респондента спросили, что произошло после этого инцидента.

Респондент:

— Он умер. Конечно же. — (Более мирно.) — Я почти уверен, что стрела его убила, но не знаю, сколько еще он прожил после ранения. Думаю, в те времена стрела в глаз — это было практически безнадежно. Если задуматься, ему очень не повезло. Полагаю, история Англии была бы совсем иной, не задери он в тот момент голову. Это как с носом Клеопатры. — Пауза. — Учтите, я вообще-то не в курсе, на чьей стороне был перевес в тот момент, когда Гарольд получил стрелу в глаз, так что история Англии осталась бы той же самой,

вполне может быть.

Респондента спросили, что он может добавить к своему рассказу.

Респондент молчал тридцать секунд.

— Они были в кольчугах и остроконечных шлемах с такими пластинами, чтобы защищать носы. И с двуручными мечами.

Будучи спрошен, которую из сторон он имеет в виду, Респондент ответил:

— Думаю, что обе. Да, это же логически вытекает из того, что все они были нормандцы, верно? Вот разве что Гарольд был сакс. Но парни Гарольда определенно бегали не в кожаных камзолах, или как там назывались... Погодите. Нет, вообще-то могли. Те, кто победнее, пушечное мясо. — (Опасливо.) — Я не говорю, будто у них были пушки. Я о тех, которые не были рыцарями. Что-то мне не верится, что простой человек мог себе кольчугу позволить.

Респондента спросили, все ли это, что он может сообщить.

Респондент (радостно):

— Нет! Гобелен из Байе, я только что вспом-

нил[18]. Он как раз про битву при Гастингсе. Или про ее эпизод. Также это, по-моему, первое наблюдение или первое зафиксированное упоминание кометы Галлея. Нет, я хотел сказать, первое изображение. Это важно?

Респондент согласился с утверждением, что этим его познания полностью исчерпываются.

Удостоверяем, что протокол опроса точен, а Респондент является типичным представителем своей фокус-группы.

* * *

Доктор Макс снял колпачок со своей наливной ручки и излил на протокол утомленные инициалы. Опросов он провел множество, и все они были одинаковы, вследствие чего у него уже начиналась депрессия. Большинство людей припоминали исторические события с той же замешанной на верхоглядстве надменностью, с какой вспоминают свое собственное детство. Доктор Макс считал, что знать так мало о происхождении и формировании собственной нации

[18] Примечания: 18

Напомним, что на гобелене XI–XII в., хранящемся в музее во французском городе Байе, изображены сцены нормандского завоевания Англии.

— чрезвычайно непатриотично. Тем не менее (парадоксально, но факт) самый преданный друг патриотизма — невежество, а не знание.

Доктор Макс вздохнул. Ему стало грустно не только как историку, но и как человеку. Неужели они прикидываются — и прикидывались с самого начала, все эти люди, что стекаются на его лекции, звонят на его передачи, смеются его остротам, раскупают книги? Когда он пытается прочистить их извилины — это столь же тщетно, как топтание фламинго в луже? Неужели им что в лоб, что по лбу, черт их подери, неужели все они таковы, как вот этот сидящий перед ним невежественный собачий хвост, считающий себя культурным, осведомленным, умным и хорошо информированным?

— Козел! — вырвалось у доктора Макса.

* * *

Распечатка результатов опроса, проведенного Джеффом, лежала перед сэром Джеком на его Маршальском столе. Потенциальных покупателей «Не просто отдыха» в двадцати пяти странах попросили перечислить шесть характерных черт, качеств или квинтэссенций, которые приходят им на ум при слове «Англия». Свободных

ассоциаций не требовалось; опрошенные не были ограничены во времени; предлагать им набор готовых ответов, из которого следовало что-то выбрать, также не стали.

— Если мы даем людям то, что они хотят, — настаивал сэр Джек, — не будем заноситься: попробуем сначала выяснить, чего им, собственно, хочется.

Итак, граждане разных стран мира открыто и прямо сообщили сэру Джеку, что, на их взгляд, является Пятьюдесятью Квинтэссенциями Самого Наианглийского:

1. Королевская семья.
2. Биг-Бен/Здание Парламента.
3. Футбольный клуб «Манчестер Юнайтед».
4. Сословия/Лорды и дворецкие.
5. Пабы.
6. Малиновка на снегу.
7. Робин Гуд, его Веселые Стрелки и Шервудский лес.
8. Крикет.
9. «О, Дувра белые утесы...»
10. Империализм.
11. Флаг «Юнион Джек».
12. Снобизм.
13. «Боже, храни королеву/короля».

14. Би-би-си.
15. Уэст-Энд.
16. Газета «Таймс».
17. Шекспир.
18. Домики с соломенными крышами.
19. Чай/Чай со сливками по-девонширски.
20. Стоунхендж.
21. Прямая спина/Флегматичность/«Темза, сэр!».
22. Магазины.
23. Пудинг.
24. Бифитеры/Лондонский Тауэр.
25. Лондонские такси.
26. Шляпа-котелок.
27. «Джейн Эйр» и другие классические теле-сериалы.
28. Оксфорд/Кембридж.
29. «Хэрродз».
30. Двухэтажные автобусы/Красные автобусы.
31. Лицемерие.
32. Садоводство.
33. Ненадежность/«Коварный Альбион».
34. Архитектурный стиль «фахверк».
35. Гомосексуализм.
36. «Алиса в Стране чудес»:
37. Уинстон Черчилль.

38. «Маркс-энд-Спенсер».

39. «Битва за Британию»/Подвиги англичан во Второй мировой войне.

40. Фрэнсис Дрейк.

41. Вынос знамен — парад в день рождения королевы.

42. Пессимизм/Нытье.

43. Королева Виктория.

44. Замки.

45. Пиво/Теплое пиво.

46. Эмоциональная фригидность.

47. Стадион Уэмбли.

48. Порка/Частные школы-интернаты.

49. Нечистоплотность/Уродливое нижнее белье.

50. «Хартия вольностей».

* * *

Джефф наблюдал, как меняется лицо сэра Джека по мере чтения списка: его выражение колебалось между мудрым признанием своих заслуг и горьким разочарованием. Затем мясистая рука указала Джеффу на дверь, и Разработчик Концепций познал на себе, как печальна участь гонца, приносящего дурные вести.

Оставшись один, сэр Джек вновь вчитался в

список. К концу этот перечень, что греха таить, становился все отвратнее и отвратнее. Вычеркнув позиции, отнесенные на счет дурацкой методики опроса, сэр Джек задумался над остальными. Многое было вполне предсказуемо: так, магазинов и домиков с соломенными крышами, где можно выпить чаю по-девонширски, на Острове хватит. Садоводство, лондонские такси, пабы, двухэтажные автобусы — все это полезные удобства. А вот откуда взялась «Малиновка на снегу»? Видимо, с классических рождественских открыток. «Хартию вольностей» уже переводят на удобоваримый английский. Газету «Таймс» легко приобрести; бифитеров умаслим, а Дувра белые утесы переместим, не особенно насилуя родной язык, в бывшую Белую бухту. Биг Бен, Битва за Британию, Робин Гуд, Стоунхендж — это мы одной левой...

Но в самом начале списка — если точно, под номерами Один, Два и Три — шли сплошные незадачи. Сэр Джек уже начал было прощупывать обстановку в парламенте, но предварительное деловое предложение, сделанное им за рабочим завтраком с законодательной властью (воплощенной в спикере палаты общин), было встречено с бесчувственным непониманием;

увы, уместнее даже сказать «презрением». С футбольным клубом проще: в Манчестер отправлены Марк и бригада лучших переговорщиков. Ясноглазый юный Марк — с виду невинная овечка — такой льстивой лапши на уши навешает, что сердце из груди вынешь и юридически законно подаришь. Очевидно, придется считаться с гордостью манчестерцев, общественными традициями и так далее — обычная история. Как знал сэр Джек, в таких случаях дело решают не деньги — а деньги же, подкрепленные необходимой иллюзией верности бескорыстным принципам. Какой, собственно, принцип тут сгодится? Ладно, Марк подберет. А если они упрутся своими раздвоенными копытцами, всегда можно за спиной клуба перекупить название. Или просто назваться «Манчестер Юнайтед» без спросу, и пусть утрутся.

К Бук-хаусу подход нужен иной: не столько кнут и пряник, сколько пряник, пряник и еще раз пряник. Их величества в последнее время подвергаются особенно злостным нападкам со стороны своих обычных недоброжелателей — циников, склочников и смутьянов. Газетам сэра Джека предписано патриотически опровергать все эти изменнические козни, в то же самое время

перепечатывая их во всех прискорбно-смачных подробностях. Возьмем то гадкое происшествие с принцем Риком. Как там звучал заголовок: «Кузен короля в наркотическом угаре развлекался с подружками-лесбиянками»? Разумеется, журналиста он выгнал, но грязь, увы, такая вещь — как прилипнет, так уж не отмоешься. Пряники, пряники; пусть берут хоть весь мешок, если иначе не выйдет. Предложить им прибавку к окладам и комфортные условия труда; работа непыльная, а право на тайну личной жизни — незыблемое; противопоставить прогрессирующую неблагодарность их нынешних подданных юридически гарантированному обожанию со стороны будущих; подчеркнуть запустение их нынешнего королевства по сравнению с радужным будущим дивного алмаза в серебряной оправе океана.

И как будет сверкать эта драгоценность? Сэр Джек вновь провел пальцем сверху вниз по списку Джеффа. С каждой вычеркнутой позицией из его глотки раздавался все более грозный рык верноподданнического гнева. Опрос? Да это же открытое очернительство. Кем мнят себя эти МУДАКИ, наговорившие об Англии ТАКОГО? О его-то Англии! А сами-то ни в зуб ногой. Сволочи эти туристы, подумал сэр Джек.

* * *

Осторожно, робко Пол представил на суд Марты свою жизнь. Заря жизни в пригороде, в псевдотюдоровском пригороде: сливовые деревья и форсайтия, стриженые газоны и «Общественный дозор» (увидишь на улице подозрительных — сразу в полицию). В воскресенье утром — мытье машины; любительские концерты в сельских церквах. Нет, конечно, не каждое воскресенье; но казалось, будто каждое. Его детство было мирным; или скучным, если тебе так больше нравится. Когда ввели запрет на шланги, соседи стучали на соседей, которые пользовались поливалками. На окраине поселка высился псевдотюдоровский полицейский участок; а в его палисаднике — псевдотюдоровская кормушка для птиц на высоком столбе.

— Жалко, я ничего дурного не натворил, — сказал Пол.

— Почему жалко?

— Тогда бы я тебе открылся, а ты бы поняла... или простила...

— Не обязательно. И вообще вдруг ты бы мне тогда разонравился?

Пол немного помолчал.

— Я когда-то много дрочил, — заявил он с надеждой в глазах.

— Не криминал, — возразила Марта. — Я тоже.

— Вот черт.

Он показал ей фотографии: Пол в ползунках, в шортах, в крикетной форме, в смокинге; его волосы постепенно темнели, превращаясь из соломы в торф; очки балансировали на грани немодности, подростковая пухлость отступала под натиском тревожной взрослости. Он был середочкой, вторым из троих детей, затиснутым между сестрой, вечно поднимавшей его на смех, и забалованным младшим братом. Он хорошо учился в школе и хорошо прикидывался мебелью. После колледжа он устроился стажером в «Питко»; рос по службе, никого не оскорбляя своими успехами, пока однажды в туалете не сообразил, что фигура рядом с ним — фигура невероятно объемистая, фигура, буквально раздвигавшая плечами стены, — это не кто иной, как сэр Джек Питмен: вероятно, начальник отринул роскошь и уединенность своего порфирного унитаза ради упражнений в демократическом мочеиспускании. Сэр Джек насвистывал вторую часть Крейцеровой сонаты, вследствие чего у Пола от волнения пересохло в мочеточнике. По-

чему-то — Пол так и не смог потом понять почему — он начал рассказывать сэру Джеку историю о Бетховене и сельском полицейском. Разумеется, он не дерзал взглянуть на Председателя — просто рассказывал. Когда история пришла к концу, он услышал, как сэр Джек застегнул молнию и ушел вперевалочку, насвистывая третью часть, «престо», и дико при этом фальшивя, чего Пол не мог не заметить. На следующий день он был вызван в личный кабинет сэра Джека и год спустя сделался его Мыслеловом. По истечении каждого месяца он вручал Председателю очередной том летописи его деяний. Иногда даже удавалось удивить сэра Джека забытыми жемчужинами его мудрости. Кивком щекастой головы сэр Джек вообще-то поздравлял себя с собой несравненным, но одновременно этот жест призван был поощрить в Мыслелове его умение подхватывать на лету хрустальные афоризмы.

— Девушки, — произнесла Марта. Про сэра Джека Питмена она наслушалась вдоволь.

— Да, — таков был его краткий ответ. Подразумевалось: иногда, осторожно, робко. Но чтоб так, как сейчас, — никогда.

Она ответила предварительным вариантом своей собственной жизни. Он напряженно слу-

шал, когда она описывала «Графства Англии» и предательство отца. Расслабился на сельскохозяйственной выставке и мистере Э. Джонсе, неуверенно посмеялся над историей Джессики Джеймс, посерьезнел, когда дошло до: «После двадцати пяти лет родителей ни в чем не винить». Затем Марта изложила ему мнение своей матери, что мужчины делятся на подлецов и бесхребетников.

— А я кто?

— Присяжные все еще заседают. — Она шутила, но он опустил глаза. — Все нормально. После двадцати пяти лет уже не положено соглашаться со всем, что говорят родители.

Пол кивнул:

— Как ты думаешь, это как-то связано?

— Что связано?

— То, что твой отец ушел на хер, как ты выразилась, и твоя работа у сэра Джека?

— Пол, смотри мне в глаза.

Он неохотно повиновался; время, когда у него хватало смелости лишь на ее уши, давно миновало, но все же были моменты, когда он предпочитал смотреть ей на щеки и рот.

— Наш начальник — не замена утраченного отца, договорились?

— Просто иногда он обходится с тобой как с дочерью. С мятежной дочерью, которая вечно ему противоречит.

— Это его проблема. И дешевая психология.

— Я не имел в виду...

— Нет...

Но что-то он все-таки должен был иметь в виду. Марта сконструировала свою жизнь, выстроила свой характер — и потому сопротивлялась противоречивым интерпретациям.

Воцарилось молчание. Наконец Пол произнес:

— А ты знаешь историю о Бетховене и сельском полицейском?

— Ты сейчас не на прослушивании в отделе кадров. — Ой, Марта, придержи язык, ты хотела лишь пошутить, но он краснеет. Твой острый язычок уже прирезал не один роман. Она постаралась смягчить интонацию. — Расскажи в другой раз. Сейчас у меня есть идея получше.

Он отводил глаза.

— Я буду бесхребетно подлой, а ты — подло бесхребетным. Или наоборот, если хочешь.

Они делили ложе уже в четвертый раз. Первоначальная старательная робость испарилась — коленками они больше не сталкивались. Но в этот раз, когда она почувствовала, что их тела

начинают расходиться своими дорогами, он приподнялся на локте и тихо вымолвил:

— Марта.

Она повернула голову. Очки Пола лежали на тумбочке, и его взгляд был наг. Интересно, подумала Марта, что он видит вместо меня — расплывчатое пятно? Может, так ему легче выдержать мой взгляд?

— Марта, — повторил он. И этим в каком-то смысле все уже было сказано. Но он продолжил: — Я еще здесь.

— Вижу-вижу, — отвечала она. — Чувствую-чувствую. — Она покрепче сжала его член — сама понимая, что закрывается этой нарочитой беспечностью, как щитом.

— Да. Но ты понимаешь, о чем я.

Она кивнула. Да-да, присутствовать она отвыкла. Улыбнулась ему. Возможно, жизнь опять станет простой. В любом случае она была благодарна ему за смелость. Она осталась с ним, наблюдала, внимала, вторила, вела, поощряла. Она была старательна и честна — как и он.

И все же то не был самый лучший секс в ее жизни. Впрочем, где написано, будто ловкость в постели как-то связана с человеческой порядочностью? И кто распределяет своих любовников

по лигам, составляет из них турнирные таблицы? Только невротики, озабоченные своей конкурентоспособностью. А спроси нормальных людей про лучший секс в их жизни, они вообще не вспомнят. Исключения редки. Вот разве что Эмиль. Старина Эмиль, ее приятель, гей. Он помнит. Как-то, оказавшись в Каркассоне, она послала ему открытку. А вернувшись домой, обнаружила на коврике перед дверью срочный, ликующий ответ. Письмо начиналось так: «В Каркассоне у меня случился самый факельный фак за всю мою жизнь. Сто лет назад. Гостиничный номер в старом городе, балкон нависает над раскаленными крышами. Надвигается потрясающая, а-ля Эль-Греко, гроза, и тучи делают свое дело, а мы — свое, пока разрыв между молнией и громом не сокращается до нуля, и гроза зависает над нашими головами, и всем, что мы делаем, словно бы дирижирует небо. Потом мы раскинулись на постели, внимая звукам удаляющейся к холмам бури, и, сделав паузу, услышали, как начался очистительный дождь. После такого аж в Бога можно уверовать, правда, Марта?»

Что ж, с точки зрения Марты, после такого аж можно уверовать, что Бог, буде Он есть, ничего не имеет против геев. Но для нее Бог — да и человек,

если уж на то пошло, — ни разу не организовал такого величественного контрапункта. Самый факельный фак в ее жизни? Замнем. Она зарылась лицом в подмышку Пола. С нее и просто хорошего довольно.

* * *

Добрый старый английский ростбиф был, разумеется, с ходу одобрен Гастрономическим Подкомитетом — как и йоркширский пудинг, ланкаширский «горячий горшок», сассекский фунтовый пудинг, ковентрийские «божьи кексы», эйлсберийские утята, «бурый виндзорский суп», девонширская фруктовая окрошка, мельтон-момбрейский пирог, бедфордширские ляпушки, ливерпульский рождественский паштет, сдобы «Челси», камберлендские колбаски и кентский куриный пудинг. Без проволочек было решено кредитовать рыбу с картошкой и яичницу с беконом, мятный соус и почечный пудинг, «обед пахаря» и «пастушеский пирог», крестьянскую картофельно-мясную запеканку и вареный пудинг с коринкой, заварной крем и хлебный пудинг, печенку с ветчиной и фазанов, жареную картошку по-охотничьи и жареную говядину по-королевски. Благодаря своим живо-

писным названиям (в конкретное наполнение всегда можно внести поправки, если надо будет) в список перспективных инвестиций попали «Слава Лондона», «Королева пудингов», «Бедные виндзорские рыцари», «Побудка Хиндли», пирог «звезды в глазах», соус «ням-ням», «невестины подружки», оладушки, пухлячки, пышки, «жирный жулик», Босуортовы кольца, могги и имбирный паркин. Подкомитет вычеркнул овсянку из-за шотландских аллюзий, «петушиные яички» и леденцы-сосунки — чтобы, не дай бог, не лишиться голубых долларов, а также «песий уд», несмотря на его переименование в «песий рог». «Конные дьяволы» и «конные ангелы» прошли; «жаба в дырке» и «жеребячьи палки» — нет. Валлийские сырные гренки, ирландское рагу и яйца по-шотландски даже не принимались к рассмотрению.

Богатый ассортимент элей должна была поставлять собственная пивоварня, которую планировалось возвести в Вентноре; фирменные вина Острова предполагалось подавать в графинах (если только эджстоунские виноградники переживут окончательный вариант Стратегического Плана). Но для привлечения на Остров длинных иен и вечнозеленых долларов будут трудиться приятно зудящие вкусовые сосочки выдающихся

сомелье; энофилы, размякшие после экскурсий по подвалам, глубоко запрятанным в меловых утесах («былые склады контрабандистов превратились в настоящие музеи виноделия»), охотно согласятся на четырехкратную наценку. После обеда, когда по славному английскому обычаю джентльмены уединятся в своем кругу для вкушения мужских напитков, им ненавязчиво порекомендуют отведать «старинную шропширскую сливовую наливку “Бабушка Мод”», но также предложат богатый выбор виски, за исключением тех, что носят агрессивно-гибернийские имена. Карту арманьяков сэр Джек составит лично.

— Остается лишь секс, — заявил Менеджер Проекта после того, как патриотические меню были одобрены Координационным комитетом.

— Прошу прощения, Марко?

— Секс, сэр Джек.

— Я всю жизнь издаю семейные газеты.

— Семейные газеты, — отметила Марта, — традиционно зациклены на внебрачных и противоправных связях.

— На то они и семейные! — в сердцах воскликнул начальник. Пощелкав своими подтяжками цветов «Гаррик-клуба», он вздохнул. — Ну хо-

рошо. Регламент наших заседаний крайне демократичен, так что продолжайте.

— Я иду от гипотезы, что мы должны хоть как-то охватить область секса, согласны? — проговорил Марк. — В отпуск люди ездят, чтобы заниматься сексом, — это общеизвестно. А точнее, когда они думают об отпуске, некий отдел их мозга вспоминает о сексе. Если они не состоят в браке, то мечтают с кем-нибудь познакомиться; а супруги надеются вырваться из своей постылой спальни. Особенно из постылой спальни, где вообще ничего не происходит.

— Что ж, поверим на слово. Ох вы, молодежь...

— Итак, как я это вижу: если трехгрошовый турист стремится к сексу за четыре гроша, то покупателям «Не просто отдыха» захочется «не просто секса».

— Это подтверждает и история, — вмешалась Марта. — Заниматься сексом англичане всегда ездили за границу. Империя держалась на неспособности британских мужчин обрести сексуальную удовлетворенность вне брака. Да и в браке, если уж на то пошло. Запад всегда воспринимал Восток как бордель с дорогими и дешевыми отделениями. Теперь же все перевернулось с ног на голову. Мы гоняемся за долларами Тихооке-

анского региона, а значит, должны предложить исторически обоснованное *«qui dpro quo».*

— А как отзовется Официальный Историк об этой скандальной версии славного прошлого нашей нации? — Сэр Джек указал сигарой на доктора Макса.

— Мне она зна-а-кома, — ответил тот. — Правда, обычно ее излагают не столь брутально. Теория спорная.

В томном голосе доктора Макса сквозило, что его лично под дулом пистолета не заставишь спорить на вышеуказанную тему.

— А, — вымолвил начальник. — Теория спорная. Сказано истым историком, если вы мне позволите капельку *luse-majestй*[19]. И о чем же, собственно, спор? Выставляют ли английских девственниц на открытые торги — нагих, прикованных к телегам, продают ли их в почасовое сексуальное рабство в дорогих бордель-отелях, оснащенных водяными матрасами, поворотными зеркалами и порнографическими видеофильмами? Я говорю, как вы понимаете, метафорически.

Воцарилось пристыженное безмолвие — но

---

[19] Примечания: 19
Оскорбление монарха *(фр.).*

ловкий Марк поспешил его нарушить.

— Мне кажется, мы несколько отвлеклись. Я всего лишь сказал, что размышляю, нужно ли нам охватить область секса. Не знаю, в чем это должно выражаться. Я не мыслитель — я просто менеджер. Мое дело — внести предложение: «Не просто отдых», вечнозеленые доллары, длинные иены, тенденции развития рынка, Англия и секс. Позвольте преподнести господам заседающим этот коктейль.

— Очень хорошо, Марко. Давайте, извиняюсь за только что выдуманное крылатое выражение, поместим этот вопрос на виброкровать. И давайте начнем с простого. Секс и Англия, кто скажет?

— Швейцарский флот, — отозвалась Марта.

— Мои соболезнования, мисс Кокрейн. — И сэр Джек от всей души расхохотался. — Хотя сороки приносят мне на хвосте несколько другие известия.

Когда Марта хлестнула его взглядом, он уже рассеянно пялился в угол. На Пола она смотреть не смела.

— Кто разовьет мысль?

— Ладно. Ладно. — Обозленная Марта приняла вызов. — Я начну. Англичане и секс. Что первым приходит на ум? Оскар Уайльд. Королева-дев-

ственница. «Отец мой знал Ллойда Джорджа, Ллойд Джордж знавал отца». Леди Годива.

— Покамест — один ирландец и один валлиец, — публичным шепотом отметил доктор Макс.

— Плюс одна девственница и одна стриптизерка, — добавил Марк.

— Английский порок, — продолжала Марта, буравя взглядом доктора Макса. — Содомия или порка, выбирайте на вкус. Детская проституция Викторианской эпохи. Несколько маньяков и ряд громких убийств по сексуальным мотивам. Ну как, входные билеты уже идут нарасхват? Был ли в Англии свой Казанова? Полагаю, да, — лорд Байрон. Аристократ в ортопедических ботинках, со слабостью к инцесту. Скользкая область, не так ли? О да, если это важно, мы изобрели презерватив. По легенде.

— Ровно ничего пригодного, — произнес сэр Джек. — Обструкционизм, еще более вопиющий, чем обычно. Новый рекорд. Что мы, прошу прощения за банальность, ищем? Женщину, воплотившую в себе лучшие стороны секса, славную девчонку, известную каждой собаке, потрясную милашку с большими буферами — разумеется, я выражаюсь в образном смысле.

Комитет проникся беспрецедентным интересом к узору столешницы, рисунку обоев, переливам люстры. Внезапно ладони сэра Джека взметнулись в воздух, оттолкнувшись от его лба.

— Нашел. Нашел. Она, и только она. Нелл Гвинн. Ну разумеется. Кошка может смотреть на то, что получше короля. Несомненно, она прелесть. Покорила сердца нации. И кстати, очень демократичная история, как раз для наших времен. Возможно, профильтровать — слегка-слегка, — привести в соответствие со здоровой семейной моралью третьего тысячелетия. Да-да, и не забудем о лицензии на торговлю апельсинами. Ну что? Говорите, «хорошо»? Говорите, «хорошо — слишком скромная оценка»?

— Хорошо — слишком скромная оценка, — подхватил Марк.

— Хорошо, — обронила Марта.

— Сомнительно, — молвил доктор Макс.

— Почему? — проворчал начальник. Неужели он должен тащить на себе весь воз творческой работы да еще и терпеть банду вставляющих палки в колеса скептиков?

— Это не совсем мой пе-е-риод, — произнес Официальный Историк свой коронный зачин, после которого обычно следовала пространная

лекция, — но, насколько я помню, биография крошки Нелл имела мало отношения к здоровым семейным ценностям. Она открыто именовала себя «протестантской блудницей» — в те времена король, как вы понимаете, был католик. Родила ему двоих внебрачных детей, делила его мягкое ложе с другой фавориткой, чье имя временно изгладилось из моей памяти...

— Вы хотите сказать, шесть-ног-под-одеялом, — пробормотал сэр Джек, воображая газетные заголовки.

— ...и хотя деталь требует уточнений, я знаю, что пост королевской любовницы она заняла в относительно нежном возрасте, так что, возможно, придется учесть и мотив растления малолетних.

— Отлично, — заявила Марта. — То, что надо. Западные педофилы традиционно удовлетворяли свои аппетиты на Востоке. Пускай теперь восточные едут на Запад.

— Катастрофа, — заключил сэр Джек. — Я всю жизнь выпускаю семейные газеты.

— Можно сделать ее старше, — бодро предложила Марта, — детей вычеркнуть, других любовниц вычеркнуть, социально-религиозную подоплеку вычеркнуть. Получится честная девушка из среднего класса, которая в итоге выходит замуж

за короля.

— При живой жене, — сделал сноску доктор Макс.

— В мои времена все было гораздо проще, — вздохнул сэр Джек.

* * *

— Как ты думаешь, сэр Джек о нас пронюхал?

Они лежали в постели, без света; их тела устали, но головы, взбодренные кофе, полнились тревожными мыслями.

— Нет, — ответил Пол. — Он просто удочки закидывал.

— Не похоже как-то на удочки. Скорее на... капканы. Я тебе говорила, нет зверя страшней, чем хороший семьянин.

— Он тебя обожает, разве не видишь?

— Приберег бы свое обожание для невидимой леди Питмен. Почему ты его всегда защищаешь?

— А ты почему всегда на него нападаешь? И вообще провоцируешь.

— Я? Ты имеешь в виду мой угольно-черный костюм и доверху застегнутую блузку?

— Твои антипатриотичные взгляды на секс.

— Провокационные и антипатриотичные в одном флаконе. Тем лучше. За это мне деньги

и платят.

— Ты знаешь, о чем я.

Они впали в нервную болтливость, балансирующую на грани свары. Почему так? — спросила себя Марта. Почему внутри любви непременно тикает ее обязательная начинка — бомба скуки, а нежность всегда комплектуется докучливостью? Или это ее, Марты, личный недостаток?

— Я просто сказала, что англичан не секс прославил. Всего-то. Секс по-английски — это гребные гонки: вверх-вниз, вверх-вниз, вверх-вниз, финиш, и все валятся от усталости на весла.

— Спасибо.

— Я не тебя имела в виду.

— Нет уж — или я правдивую лесть на слух не узнаю? «Все должны овладеть этим искусством», — помню-помню. «Тогда прекратятся войны», — сказали мы, — щебетал Пол, а сам думал: «Что я сделал не так? Почему мы вдруг, с бухты-барахты, принялись рычать друг на друга во тьме? Миг назад все было прекрасно. Миг назад я тебя ценил и любил; а теперь только люблю. Сердце падает в пятки».

— О, Пол, расскажи еще какую-нибудь историю. — Ей не хотелось ссоры.

И ему тоже.

— Еще какую-нибудь историю. — Он умолк, дожидаясь, пока испарится его легкая обида. — Я как раз собирался тебе рассказать про Бетховена и сельского полицейского. Ту, что я поведал сэру Джеку.

Марта вся напряглась. Она предпочитала оставлять сэра Джека в офисе. Пол все время тащил его домой. Теперь он лежал в постели вместе с ними. Ну ладно, разок можно.

— Ага. Воображаю себе эту сцену. Бок о бок в уборной. Что он мурлыкал?

— Крейцерову. Вторую часть. Adagio espressivo. Это, впрочем, прямого отношения не имеет... Короче, дело было так. Как-то утром, году в тысяча, полагаю, уже восемьсот... лохматом, суть в том, что он уже был знаменитым композитором, Бетховен рано встал и вышел прогуляться. Как ты, возможно, знаешь, он был в некотором роде неряха. Он надел свое видавшее виды пальто — а шляпы он не имел, в отличие от всех приличных людей, которые не являлись великими композиторами, — и побрел по тропке вдоль канала, на берегу которого стоял его дом. Вероятно, он думал о своей музыке — слышал ее в голове — и ничего вокруг не замечал, поскольку он шагал, шагал, шагал — и вдруг обнаружил себя в конце

канала, на краю водохранилища. Он не знал, где находится, а потому стал заглядывать в чужие окна. Ну, дело было в благопристойной области Германии, или как там эта страна тогда называлась, и, естественно, вместо того чтобы спросить, что ему нужно, или пригласить на чашечку кофе, обыватели вызвали местного констебля и потребовали арестовать чужака за бродяжничество. Бетховен был, мягко говоря, удивлен таким развитием событий и стал спорить с полицейским. Он сказал: «Но, инспектор, я — Бетховен». А полицейский ответил: «Конечно, вы Бетховен — почему бы и нет?»

Он умолк, но Марту и тут не подвело ее инстинктивное чутье к ритмам мужского нарратива. Она подождала.

— И тут-то — да, очень верно сказано «и тут-то» — и тут-то полицейский объяснил, почему он его арестовал. Он сказал: «Вы — бродяга. Бетховен выглядит совсем по-другому».

Марта улыбнулась во тьме и, сообразив, что он ее не видит, коснулась его рукой.

— Хорошая история, Пол.

Они дали задний ход с неведомой дороги, на которую съехали. Вернулись, потому что оба этого захотели. Ну а не захоти кто-нибудь один?

Или оба? Засыпая, она задумалась над двумя загадками. Почему даже в постели они называют сэра Джека «сэром»? И почему Бетховен решил, что заблудился? Всего-то надо было развернуться и пойти назад вдоль канала. Или гений не повинуется логике простых смертных?

Позже, в ту же ночь, она проснулась от мыслей о сексе. Она прислушалась к эху собственного голоса. С меня и просто хорошего довольно, сказала она. «Довольно? Не рано ли, Марта, успокаиваться на достигнутом?»

«Ой, не знаю, в конце концов все успокаиваются».

«Нет, Марта, ты с самого начала жила назло успокоению, потому-то и не... не успокоилась».

«Вот что, я только сказала, что в постели с ним очень приятно, но не Каркассон. И из-за такой ерунды ночей не спать? Ладно будь это полная противоположность Каркассона — фу, даже не вообразить. Чернобыль. Аляска. Гилфордская транспортная развязка. И вообще, отношения мужчины и женщины к сексу не сводятся».

«Сводятся-сводятся, Марта, в этом и есть их суть — в этой, ранней стадии. Или твои прежние романы начинались с занятий керамикой или колокольного звона?»

«Послушай, все только-только начинается. В данном романе».

«Роман только-только начинается, а вместо всей этой былой веры и прелестного самообмана и... и немереных амбиций... ты делаешь благоразумные уступки и подбираешь благоразумные оправдания».

«Ни фига подобного».

«Ага, как же. Ты употребляешь слова типа “очень приятно”».

«Ну, наверно, старею».

«Ага, сама сказала».

«Как сказала, так и возьму назад. Наверно, я взрослею. И перестаю себя обманывать. Теперь все по-другому. Совсем другое ощущение. Я уважаю Пола».

«О боже. У тебя, случайно, нет ощущения, что ты сидишь — успокоенная-успокоенная — и слушаешь лекцию “Биографии великих композиторов”?»

«Нет. Ощущение вот какое: никаких игр, никаких обманов, никакого позерства, никаких предательств».

«Четыре минуса дают плюс?»

«Умолкни. Умолкни. Между прочим — да, наверняка дают. Так что умолкни».

«Считай, я ничего не говорила, Марта. Спокойного сна. А чисто из спортивного интереса: как ты сама думаешь, почему ты сейчас проснулась?»

* * *

Краткая история сексуальности в случае Пола Харрисона была бы короче, чем в случае Марты Кокрейн:

— зачаточное влечение к девочкам вообще, а поскольку девочки вообще — как минимум большинство девочек в его ближайшем окружении — носили белые гольфы, зеленые клетчатые юбки до середины икры (матери знали, что выгоднее брать на вырост) и белые блузки с зелеными галстуками, такова была и первоначальная парадигма его желания;

— особое влечение к Ким, подруге сестры, которая училась играть на альте, которая в одно воскресное утро зашла к ним домой и заставила его осознать (на основе наблюдений за сестрой он этого пока не сделал), что от девочек, одетых не в школьную форму, губы сохнут, разум помрачается, а в трусах топорщится несравнимо сильнее, чем от девочек в школе. Ким, старше его на два года, игнорировала Пола — или притворялась, будто игнорирует, что не меняло результата. Раз

он небрежно поинтересовался у сестры: «Как там Ким?» Она смерила его испытующим взглядом, а потом расхохоталась так неудержимо, что ее чуть не вырвало;

— открытие девочек в журналах. Впрочем, сразу было видно: это не девочки, а женщины. Женщины с безупречными грудями необъятной величины, безупречными грудями средней величины и безупречными грудями небольшой величины. Стоило их увидеть, как мозг начинал колотиться о крышку черепа, пытаясь вырваться наружу. Все они неоспоримо блистали красотой, даже те, у которых был вульгарный, шлюховатый вид; если честно, не «даже те», а «особенно те». Что до других частей тела — не грудей, а «этих самых», — вначале изумлявших его до полной немоты, они также являли удивительное разнообразие форм и физиологических подробностей, но в каждом случае были идеально совершенны. Эти женщины казались ему такими же недоступными, как кроту — козьи тропы на скалах. Они были аристократией, шедевром дезодорантов и эпиляции; а он — вонючим, оборванным крестьянином;

— тем не менее он продолжал любить Ким;

— но обнаружил, что журнальных женщин мо-

жет любить одновременно. Среди них у него были любимицы и верные фаворитки. Те, кто, по его предположениям, тактично и участливо покажет ему, как делать Это; а затем другие — те, кто покажет ему, уже кое-что умеющему, как Это делается по-настоящему; и третья категория — трепетные лани, бесприютные сиротки, невинные девы, которым, когда придет пора, он сам покажет, как делать Это. Вкладки с женщинами, ранившими его сердце, он выдирал и хранил под матрасом. Дабы не измять их (что было бы непрактичностью и святотатством), он складывал их в конверт для пересылки бандеролей. Спустя некоторое время пришлось купить второй;

— девочки в школе вырастали из своих юбок, то есть юбки заканчивались уже на уровне колен. Он слонялся по коридорам со стаями мальчиков, глазея на стайки девочек. Ему казалось, что он никогда-никогда не сумеет повести себя правильно, оставшись наедине с девочкой (сестра была не в счет). А вот наедине с журнальными женщинами — это пожалуйста. Когда он занимался с ними сексом, они смотрели понимающе-понимающе... И вот еще что: после акта полагалось чувствовать печаль, но с ним такого никогда не бывало. Лишь досада, что надо ждать несколько минут, прежде

чем этот дохлый агрегат опять раскочегарится. Он купил третий конверт для бандеролей;

— однажды на спортплощадке Джефф Гласс рассказал ему замысловатую, конфиденциальную историю о коммивояжере, все время разъезжавшем по командировкам, и про то, что он делал, когда не мог найти женщину. Он делал «так», а иногда «сяк», а порой, для разнообразия и чтобы хозяйка пансиона не увидела, он занимался этим в ванной. Ну, ты знаешь, как оно бывает в ванной, — на что Пол, не желавший, чтобы история прерывалась, сказал «Да», а надо было «Нет», потому что Джефф Гласс заорал на всю площадку: «Харрисон знает, как оно бывает в ванной!» Он осознал, что секс — это западня;

— и прочувствовал это открытие всей душой и телом, когда, вернувшись домой, обнаружил, что мать затеяла генеральную уборку и перевернула матрас;

— какое-то время он составлял в тетрадях по математике, куда мать никогда бы не додумалась заглянуть, шифрованный график зависимости кожных высыпаний от своих интимных актов с утраченными журнальными женщинами. Выводы вызывали сомнения — но и не совсем разубеждали в правоте гипотезы. Он обнару-

жил, что феноменально четко помнит Черил и Ванду, Сэм и Тиффани, Диану и Триш, Линди и Джилли, Билли, Келли и Кимберли. Иногда он погружался с этими воспоминаниями в ванну. Лежа в постели, он больше не тревожился, что мать увидит свет и войдет. Его донимали новые тревоги: встретится ли на его пути реальная женщина или девочка, которая разбудит в нем столь же жадную чувственность. Он понимал, почему мужчины умирали за любовь;

— кто-то сказал, что если делать это левой рукой, покажется, будто тебя ласкает кто-то другой. Оно, может, и так; но очень чувствовалось, что эта «чужая» рука — левая, и становилось странно, что «партнерша» не пользуется правой;

— и вдруг, нежданно-негаданно, — Кристина, которую не смущали его очки, которая в свои семнадцать лет и один месяц была на три месяца старше его, что находила довольно милым и оригинальным. Он соглашался, как соглашался с каждым ее словом. Он обнаружил, что в параллельном мире реальной жизни ему позволено делать то, о чем раньше лишь мечталось. С Кристиной он прорвался в мир менструаций и раскатывания презервативов, где позволялось трогать руками все (все в пределах разумного,

все, кроме нечистого), пока он помогал ей сидеть с ее младшим братом; мир головокружительной радости и социальной ответственности. Когда, указывая на какую-нибудь мульку в освещенной витрине магазина, она ворковала с непостижимой тоской, казавшейся ему исключительно женственной, он чувствовал себя Александром Великим;

— как-то Кристина спросила: «Ну а дальше мы с тобой что будем делать?» Он сказал: «Я думал, в кино пойдем, а что, ты передумала?» Она разрыдалась. Он обнаружил, что согласие порой мирно сосуществует с непониманием;

— когда он сказал Линн насчет презерватива, она заявила: «Терпеть их не могу» — и дала ему просто так, на вечеринке, уже под утро; оба были пьяны. Он обнаружил, что спьяну может долго не кончать. Позднее, уже на другой вечеринке, удостоверился, что этот ценный эффект не усиливается пропорционально количеству выпитого. Родители считали, что Линн дурно на него влияет, — так оно и было, иначе бы он ее не любил. Ради нее он был готов на все, а потому быстро ей надоел;

— после разрыва с Кристиной пошли полувстречи, попадания в «молоко», увлечения, рас-

творявшиеся в самоуничижении, связи, которые ему хотелось прекратить еще до их начала. Женщины, в чьих взглядах он читал: «На безрыбье сгодишься». И другие — с первого же поцелуя они крепко брали его под руку, и их цепкие, подрагивающие в локтевой впадинке пальцы давали понять: его доведут до алтаря, а оттуда — до самой могилы. На других мужчин он начал поглядывать завистливыми, непонимающими глазами. «Красавиц только храбрецы достойны», — написал какой-то глупый старинный поэт. В жизни все наоборот. Разве достоинства вознаграждаются? Пока храбрецы воюют на фронте, тыловые подонки, бабники и всякая напористая мразь расхватывают красавиц. Вернувшись домой, храбрецы выбирают из второсортных. А люди типа Пола вынуждены довольствоваться бросовым товаром. Их долг, понимаете ли, принять жизнь такой, как она есть, зажить своим домком и плодить пехоту для храбрецов или невинных дочек на потребу подонкам и бабникам;

— он вернулся к Кристине на несколько часов, что, очевидно, было ошибкой;

— но Пол воспротивился неписаному приговору судьбы как в общем смысле, так и в частном, воплощенном в Кристине. Он не верил, что в об-

ласти секса и чувств существует справедливость: ведь нет никакой табели о рангах, объективно оценивающей тебя как человека, спутника, любовника, мужа и т. п. Люди — в особенности женщины, — скользнув по тебе глазами, уходят своей дорогой. И разве можно тут возмущаться, совать всем буклет «Почему я — выгодное приобретение?». Но из отсутствия объективных рангов логически вытекает реальность удачи, а в удачу Пол верил истово. Только что ты был простым сотрудником «Питко» — и вдруг стоишь рядом с сэром Джеком у писсуара, а он чисто по случайности насвистывает нужную мелодию;

— когда он впервые увидел Марту: скульптурное «каре» на голове, синий костюм, спокойное, но обескураживающее молчание, когда он поймал себя на мысли: «Голос у тебя темно-каштановый под цвет темно-каштановых волос, и тебе никак не сорок, не может этого быть», когда он смотрел, как она, изящно поворачиваясь, поводит плащом перед носом бьющего копытами, ревущего сэра Джека, он подумал: «Кажется, очень милый человечек». Он понимает, что реакция несколько неадекватная — пожалуй, ей рассказывать никак нельзя. А если и рассказать, то опустив нижеследующее примечание. Покинув

родительский дом, он на какое-то время вновь увлекся журналами, но частенько ловил себя на одной странности: когда он глядел на женщину, которая раскинулась перед ним на развороте, вся — персонифицированная доступность, ему на ум вдруг приходил вывод: «Кажется, очень милый человечек». Наверно, для журнального секса он все-таки не создан. Блин, этим женщинам, рожденным только для того, чтобы возбуждать мужчин, он вечно отвечал: «А знаешь, мне бы хотелось вначале узнать о тебе побольше»;

— как он давно еще заметил, когда ты с женщиной, у тебя меняется ощущение времени: настоящее трепещет, как готовая в любой момент вспорхнуть птица, прошлое еле волочит ноги, будущее гибко и метаморфозно. Теперь же он еще тверже знал, как меняется ощущение времени, когда женщины у тебя нет;

— и потому, когда Марта спросила, что он о ней подумал при первой встрече, ему захотелось сказать: я почувствовал, что ты изменишь мое чувство времени безвозвратно, что будущее и прошлое втиснутся в настоящее, что грядет то, чего еще не бывало на памяти сотворенной Богом вселенной, — возникнет новая, нераздельная святая троица времени. Но то была не совсем

правда, и потому он рассказал о четком ощущении, обуявшем его тогда, в шикарном офисе сэра Джека, и потом, когда, сидя напротив нее в ресторане, он понял, что она потихоньку управляет ходом разговора. «Я подумал, что ты очень милый человек», — сказал он, слишком ясно сознавая, что его фраза не может соперничать с гиперболами, этим оружием подонков, бабников и всякой там напористой мрази. Но оказалось, он выразился уместно, или уместно подумал, или то и другое сразу;

— с Мартой он чувствовал себя более интеллектуальным, более взрослым, более остроумным. Кристина непременно смеялась его шуткам, что в итоге заставило его усомниться в ее чувстве юмора. Позднее он познал унижение саркастически выгнутых бровей, подразумевающих: «Молодой человек, этот анекдот надо уметь рассказывать». Какое-то время он острил только мысленно. С Мартой он вновь начал шутить, и она смеялась, когда находила что-то смешным, и не смеялась, когда не находила. Пол считал это редкостным чудом. И символом: прежде он жил мысленно, а жить вслух — страшился. Благодаря сэру Джеку у него появилась нормальная работа; благодаря Марте — нормальная жизнь, жизнь вслух;

— ему самому не верилось, как проще все стало, когда он влюбился в Марту. Нет, надо подобрать другое слово, если только в «проще» не заложены такие смыслы, как «интенсивнее», «вкуснее», «сложнее», «сфокусированно», «звучно». Одна половина его разума просто-таки скакала, обалдело дивясь своей удаче; другая полнилась ощущением долгожданной, сияющей подлинности. Ага, слово найдено: любовь к Марте сделала весь мир подлинным. Настоящим.

Часть вторая

Нет, не по топографическому наитию выбирал сэр Джек свой Остров. За каждым капризом Питмена стоял тонкий финансовый расчет. В данном случае ключевыми факторами были величина, местоположение и доступность Острова. Плюс — отсутствие оснований для его включения в «Список всемирного наследия» ЮНЕСКО. Плюс — рабочая сила, эластичные нормативы застройки, уступчивая местная власть. Сэр Джек полагал, что запрячь уайтцев в свою упряжку — дело нехитрое: опыт строительного подрядчика научил его эксплуатировать исторически обусловленные обиды на соседей — и, более того, создавать их искусственно. Депутата палаты общин от Острова он приобрел с потрохами. Ряд удачно разрекламированных инвестиций на благо электората плюс безупречно оформленные письменные показания троих лондонских мальчиков по вызову, лежащие в сейфе одного поверенного на Линкольн-Инн-Филдз, гарантировали, что сэр Перси Наттинг, депутат и королевский адвокат, будет продвигать Проект с неослабевающим энтузиазмом. Пряник и кнут — беспроигрышный метод;

а еще лучше сперва кнут, потом пряник.

Вначале он планировал просто-напросто купить Остров. В обмен на акции Проекта у пенсионных фондов и специальных уполномоченных англиканской церкви были приобретены несколько тысяч акров сельскохозяйственных угодий; оставалось лишь договориться, чтобы Вестминстер продал ему суверенитет. Ничего невероятного в этом замысле не было. Уцелевшие осколки Британской империи как раз сейчас распродавались подобным, на взгляд сэра Джека, абсолютно правомерным образом. Когда-то колонии отделялись второпях — в них внезапно просыпалась принципиальность, подзуживаемая пальбой партизан. Но последние оплоты империализма меняли свой статус, руководствуясь благоразумными экономическими резонами: Гибралтар был продан Испании, а Фолкленды — Аргентине. Конечно, и продавцы, и покупатели описывали эту передачу территорий из рук в руки совсем в иных терминах; но у сэра Джека были свои источники.

Вышеупомянутые источники печально доложили, что Вестминстер воспринял идею продажи Острова Уайт частному лицу крайне холодно, сославшись на такой благовидный предлог, как

необходимость сохранения целостности государства. Несмотря на давление со стороны верных лоббистов сэра Джека, правительство наотрез отказалось назначить суверенитету цену. Такие вещи не продаются, заявили государственные мужи. Сэр Джек сперва немного обиделся, но вскоре вновь воспрянул духом. В конце концов, честные сделки на то и честные, что радости от них никакой. Ты хочешь что-то купить, владелец называет цену, ты ее сбиваешь, и вещь твоя. Скука смертная!

Да, а ведь если подумать, не устарело ли понятие собственности как таковой? А точнее, представление о том, что она должна приобретаться по формальной договоренности (всякое там «сертификат, подтверждающий право собственности на данное имущество, выдается по выплате финансового возмещения в сумме...»). Сэр Джек предпочел бы радикально реформировать эту концепцию. Разве не правда, что владелец имущества — мелкая сошка по сравнению с тем, кто владеет властью? А на данный момент Питмен, между прочим, собрал все нужные ему земельные опционы и разрешения на застройку. Банки, пенсионные фонды и страховые компании — все у него в кармане;

соотношение собственных и заемных средств в кошельке сэра Джека ни у кого не вызывало нареканий. Разумеется, ни пенса своих денег сэр Джек в Проект не вложил, если не считать небольшой финансовой «затравки»; он знал, что деньги к чужим деньгам идут. И все же за всем этим юридически непогрешимым пиратством крылась совершенно первобытная, звериная тяга к свободе, атавистическое стремление вырваться за флажки современного жизненного уклада. Назвать сэра Джека варваром — что, кстати, делали многие — было бы несправедливо; но в нем зрела тоска по предклассическим, добюрократическим методам приобретения собственности. К примеру, по разбою, завоеваниям и абордажу.

— Крестьяне, — заявила Марта Кокрейн. — Вам понадобятся крестьяне.

— В наше время, Марта, они именуются «недорогой рабочей силой». Без проблем.

— Нет, я говорю о крестьянах. Ну знаете, такие, все соломинки жуют да песни поют? Парни в смазных сапогах. Сиволапые дурни. Ребята с косами на плечах. Уж мы просо сеяли, сеяли — а может, веяли. Молотьба, овины...

— Сельское хозяйство, — ответил сэр Джек, — отлично охвачено и как фон, и как позиция в

списке сюжетов для повторного визита. О ваших деревенских подружках никто не позабыл. — В его интонации нетерпение переплеталось с неискренностью.

— Я не о сельском хозяйстве. Я о людях. ЛЮ-ДЯХ. Мы с утра до ночи толкуем о позиционировании продукта, типологии ожидаемых Гостей, структурировании экскурсий, о пропускной способности и теории отдыха, но мы, похоже, забыли, что одна из старейших уловок в нашей профессии — рекламировать самих людей. Открытых, радушных, простых людей. Когда улыбаются глазки ирландки, Гость — посланник Бога и все такое.

— Отлично, — произнес с легкой подозрительностью сэр Джек. — Это можно обсудить. Очень позитивное предложение. Но по вашей манере чувствуется, что вы ждете проблем.

— Двух проблем. Во-первых, у вас нет сырья. То есть ни один представитель вашего контингента недорогой рабочей силы не видывал зерна иначе как в форме магазинных булок.

— Тогда они увлекутся молотьбой или этой... как там вы ее назвали... с энтузиазмом нового поколения, начинающего с нуля.

— А многовековая традиция сердечности и радушия?

— И этому научим, — возразил сэр Джек. — Отрепетированное радушие даст сто очков вперед настоящему. Или, Марта, для вас такой подход слишком циничен?

— Переживу. Но есть и вторая проблема. Суть в том, что неясно, как рекламировать англичан. Приезжайте познакомиться с представителями народа, который, что подтвердил даже наш собственный опрос, славится на весь мир своей холодностью, снобизмом, эмоциональной отсталостью и ксенофобией. А также, разумеется, коварством и лицемерием. Конечно, я знаю, что вы, мужчины, любите трудные задачи...

— Замечательно, Марта, — вмешался сэр Джек. — Превосходно. А я-то на миг испугался, что вы перешли на конструктивное мышление. Итак, «вы, мужчины»! Отрабатывайте свое зерно, будь оно провеяно от руки или обработано на хлебозаводе. Джефф?

Глядя на Разработчика Концепций, который призадумался, обдумывая вопрос, Марта поняла, что Джефф в Координационном комитете — белая ворона. Он производил впечатление человека, который не имел никаких своекорыстных целей, был искренне предан делу Проекта, подходил к проблемам так, словно они требовали решения;

также он производил впечатление женатого мужчины, который даже не пытался за ней поухаживать. Странно, очень странно.

— Ну что ж, — сказал Джефф, — вот первое, что пришло мне в голову: тут лучше всего будет расхваливать не продукт, а самого клиента. К примеру: посидите за пинтой «Веселого Джека» в «Старом быке и кусте», познакомьтесь с колоритными завсегдатаями, и вы увидите, как знаменитая английская сдержанность улетучивается просто-таки на глазах. Или: они не впускают в свое сердце кого попало, но, раз удостоив человека своей дружбой, остаются верны до гроба и пойдут за ним, как собаки.

— Это, последнее, уже отдает угрозой, верно? — вступил Марк. — В отпуск ездят не друзей заводить.

— Мне кажется, что здесь вы все же не правы. По всем нашим социологическим исследованиям выходит, что очень многие другие люди — в смысле, не англичане — считают обретение новых друзей одной из главных целей отпуска и даже, дерзну сказать, его самой приятной стороной.

— Вот чудаки-то. — Марк издал недоверчивый смешок, а его взгляд так и запорхал по колоссальному телу сэра Джека, пытаясь угадать мнение

начальника. — И за этим они поедут на Остров? Все эти вечнозеленые доллары и длинные иены закорешатся с нашей недорогой рабочей силой, будут обмениваться адресами и поляроидными снимками. «Уорцель из Дыршира демонстрирует старый английский обычай — как выпить пинту “Старого мозголомского”, засунув в каждую ноздрю по хворостине». Нет, простите, даже в страшном сне не воображу. — Марк обвел членов комитета туманным взглядом и тихо фыркнул себе под нос.

— Марк любезно продемонстрировал те самые исконные английские качества, которые я перечислила, — заметила Марта.

— А почему нет? — произнес Марк, не прекращая презрительного фырканья. — Я все-таки англичанин.

— К делу, — заявил сэр Джек. — Столкнемся мы с этой проблемой или не столкнемся — давайте все равно ее решим.

Они взялись за работу. Вопрос, по сути, сводился к приоритетам и механике человеческого восприятия. Было уже решено представить сельское хозяйство в виде жизнеподобных диорам, отлично видимых с любых транспортных средств, будь то лондонские такси, двухэтажные

автобусы или двуколки, запряженные пони. Пастухи, сидящие под раскидистыми, согнутыми вечным ветром с Атлантики деревьями, будут махать своими посохами и свистеть фальцетом добрым старым английским овчаркам, охраняющим их стада; деревенские парни в смазных сапогах с деревянными вилами будут швырять сено на стога, изваянные ландшафтными архитекторами; перед коттеджем в морлендском стиле егерь арестует браконьера и посадит его в колодки у колодца, где, по древнему поверью, живет исполняющая желания водяная фея. Требовался лишь концептуальный скачок от чисто декоративного статуса к миссии потенциальных коммуникативных субъектов. Пастуха позднее посчастливится встретить в «Старом быке и кусте», где он на пару с егерем-волынщиком даст концерт из подлинных народных мелодий, одни из которых были записаны Сесилом Шарпом и Перси Грейнджером, а другие сочинены полвека назад Донованом. Стогометатели отвлекутся от своего турнира по кеглям, чтобы порекомендовать Гостям то или иное блюдо, браконьер откроет профессиональные секреты, меж тем как Старая Мэг, греющая скрюченное тело у камина, вынет изо рта свою глиняную трубку и поделит-

ся мудростью, передающейся из поколения в поколение. И всего-то надо переместить фон на передний план, решил Комитет. Дело техники.

— С другой стороны... — начал Марк.

— Да, Марко. Обрушится ли на нас очередная вспышка антипатриотизма?

— Нет. А может быть, и да. Сегодня я, похоже, принял эстафету у Марты. Возможно, я нервничаю по пустякам, но... вам не кажется, что следует опасаться Синдрома Калифорнийского Официанта?

— Просветите мой ограниченный ум, — заявил сэр Джек.

— Вообразите типа, который вместо того, чтобы записать в блокнот заказанные блюда, заткнуться и уйти к чертям собачьим, — произнес Марк с ч увством, — усаживается рядом с вами и рассказывает, с какой почтительностью к правам растений они давили клубнику для мороженого, а также простодушно выбалтывает, на какие блюда у него аллергия.

Сэр Джек сделал изумленное лицо:

— Марко, и это для вас заурядное происшествие? Вы не выбираете какие-то неприличные рестораны? Признаюсь, мой опыт так узок, что я еще не встречал официанта, который осведомил-

ся бы, на что аллергия у МЕНЯ.

— Но вы улавливаете общую мысль? Заходишь в паб, чтобы тихо выпить свою пинту, и натыкаешься на вонючего старого игрока в кегли, который обливает тебя пивом и отпускает комплименты твоей жене.

— Что ж, очень английская ситуация, — заметила Марта.

Джефф кашлянул:

— Послушайте, вероятность такого происшествия равна нулю. Наши гигиенические требования и параграф о сексуальных домогательствах исключают подобный сценарий. В любом случае Гости отправились в паб по собственной воле, верно? Разрабатывается целый ряд альтернативных вариантов заведений, где можно пообедать. Все, что хотите, — от уик-энда в загородном поместье с банкетом до кофе в номер.

— Да, но... Только не считайте меня снобом, — упорствовал Марк. — М-да, хорошо, пусть я и сноб. Вы просите какого-нибудь мужика, который раньше работал, скажем, на чулочной фабрике, весь день стоять и молотить зерно. Потом он идет в паб и вместо того, чтобы потрепаться с ребятами о бабах и футболе, должен опять гнуть на вас спину: изображать деревенского дурня

перед Гостями, которые, смею ли сказать хотя бы шепотом, вполне могут оказаться чуть-чуть интеллектуальнее и душистее нашего верного служащего?

— Тогда пусть обедают с доктором Джонсоном в «Чеширском сыре», — заявил Джефф.

— Нет, тут другое. Скорее... Иногда в театре после спектакля актеры спускаются в зал и пожимают руки зрителям, и это словно значит: «Мы существовали лишь в вашем воображении, но убедитесь: мы такие же, как и вы, мы существа из плоти и крови». Немного не по себе становится, вот и все.

— Это потому, что вы англичанин, — пояснила Марта. — Чужое прикосновение вы воспринимаете как агрессию.

— Нет, я о том, что иллюзию следует отграничивать от реальности.

— Тоже очень по-английски.

— Блин! Я и есть англичанин, — прошипел Марк.

— А наши Гости — нет.

— Дети, — укоряюще проговорил сэр Джек. — Джентльмены. Леди. Скромное предложение из директорского кресла. Не открыть ли на Острове так называемый эспрессо-бар, если я не оши-

баюсь в термине, под названием «Препоганый капучино»? Владелец — синьор Марко.

Дежурный общий взрыв хохота послужил сигналом к закрытию заседания.

* * *

— Скажите Вуди, что уже пора, — распорядился сэр Джек.

В этот день он был в подтяжках Французской академии, что оказалось пророческой деталью: на заседании его уста были щедры на неподражаемо-питменовские *bon mots* и *apercus*[20]. Комитету посчастливилось быть свидетелями экстраординарно-широкого *tour d'horizon*[21].

Текущая Сюзи была новенькой Сюзи, и порой сэр Джек безуспешно силился припомнить, почему, собственно, ее нанял. Фамилия, разумеется, и отец, и отцовские деньги, и так далее, и временами шаловливая улыбка, и этакая податливая сексуальность, которую он провидел под ее накрахмаленными платьицами... Но все это были обычные условия приема на данную должность.

---

[20] Примечания: 20
Меткие словечки и мимолетные впечатления *(фр.).*

[21] Примечания: 21
Обзора *(фр.).*

Однако от Сюзи также требовалась капелька чутья, толика экстрасенсорных способностей, этакое «je ne sais quoi»[22], в общем. А ведь любой дурак вам скажет, будто референт — это учтивый и аккуратный передатчик информации...

— Ой, — произнесла Сюзи в трубку, а затем, с неуместной улыбкой, промолвила: — Боюсь, что Вуди был вынужден уйти домой, сэр Джек. Полагаю, у него разыгрался радикулит.

При случае надо будет ее поправить насчет «Вуди». «Вуди» шофера зовет сэр Джек. Вроде бы не совсем дура, ну что ей стоит сказать «Вуд»?

— Вызовите кого-нибудь другого.

Последовало бормотание с вопиюще неподходящей интонацией: бодрая констатация фактов вместо глубокой скорби из-за того, что планы начальника срываются.

— Они все выехали, сэр Джек. Обслуживают конференцию. Может быть, вызвать вам такси?

— Такси, девочка? ТА-КСИ? — Этот ляп был столь ужасен, что сэр Джек почти развеселился. — Вы воображаете себе, что начнется на бирже, если меня сфотографируют садящимся в такси? Пятьдесят пунктов? ДВЕСТИ? Женщина, в вашей

---

[22] Примечания: 22
Нечто необъяснимое *(фр.)*.

пустой головке шариков не хватает. ТАКСИ! Достаньте мне лимузин, *limousine,* — повторил он с французским прононсом, демонстрируя, что шокированное неодобрение можно сочетать с юмором. — Нет, — призадумался он. — Нет, Пол меня отвезет. Согласны, Пол?

— Вообще-то, сэр Джек, — сказал Пол, не глядя на Марту, но думая об участке ее кожи позади и выше левой коленки, о разнице между пальцем и языком, между плотью, одетой в шелка, и плотью как таковой, между ногой и ногой, — вообще-то у меня встреча.

— Верно-верно, встреча. У вас встреча со мной. Мы встречаемся, и вы меня везете к моей тетушке Мэй. Так что найдите себе, блин, фуражку, дегаражируйте свой хренов служебный «ягуар» и отвезите меня в Чорливуд.

Член Пола, уже поднявший было голову в предвкушении свидания, юркнул назад в норку. На Марту Пол взглянуть не посмел. Ему было плевать, что начальник унизил его прилюдно — фортелями сэра Джека тут никого не удивишь, — но Марта... Марта. Три минуты спустя он обнаружил, что, согнувшись, открывает заднюю дверь своей собственной машины. Сэр Джек недобро замешкался, выжидая, — пока Пол не

отдал ему честь неуклюжим, заимствованным из какого-то полузабытого военного фильма жестом.

— Вы очень любезны, — раздался из-за его левого уха голос, когда привратник поднял шлагбаум в более отработанном салюте. — Несколько мелких замечаний — уверен, вы не сочтете мои советы оскорбительными. Ваша машина — а по совести говоря, МОЯ машина — выглядит так, точно только что гналась вслед за лисой задним ходом по вспаханному полю. Неотмывабельное в погоне за несъедобным, если разрешите скаламбурить. Прежде чем меня везти, всегда меняйте галстук на какой-нибудь попроще — желательно простой черный. И последовательность событий должна быть вот какая: фуражка снимается и зажимается под мышкой левой руки, вы распахиваете дверь, вытягиваетесь по струнке, отдаете честь. *Capito*?[23]

— Да, сэр. — Вот только Пол скорее изобразит эпилептический припадок, чем пройдет через все это еще раз.

— Хорошо. А Марта, бьюсь об заклад, вас дождется и еще слаще поцелует.

---

[23] Примечания: 23
Понятно? (*ит.*)

Пол машинально покосился на зеркало — и увидел, что сэр Джек, предвосхитив этот порыв, смотрит на него с презрительным торжеством.

— Не отвлекайтесь от дороги, Пол, ваше поведение абсолютно недостойно шофера. Ну конечно же, я «знаю». Я знаю все, что мне нужно знать. К примеру — да будет это вам утешением, — я знаю, что на свете очень мало вещей, которые от ожидания портятся. Рисовая каша, конечно, и суфле, и старое доброе бургундское. Но женщины, Пол? Женщины? Мой опыт гласит: отнюдь. А говоря начистоту — прошу не считать мой намек неуместно-непристойным, — совсем наоборот.

Хихикнув, как водевильный распутник, сэр Джек раскрыл свой портфель. Пока они продвигались медленными рывками среди влажно моргающих фар, Мыслелов перебирал в уме известные ему наизусть рациональные объяснения произошедшего. Самомнение сэра Джека пожирает столько кислорода, что он искренне считает: красть этот живительный газ из легких окружающих — вполне резонно и справедливо. Сэр Джек — нормальный дотошный начальник, платит он хорошо и ждет взамен безупречной службы, а за всякий сбой кто-то должен отдуваться. Просто пришла твоя очередь на этой неделе, в этот день,

в эту наносекунду, хватит обращать внимание на ерунду! Вывод: унижение было совершенно неоправданным, но сама несправедливость, сама экстремальная форма, в которую было облечено недовольство, указывает, что сэр Джек вовсе не имеет на тебя зуб. Альтернативная версия: он имеет на тебя зуб, и это факт — потому-то и выбрал тебя в шоферы, выделил из общей массы и дал тебе это понять. Будь ему плевать, он бы не напрягался. Со стороны сэра Джека — почти что признание в любви.

Все это Пол твердил себе, пока пробка перед светофором постепенно рассасывалась. Поскольку иначе он был бы обязан слегка крутануть руль — вот та-ак, к примеру, — и, направив «ягуар» на встречный грузовик, прикончить начальника и себя. Вот только любой служащий «Питко» скажет, чем дело кончится: Пол превратится в отбивную под татарским соусом, а сэр Джек бодрым шагом выйдет из раздавленной машины и упоенно расскажет о щедрой душе Провидения первым же телевизионщикам, добравшимся до места катастрофы.

После часового молчания, за время которого у Пола — и он это заметил сам — до предела съежилось чувство собственного достоинства, они

выехали в пригород, полный мокрых берез и мерцающих огоньков домовой сигнализации.

— Здесь. Два часа. Кстати, мои шоферы никогда не пьют.

— Дождь, сэр Джек. Может быть, подвезти вас к дверям?

— Зонтик. Сверток.

Пол вытерпел неловкую процедуру с фуражкой, дверью и отдаванием чести, затем проводил глазами сэра Джека, зажавшего под мышкой бумажный пакет с бутылкой шерри. Пол залез назад в машину, швырнул фуражку на пассажирское сиденье и потянулся к телефону. Прости, Марта, прости, что я не смел на тебя взглянуть. Надеюсь, ты меня не презираешь, не ненавидишь. Я тебя люблю, Марта. А насчет сэра Джека ты права, ты всегда права, вот только мне не хотелось глядеть в лицо фактам. Завтра я, возможно, заговорю по-другому, но сегодня ты права. Все в порядке? Или я тебя потерял? Я ведь не потерял тебя, правда?

Набрав номер до половины, Пол застыл: кровь вновь прихлынула к его щекам, а с ней вернулся разум. Ну естественно: начальник наверняка получает перечни всех телефонов, по которым звонят из всех служебных машин. Таких деталей сэр Джек никогда не упускает. Потому и насчет

Марты догадался, это как пить дать. А если Пол позвонит ей сейчас, сэр Джек узнает и придержит этот факт в своей слоновьей, злопамятной памяти до какого-нибудь момента — момента неподходящего, прилюдного.

Значит, телефонная будка. По нашим временам редкость. Пол стал колесить по пустынным улицам, сворачивая наугад. Собаки и их хозяева, респектабельный алкоголик, ковыляющий домой с грузом, никаких будок... и вдруг в двадцати ярдах впереди, на кривой улочке с особняками, еле-еле освещенной копиями викторианских газовых фонарей, его фары высветили полосатый зонтик, какими пользуются при игре в гольф. Вот гадость. Что теперь — проехать мимо или резко затормозить? Что ни сделай, все выйдет нехорошо — или сэр Джек найдет резон, почему это нехорошо. И вообще, перед тем как выйти, он наверняка запомнил пробег машины, чтобы потом содрать с Пола за лишний бензин.

Проехать мимо покажется большей наглостью: лучше остановиться. Пол затормозил как можно более тихо, но ходячий зонтик, не сбавляя шага, двинулся дальше и вскоре нырнул в какую-то калитку. Спустя несколько минут Пол отпустил ручной тормоз и с черепашьей скоростью про-

ехал по улочке. Тетушка Мэй обитала в доме в стиле «Возрождение уюта»: черепичная кровля, рассаженные ровными рядами кусты, пихта, к которой привинчена деревянная табличка с названием особняка: «Ардох». Пол вообразил себе хрупкую старую деву с кружевным платочком на шее, приглашающую угоститься изюмным кексом и рюмочкой мадеры. Затем она преобразилась в крупную надушенную даму, венскую еврейку, накладывающую ложками сливки поверх сахерторте. А та — возможно, сэр Джек выбирает подтяжки далеко не наобум — сделалась ироничной, тонкой в кости парижанкой: рукав ее твидового жакета элегантно ползет вверх по руке, когда она наливает изысканный травяной чай через серебряное ситечко. Да, порой сэра Джека заносит, но его святая преданность тетушке Мэй, все эти неизменные ежемесячные визиты показывают его с лучшей стороны...

Пол злобно разглядывал дом, пытаясь не думать о Марте. Интересно, числится ли «Ардох» на балансе «Питко». Платить родной тетке оклад с бонусом в виде служебного особняка — с сэра Джека станется. Время шло. Дождь лил. Пол покосился на шоферскую фуражку, лежащую на соседнем сиденье. Может, сэр Джек ревнует

Марту? Завидует им с Мартой? Вот где собака-то зарыта... Тут Пол в порыве безрассудного бунтарства совершил нечто. Он достал из кармана диктофон, полуприкидываясь перед самим собой, будто это телефон, по которому можно позвонить Марте, и включил беспроводной микрофон под воротником сэра Джека.

Микрофон работал на расстоянии пятидесяти футов, что было нелишне в дни, когда сэр Джек изволил задумчиво прогуливаться по залам, огромным, как его мысли. Дверь «Ардоха» находилась в тридцати футах от Пола, да и стены, очевидно, ослабляли сигнал. Но те два слова, которые Пол записал на пленку и в тот же вечер прокрутил Марте, два слова, после которых им на какое-то время стало не до секса, прозвучали так отчетливо, словно сэр Джек сидел за своим столом, а Пол — рядом.

«Ягуар» вернулся в назначенное место встречи; дождь все еще лил, когда в глубине улицы показался полосатый зонт. Пол отдал честь на пять с плюсом. Лицо сэра Джека в зеркале заднего вида выражало добродушное спокойствие. К его дому они прибыли в четверть одиннадцатого, и Пол благодарно кивнул, когда слегка дрожащие пальцы засунули ему в нагрудный карман купюру

достоинством в сто евро. Но эта благодарность относилась к совсем иному подарку.

* * *

«Пи-и-ка... “Пи”!» — прошептал Пол, очнувшись от краткой посткоитальной дремы. Содрогаясь от смеха, Марта выпихнула из себя его член, а потом и вовсе выползла из-под Пола, чтобы не мешал дышать.

— А если он просто рассказывал анекдот? — Марта сознательно осторожничала.

— Своей тетушке? С таким концом? Нет, тут моя правда.

Марта хотела, чтобы правда оказалась на стороне Пола; а еще важнее ей было сохранить Пола таким, каким он вернулся три вечера назад — тихо разгневанным, тихо торжествующим, рвущим в клочья сотенную бумажку. Она не желала, чтобы он вновь погряз в почтительном благоразумии, сделавшись покорным бараном «Питко» с фирменным клеймом на заднице. Пусть наконец-то покомандует.

— Послушай, — продолжал он, — в реестре недвижимости дом не значится, а, клянусь, будь она его настоящей тетушкой Мэй — значился бы. И оклад ей бы платили как штатной служащей.

И я тебе уже говорил, он точен, как часы. Первый четверг каждого месяца. Иногда Вуд везет его туда прямиком из Хитроу. И в обществе он с ней не бывает.

— Может, она безногая. Или типа того.

— Тетушек так не навещают. Даже безногих.

Марта согласно кивнула:

— Разве что эти тетушки — совсем не тетушки.

— «Пи-и-ка... “Пи”!»

— Хватит. Ты меня уморишь. — Хохотать, лежа на спине, казалось ей почти извращением. Привстав, она взглянула на перевернутое лицо Пола. Зажала двумя пальцами мочку его уха. — И как ты думаешь, что нам делать?

— Выяснить, что к чему. Точнее, кого-нибудь нанять, чтобы выяснил.

— Зачем?

— Как это «зачем»? — взвился Пол так, словно Марта усомнилась в его руководящих способностях.

— А затем, что мы должны знать свою цель.

— Для страховки.

— Для страховки?

— Даже горячие поклонники сэра Джека, — он заглянул в лицо Марте, точно дистанцируясь от вышеупомянутых поклонников, — признают,

что в своей кадровой политике он не всегда руководствуется реальными заслугами работников.

Марта кивнула:

— Ты на мне фокусируешься, когда без очков?

— На тебе — всегда, — ответил он.

В качестве оперативного агента был избран Гэри Джеймс. Гэри Джеймс, еще совсем недавно — ведущий автор всей сети газет сэра Джека. Гэри Джеймс, удаливший с политической арены трех министров — в том числе одну даму; это он разгласил имя внебрачного ребенка капитана сборной Англии по крикету, выразил свое сочувствие двум молоденьким дикторшам «Метеоновостей» по поводу их прискорбной слабости к кокаину и, наконец, незаконно — но без особых противоправных эксцессов — проникнув в некий частный дом, вручил своему работодателю фотографии, уличающие принца Рика в сеансах любви втроем с высокооплачиваемыми профессиональными дев. б/к.

Что это было — чрезмерная самонадеянность или банальная наивность? В любом случае Джеймс исходил из ложной предпосылки, а именно — предположения, что нравственные ценности, имплицитно присутствующие в его статьях и энергично пропагандируемые чита-

телями и владельцем газет, в каком-то смысле реальны; а если и не реальны, то хотя бы непреложны. Но Гэри Джеймс, ожидая — позвольте смиренный каламбур — королевских почестей за королевский цикл статей, обнаружил, что победы бывают слишком полными. Гипотетическая реальность его профессии треснула по швам. Нельзя было сомневаться в общем восторге, когда он открыл читателям, что молодой человек, «без шести биений сердца король», живущий на государственные деньги и — кстати, за особые гонорары — совершающий заграничные вояжи в качестве полномочного представителя нации, нежился с Синди и Петронеллой в одном из «дворцов класса люкс», возведенных на средства налогоплательщиков. Но день ото дня, с каждым новым разоблачением, сладострастное негодование почему-то уступило место сконфуженному молчанию, а там и вовсе сменилось патриотическим самоедством. На местном уровне это означало, что сэр Джек Питмен нервно щелкал своими подтяжками цвета палаты лордов, опасаясь, что так и не удостоится положенной к ним горностаевой мантии.

Статьи Гэри Джеймса были выстроены крепче «Питмен-хауса»; фотографические улики были

бесспорны, а обе девушки сроду не преступали закона — даже машины парковали исключительно в положенных местах. Тем не менее Гэри Джеймсу заткнули рот отступным. В той же газете, что раньше публиковала его эксклюзивы, он был разоблачен как «зарвавшийся охотник до чужого грязного белья». В качестве примера приводилась — удар ниже пояса — его командировка в Вест-Индию, из которой не вышло, строго говоря, ничего подходящего для публикации. С собой он брал бухгалтершу Кэролайн, так вот, эти мерзавцы напечатали ее фотографию в приспущенном бикини, где она выглядела на редкость утомленной, — фотографию, которую у Кэролайн можно было только украсть или купить за очень солидную сумму. По всем этим причинам ценность Гэри Джеймса в глазах работодателей несколько поблекла.

Марта с Полом назначили ему встречу в холле туристического комплекса.

— Условия вот какие, — объявила Марта. — Статья принадлежит нам. Мы сами решаем, давать ее в газеты или нет. Возможно, полезнее будет воздержаться от публикации. Вам мы платим гонорар, за хорошие результаты — бонус, и еще один бонус либо за публикацию, либо за сохра-

нение тайны, в зависимости от нашего решения. Итак, вы в любом случае ничего не теряете. По рукам?

— По рукам, — ответил репортер. — Вот только что делать, если туда проторят дорогу лишние люди?

— Не проболтаетесь вы сами — не проторят. Знаем только мы и вы — больше никто. Да будет так и впредь. По рукам?

— По рукам, — ответил Гэри Джеймс.

Теперь, задним умом, он понимал поведение «Питмен-хауса» в деле принца Рика. Как его уверили, имело место «беспрецедентное давление» со стороны дворца и министерства внутренних дел сразу. Отступное представляло собой кругленькую, более чем справедливую сумму; на его будущую пенсию случившееся никак не повлияло; подписка о неразглашении в подобных ситуациях — обычное дело. Гэри Джеймс не был лишен воображения; он знал, что отступное платят сплошь и рядом. Но кое-чего Гэри Джеймс простить так и смог — потому и заключил сделку с Мартой и Полом. Дело было в одной фразе, которую сэр Джек, забираясь в лимузин под сенью стоящего навытяжку Вуди, бросил, как кость, своре журналистов: «Как я всегда говорю: человеку

с двумя именами[24] лучше не доверяться». Фраза попала на первые полосы трех газет и ранила Гэри Джеймса неисцелимо.

* * *

Аттракцион «Завтрак настоящих Островитян» начался с поисков логотипа. Отдел дизайна поставлял варианты целыми ящиками, но в основном то были шаблонные, неофициально видоизмененные либо простодушно украденные символы. Львы в разном количестве, стоящие в позах, более или менее напоминающих стойку на задних лапах; короны королевские и короны пэров на все размеры и фасоны; стилизованные башни и зубчатые стены; искривленная решетка с ворот Вестминстерского дворца; маяки, пылающие факелы, силуэты знаменитых зданий; профили Британии[25], Боадицеи, Виктории и Святого Георгия; розы[26] всех видов, одиночные

---

[24] Примечания: 24

Сэр Джек имел в виду, что «Джеймс» может быть как фамилией, так и именем.

[25] Примечания: 25

Британия, как наша Родина-мать и французская Марианна, аллегорически изображается в виде женщины.

[26] Примечания: 26

Роза — традиционный символ Англии. Ср. «Война Алой и Белой розы».

и двойные, чайные и собачьи, щитконосные и тупоушковые, морщинистые, прелестные и щетинистоногие; дубовые листья, яблоки, абстрактно-схематические деревья; крикетные калитки и двухэтажные автобусы, меловые утесы Дувра, бифитеры, рыжие белки и малиновка на снегу; феникс, сокол и лебедь, орел и зеленый дятел, гиппогриф и морской конек.

— Не то, совсем не то, — столкнул сэр Джек штабель очередных заявок с Маршальского Стола на ковер. — Одно сплошное «Вчера». Дайте мне «Сейчас».

— Может, вашим вензелем обойдемся?

Полегче, Марта, полегче: не смешивай профессиональный цинизм с любительским презрением. Но когда им открылось то, что им открылось (если догадка верна), она стала относиться к сэру Джеку совсем по-другому — и Пол тоже.

— Что нам нужно, — заявил сэр Джек, игнорируя Марту и отбивая такт кулаком по столу, — так это МАГИ-Я. Нам нужно ЗДЕСЬ, нам нужно СЕЙЧАС, нам нужен ОСТРОВ — и МАГИЯ в придачу. Мы хотим, чтобы наши Гости чувствовали себя как в Зазеркалье. Пусть ощущают, что покинули свои прежние миры и вошли в совершенно новый, ни на что не похожий и все же странно

знакомый, где все происходит совсем не так, как в других уголках Земли, — а словно в необычайном волшебном сне.

Комитет выжидал, полагая, что замысловатые требования сэра Джека являются всего лишь прелюдией к решению, достойному овации. Но классическая драматическая пауза растянулась до неловкого молчания.

— Сэр Джек.

— Макс, мой почтенный друг. Спасибо, не ожидал, что вы возьмете слово первым.

Доктор Макс неуверенно улыбнулся. Сегодня он был одет в тона дубовой коры. Нервно потрогав, точно на счастье, галстук-бабочку, он сцепил свои тонкие, как церковные шпили, пальцы, что означало режим «расшевелить телезрителей историческим анекдотом».

— В один из дней первой половины девятнадцатого века, — начал он, — некая женщина шла на Вентнорский рынок с корзинкой яиц. Жила она в какой-то деревне на побережье и потому, что вполне естественно, выбрала тропинку, которая вилась над обрывом. Начался дождь, но у этой предусмотрительной особы был при себе зонтик. Поскольку конструирование зонтиков находилось в ту пору на самой заре своего развития, то

было огромное, неуклюжее устройство. Когда она уже приближалась к Вентнору, сильный порыв ветра, дувшего в сторону моря, застал ее врасплох... и сдул с обрыва. Она уж думала, что погибнет — тут я несколько экстраполирую, но любой нормальный человек, будучи при подобных обстоятельствах сброшен в пропасть, решил бы, что смерть близка, а у нас нет никаких сведений, будто психика нашей героини в каком-либо аспекте отклонялась от нормы, — но ее зонтик, словно парашют, замедлил падение. Одежда также раздулась на ветру, служа естественным тормозом. Во что она была одета, нам доподлинно неизвестно, но, по всей вероятности, то был кринолин, обтянутый муслином, так что, по сути, парашютов было два, один сверху, другой снизу. Правда, сейчас, когда я вам все это рассказываю, в мою душу закрадывается сомнение: очевидно, кринолин носили представительницы великосветских и буржуазных слоев, ибо сама его круговая форма — так сказать, круговая оборона — более чем явно выражает защищенность, «noli me tangere»[27] подобных дам. Могла ли торговка яйцами принадлежать к среднему классу,

[27] Примечания: 27
Не прикасайтесь ко мне (лат.).

спрашиваю я себя? Или же существование процветающей рыболовецкой промышленности на Острове означало, что китовый ус, это основное средство для придания жесткости нижней женской одежде, был социально более доступен, чем на континенте? Как вы понимаете, это не совсем моя область, и мне придется особо исследовать вопрос о нижней одежде яйцеторговых слоев в тот период времени, когда предположительно могло произойти это событие...

— Черт подери! Хватит тянуть кота за хвост, приятель, — вскричал сэр Джек. — Вы нас между небом и землей бросили.

— Да-да. — На сэра Джека доктор Макс обратил не больше внимания, чем на какого-нибудь осветителя в телестудии. — Итак, как вы понимаете, она летела, плавно снижаясь, зажав в одной руке корзинку с яйцами, а в другой — зонтик. Зонтик и кринолин раздувались под давлением восходящих потоков воздуха, возникающих над открытым морем. Легко можно вообразить, как она окидывает взглядом волны, шепотом молится Богу и видит, как мягкий песок радушно стелется ей под ноги. Она благополучно приземлилась на пляже и, по моим источникам, не получила никаких травм. Единственное: несколько яиц в

корзинке, по слухам, разбилось.

Лицо сэра Джека выражало глубочайшее наслаждение. Он пососал сигару — наслаждение пошло на убыль.

— Мне нравится. Ни слову не верю — но нравится. Это «Здесь» и это «Магия». И мы можем осуществить это «Сейчас».

Логотип рисовали и переделывали в разных стилях — от прерафаэлитского гиперреализма до скупого экспрессионистского росчерка левой ногой. Но некоторые ключевые элементы кочевали из варианта в вариант: три гармонирующие дуги (зонтик, чепец и раздутые юбки); осиная талия и пышная грудь — отличительные признаки женщин прошедших веков; и полушарие плетеной корзинки, а над ним полушарие поменьше — округлая горка яиц. За спиной сэра Джека мотив именовали «Стриптиз королевы Виктории»; с лицевой стороны сэра Джека торговке долго подбирали имя (Бет, Мод, Делила, Фейт, Флоренс, Мэдж), пока не остановились на «Бетси». Как кто-то припомнил или раскопал, в старые времена была поговорка «Господи ты Бетси», что как бы узаконивало данное имя, хотя точного значения поговорки никто не знал.

Итак, логотип, объединяющий в себе «Здесь»

и «Магию», был готов; за «Сейчас» отвечал отдел технически-рационализаторской поддержки. Первоначальное, вполне резонное решение состояло в том, чтобы парашютный прыжок Бетси повторял, когда ветер подует в нужном направлении, наряженный викторианской дамой каскадер. Была намечена посадочная зона к западу от Вентнора; при успехе испытаний планировалось выгородить этот участок пляжа и превратить в безопасную площадку; Гости будут наблюдать за полетом с трибун либо с яликов, стоящих на якоре в море. Был проведен ряд экспериментов, дабы определить оптимальные высоту прыжка, силу ветра, площадь зонтика и объем кринолина. Спустя двадцать прыжков с использованием чучел наступил день, когда сэр Джек, утюжа биноклем свои непокорные брови, широко расставив ноги на покатом склоне, стал очевидцем первого испытания на живом человеке. Преодолев три четверти пути вниз, плечистый «Бетси», похоже, утратил контроль над кринолином, яйца посыпались из корзинки, и испытатель приземлился рядом с нечаянным омлетом, сломав лодыжку в трех местах.

— Остолоп, — прокомментировал сэр Джек.

Спустя несколько дней второй парашютист

— самый худощавый, какого смогли найти, каскадер (авось сойдет за женщину) — уберег содержимое корзинки, но сломал копчик. Был сделан вывод: легендарный счастливый полет Бетси мог состояться лишь при условии экстраординарной метеорологической обстановки. То есть он был чудом. Или сказкой.

Возникла новая идея: «Господи ты Бетси» для скайдайверов, ценная тем, что предполагала активное участие Гостей. На испытаниях скайдайверы обоих полов и самого разного телосложения, надев на руку корзинку с яйцами, совершали прыжки со специально перестроенного обрыва — и неизменно приземлялись благополучно. Но зрелище перетянутого ремнями прыгуна, который, поболтавшись вверх-вниз на «тарзанке», затем медленно спускался на пляж, не навевало никаких ассоциаций с магией — более того, навевало совсем противоположные; да и «сегодняшность» его была явно чрезмерна.

После нескольких личных вмешательств сэра Джека техники-рационализаторы нашли решение. Все агрегаты и «сбруя» прыгуна останутся прежними, но «тарзанку» заменят закамуфлированным, невидимым со стороны канатом, который будет постепенно разматывать специ-

альный оператор. Для имитации восходящих потоков воздуха будут использоваться потайные вентиляторы. В результате — стопроцентная безопасность гостей и полная независимость от погоды. Отдел маркетинга нанес завершающий, сногсшибательный штрих — переименовал «Господи ты Бетси» в «Аттракцион “Завтрак Настоящих Островитян”». На обрыве расположится старинный птичий двор, кишащий пернатыми щеголями и щеголихами; свежие яйца будут ежедневно и бесперебойно доставляться авиатранспортом; именно с этого обрыва Гость/ Гостья будет опускаться на пляж, причем «Корзинку Бетси» для верности прикрепят к специальным нагрудным ремням. Внизу официантка в чепчике проводит Гостя/Гостью в таверну «Бетси» (слоган «Завтрак — круглосуточно!»), где яйца извлекут из Корзинки и сварят в мешочке либо превратят в яичницу-глазунью или в болтунью согласно воле Гостя/Гостьи прямо у него/нее на глазах. К счету будет прилагаться гравированный «Сертификат о полете» с факсимильной подписью сэра Джека и датой.

* * *

Покуда бульдозеры хлопотали, а краны покачивались на своих длинных ногах, покуда на месте унылого ландшафта, словно на детских «волшебных картинках» от прикосновения мокрой кисти, расцветали пестрые отели и пристани, аэропорты и поля для гольфа, пока жителей расположенных в неподходящих местах домов задабривали компенсациями, а суровых «зеленых» улыбчиво заверяли в полной безопасности меловых холмов, рыжих белок и всех этих чертовых бабочек, имя которым легион, — сэр Джек Питмен сконцентрировал все силы на муниципальном совете Острова. Вестминстер с Брюсселем подождут: сначала нужно взять в оборот и запрячь в упряжку местную власть.

Вести переговоры будет Марк. А то при виде сэра Джека они ощетинятся, как ежи. Возомнят, будто он не солидный благодетель, а акула капитала какая-нибудь. Лучше, гораздо лучше препоручить дело голубым глазам и светлым кудрям Марко Поло.

— Что мне понадобится? — спросил Менеджер Проекта перед отъездом.

— Врожденная смекалка, мешок пряников и

букет кнутов, — ответил сэр Джек.

Переговоры проходили на двух уровнях. Официальные встречи-консультации между «Питко» и муниципальным советом Острова проводились в «Доме гильдий» в Ньюпорте. В зал допускалась публика, соблюдались все законные демократические процедуры, что означало (как отметил сэр Джек в неофициальной обстановке), что тон задавали социально-культурные меньшинства и особые группы, царила показуха, юристы гребли деньги лопатами, а «Питко» стояла на четвереньках, жаря на солнце голый зад. Но одновременно работал параллельный коллоквиум, посещаемый ключевыми деятелями Острова и маленькой командой «Питко» во главе с Марком. Эти переговоры по самой своей природе были пробными и ни к чему не обязывающими; протоколы не велись, чтобы не создавать препон ярким, оригинальным идеям, дабы, как посоветовали выразиться одному приручённому члену совета, мечты растекались вольной рекой. Сэр Джек предписал Марку, чтобы мечты растекались каналом — по прямой к нужной точке. Когда он назвал эту точку, даже Марк опешил.

— Но как вы это сделаете? Сейчас, в третьем тысячелетии?! Есть Вестминстер, есть Брюссель,

есть... даже ума не приложу, Вашингтон, ООН?

— Как я это сделаю? — просиял сэр Джек. Вопрос, конечно, банален — но в какую изысканную форму он отлит! — Марк, я хочу посвятить вас в самую страшную тайну, какую я знаю. Вы готовы?

Марку даже не пришлось специально изображать энтузиазм. Сэр Джек, со своей стороны, хотел было потянуть время, но соблазн взял верх.

— Много, много лет назад, когда я был молод, как вы сейчас, я задал тот же самый вопрос великому человеку, у которого работал. Великий человек — сэр Мэтью Смитон, в наше время, увы, напрочь забытый — *sic transit*[28] — планировал невероятно дерзкий шаг. Я спросил его, как он собирается это сделать, и знаете, что он ответил? Он сказал: «Джеки (в ту пору меня звали Джеки), Джеки, ты спрашиваешь, как я это сделаю. Что ж, я отвечу. Чтобы это сделать, надо это сделать». Я никогда не забывал этого совета. До сих пор он вдохновляет меня, — произнес сэр Джек почти охрипшим от благоговения голосом. — А теперь пусть эти слова вдохновят вас.

Пробный диалог Марк начал с попытки поме-

---

[28] Примечания: 28
Так проходит [мирская слава] (лат.).

стить текущее положение Острова в исторический контекст и объять ряд предварительных вопросов. Только не сочтите его нахалом, который считает себя вправе давать на эти вопросы ответы. К примеру, с учетом грандиозного объема предлагаемых «Питко» инвестиций и количества уже созданных и потенциально возможных рабочих мест, принимая во внимание гарантии многолетнего процветания, не пришла ли пора пересмотреть принципы, на которых зиждутся отношения Острова с материком? Это факт, что просьбы о помощи, обращаемые Островом к Вестминстеру на протяжении десятилетий — да что там, веков, — встречают холодную реакцию, а уровень безработицы традиционно высок. Почему же Вестминстер и налоговое ведомство должны получать дивиденды с нынешнего и грядущего экономического бума?

По рукам пошел исторический обзор — составленный доктором Максом, стилистически отредактированный и резюмированный командой Марка.

Также надо учесть, что при рутинных архивных разысканиях — коммерческие юристы обычно проводят их при подготовке к столь масштабным проектам — уже всплыло несколько докумен-

тов и гипотез, которыми Марк по долгу службы не может не поделиться с присутствующими. Разумеется, при условии строгой конфиденциальности. Просьба отнестись к этим идеям без предвзятости. Итак, он не может умолчать, что, по мнению юристов «Питко» и экспертов-правозащитников, сделка о первичной продаже Острова в 1293 году — Эдуард I купил его у Изабеллы Фортюбисской за шесть тысяч марок — была откровенно сомнительной и, скорее всего, незаконной. Шесть тысяч марок — это же мизер! Очевидно, сделка была нечестной. Вымогательство есть вымогательство, даже если оно имело место в конце тринадцатого века.

На следующем заседании Марк подал идею: раз уж они не связаны формальными условностями, позвольте сделать дерзкий новый рывок. Если исходить из предпосылки — которую никто не вызвался опровергнуть, — что Остров был приобретен Британским Королевским домом незаконно, как это отразится на современном положении дел? Поскольку, нравится вам это или нет, перед советом Острова встает историческая, конституционная и экономическая дилемма. Убрать факт вымогательства в долгий ящик — или запрячь в колесницу прогресса? Если

присутствующие здесь члены совета простят ему чересчур вольно растекшиеся мечты, Марк хотел бы внести предложение: любой рациональный, объективный анализ нынешнего кризиса диктует план атаки с трех сторон, который можно резюмировать следующим образом.

Во-первых, следует официально оспорить на общеевропейском уровне, в соответствующих органах судопроизводства сделку Эдуард — Фортюбисская от 1293 года. Издержки на процесс, конечно же, оплатит «Питко». Во-вторых, провозгласить совет Острова полноправным парламентом с соответствующей его статусу собственностью, схемой финансирования, окладами, расходами и полномочиями. В-третьих, одновременно подать прошение о приеме в Европейский союз в качестве полноправного члена, то есть суверенного государства.

Марк начал ждать. В особенности он был доволен, что ввел в обиход понятие «кризис». Разумеется, никакого кризиса не было — по крайней мере пока. Но ни один представитель власти, от члена совета на грошовом острове до президента США, не позволит себе публично отрицать наличие кризиса, если кто-то утверждает, что кризис есть. Нельзя же показать себя лентяем

или некомпетентным! Так что отныне Остров официально оказался в тисках кризиса.

— Вы всерьез предлагаете разрыв с монархией? — Разумеется, вопрос задал «подсадной». Консерваторы и идеалисты все равно будут протестовать — так пусть покамест думают, будто их большинство.

— Отнюдь, — возразил Марк. — На мой взгляд, связи с королевской семьей для Острова чрезвычайно значимы. Да, под давлением нынешнего кризиса мы будем вынуждены в некотором роде порвать с метрополией — но это будет разрыв с Вестминстером, а вовсе не с монархией. Скажу вам больше: отношения с королем мы должны укреплять, не жалея сил.

— Что вы имеете в виду? — уточнил «подсадной».

Вопрос застал Марка словно бы врасплох. Его щеки зарделись. Он обвел взглядом других членов своей команды — те на помощь не спешили. Он неубедительно пробурчал, что его величество, возможно, станет Официальным Гостем Острова. Затем почувствовал себя обязанным намекнуть, учитывая дух искренности и открытости, царящий на переговорах, что как раз сейчас дворец очень серьезно раздумывает над предложением

о переезде. НЕТ! А почему нет? Ничто не вечно под луной — таков закон Истории. На Острове есть отличный королевский дворец, и он уже реставрируется. Конечно, ни единой живой душе об этом — ни звука! После чего, естественно, всем нужным людям горячие губы нашептали на ухо все, что требовалось.

На следующем заседании неблагодарное быдло и сентиментальные консерваторы высказали опасения относительно ответной агрессии материка. Что, если будут санкции, блокада, даже вооруженная интервенция? «Питко» и люди, с которыми компания посоветовалась, придерживаются мнения, что: а) подобная реакция маловероятна, б) компания гарантирует, что о происходящем во всех подробностях узнает мир, и в) поскольку Остров будет действовать в строгом соответствии с законными и конституционными нормами, Вестминстер сам побоится репрессалий со стороны Европы и даже ООН. А потому наверняка вернется за стол переговоров и назначит справедливую цену. Членов совета, возможно, заинтересует еще один небольшой секрет: начальная цена, предложенная сэром Джеком, — полмиллиарда фунтов стерлингов за суверенитет, была урезана до шести тысяч марок

плюс один евро. Что оставит в копилке гораздо больше денег на модернизацию Острова.

Почему вдруг «Питмен-хаус» будет лучшим хозяином, чем Вестминстер? Справедливо сказано, признал Марк. За агрессивность он даже благодарен. И в то же самое время, улыбнулся он, сказано несправедливо. Нас объединяют взаимовыгодные интересы — а таких уз никогда не может быть между центральной властью и отдаленным регионом. В современном мире гарантом стабильности и долговременного экономического процветания являются скорее транснациональные корпорации, чем старомодные национальные государства. Достаточно сравнить «Питко» с метрополией: что расширяется, а что неуклонно съеживается?

А вы что с этого имеете? Стабильные взаимовыгодные результаты, как здесь уже говорилось. Если выложить все наши карты на стол, мы, наверное, попросим отменить кое-какие маловажные статьи устаревшего законодательства о застройке, большинство которых было продиктовано презренным Вестминстером. А в какой форме, будь то официальная или неофициальная, «Питко» собирается влиять на новый парламент нашего Острова? Ни в какой. По мне-

нию «Питменхауса», разделение властей между экономической движущей силой и выборным органом власти — краеугольный камень здоровой современной демократии. Конечно, вы могли бы оказать сэру Джеку любезность, предложив ему какой-нибудь бумажный титул или чисто номинальную должность.

— Типа пожизненного президента? — вскричал какой-то горлопан.

Марк в жизни так не веселился. Приступ кашля и слезы на глазах выглядели совершенно неподдельными. Нет, насчет президента он сболтнул под давлением минутного порыва, учитывая пробный, ни к чему не обязывающий характер этих бесед. Будьте покойны, сэр Джек ничего подобного не предлагал — да с ним вообще ни о чем таком не заговаривали. Честно говоря, единственный способ заставить сэра Джека занять эту должность — припереть его к стенке. Пусть совет примет соответствующий указ или что угодно — название придумайте сами.

— Указ совета о присвоении ему статуса пожизненного президента?

О господи, кажется, он нечаянно направил беседу в неподходящее русло. Но — учтите, сейчас просто праздно теоретизирую — возможно,

найдется какое-нибудь церемониальное, не противоречащее вашей будущей конституции звание. Кто там был в этих старых английских графствах? Дядька с мечом и шлеме с плюмажем? Лорд-лейтенант. Нет, слишком уж отдает метрополией; Марк сделал вид, словно перелистывает исторический обзор доктора Макса. Ага, у вас были капитаны и губернаторы, верно? Оба варианта сойдут, хотя «капитан» в наше время звучит как-то легковесно. И при условии, что все понимают: полномочия сэра Джека, теоретически закрепленные замысловатой вязью на оправленном в слоновую кость пергаменте, в реальности никогда не будут реализованы. Разумеется, каретой он обеспечит себя сам. И мундиром. Только не подумайте, будто мы с ним это обсуждали.

Тем временем будущий губернатор зрел своим орлиным оком пророческие видения. Всегда заглядывай за горизонт. Играй по маленькой, а мысли по-крупному. Пусть мелкота мечтает о грошах и медных пуговицах — грезы сэра Джека исчислялись миллионами долларов. Храбрость и еще раз храбрость; подлинный творец играет по своим правилам; где сила, там и закон. Банки и фонды, доверившись транснациональному размаху «Питко», слали деньги вагонами; но лишь

всплеск вдохновения — удивительно, как порой схожи фантазия финансиста и душа художника! — надоумил его ссудить эти капиталы (слово, всегда вселявшее в сэра Джека томную страстность) одной из своих собственных дочерних компаний на Багамах. Естественно, это означало, что со всех будущих доходов от этих вложений маклерам «Питко» полагаются комиссионные. Сэр Джек саркастически-сочувственно тряхнул головой. Увы, комиссионные нынче высоки. Сами стонем.

Следующий вопрос: что делать сразу после Дня независимости? Допустим, что новый парламент Острова, имея полное право наплевать в лицо общественному совету сэра Джека, изберет курс национализации. Банки и акционеры не обрадуются — но что тут поделаешь? К сожалению, Остров пока не подписал ни одного из международных правовых соглашений. А затем — когда дитя натешится вдоволь — сэр Джек будет вынужден воспользоваться своими чрезвычайными губернаторскими полномочиями. Вследствие чего весь Остров практически — и юридически — перейдет в его собственность. Конечно, расплатиться с кредиторами он пообещает. Со временем. Сунет им некий процент с суммы. После долгой и

тщательной реструктуризации долга. О, как сладко воображать все это! Подумать только, как все в штаны наложат. Юристы будут блаженствовать, как козлы в огороде. Должно быть, в крупных финансовых центрах он станет персоной нон грата. Что ж, Остров еще не подписывал никаких договоров о выдаче преступников. И не подпишет! Упереться, пока сами не предложат уладить дело по-хорошему. Или просто послать всех на хер и окопаться в «Питмен-хаусе-2». В конце концов, дни Vanderlust[29] для него миновали...

Вот только... не слишком ли сложен этот план, не слишком ли конфликтен? Как бы не пришлось жалеть, что его бойцовский характер задурил мозги собственной мудрой старой голове! С национализацией надо бы поосторожнее. В наше время порядочный турист пугается одного этого слова — и, кстати, не зря. Нельзя оставлять детей без присмотра. Надо смотреть на вещи шире. В чем его главная цель? Наладить Остров, как машину. Отлично сказано. И если текущие прогнозы относятся к той же вселенной, что и наша планета, Проект имеет все шансы на сногсшибательный успех. Сэр Джек — такой уж был у него

---

[29] Примечания: 29
Жажда странствий (нем.).

характер — всегда учитывал вероятность того, что инвесторов придется разочаровать. Но что, если его Последняя Великая Идея и вправду сработает? Что, если получится выплатить инвесторам проценты — и даже дивиденды в придачу? Что, если — выворачивая пословицу наизнанку — где закон, там и сила? Вот была бы хохма...

* * *

— Скажите, доктор Макс, вы эту историю выдумали? — спросила Марта. Они ломали напополам сэндвичи из сыра с питой на галерее (с легкозаменяемым в случае повреждения настилом из массива древесины ценных пород) над искусственным болотом. Доктор Макс был одет по-дачному: кардиган с треугольным вырезом, на шее — желто-крапчатый галстук-бабочка.

— Это которую же историю?

— О женщине с корзинкой яиц.

— Вы-ы-думал? Я историк. Официальный Историк, если вы не запамятовали. — Доктор Макс несколько минут дулся, но обида была ненастоящая, «на телекамеру». Жуя питу, он задумчиво смотрел на воду. — Меня слегка покоробило, что никто не попросил меня сослаться на источники. Источники глубоко почтенные, если не сказать

«святоправдивые».

— Я не хотела... Понимаете, я решила, будто вы это выдумали, поскольку это было бы очень умно.

Доктор Макс надулся вновь — значит, то, что он сделал в действительности, неумно, или же от него, видите ли, никто не ждет умных поступков, или же...

— Видите ли, я предположила, будто вы это выдумали, поскольку у фиктивного Проекта и логотип должен быть фикцией.

— Вы переоце-е-ниваете мой ум, мисс Кокрейн. Разумеется, Килверт не видел своими глазами белье этой летуньи, а только описал его с чужих слов, но есть некоторая вероятность, что нечто похожее, выражаясь на народном языке, «действительно произошло».

Марта полизала свои передние зубы, между которыми застрял остов листка фиалки.

— И все же, как вам кажется, Проект — фикция?

— Фик-ция? — Доктор Макс просиял. Любой прямой вопрос, лишенный откровенно оскорбительных обертонов и предполагающий возможность длинного ответа, приводил его в хорошее расположение духа. — Фик-ция? Нет, я бы так не

сказал. Нет-нет, отнюдь. Проект вульгарен — да, в том смысле, что он основан на огрубляющем упрощении всего, что только можно. Умопомрачительно коммерческий в скромном понимании такой жалкой сельской мышки, как я. Ужасный во многих своих побочных проявлениях. Направленный на манипуляцию людским сознанием — по своему основному философскому принципу. Все это — да, но фикция? Не думаю.

«Фик-ция», как я понимаю это слово, предполагает измену подлинности. Но — спрашиваю я себя — применимо ли это семантическое значение к данному случаю? И не является ли сама идея подлинности в каком-то плане фикцией? Я вижу, мисс Кокрейн, мой парадокс для вас несколько ярковат и спеловат.

Она улыбнулась ему: в самолюбовании доктора Макса было что-то трогательно невинное.

— Позвольте ра-а-звить мысль, — продолжал он. — Возьмем то, что мы видим сейчас перед собой, этот неожиданный лоскуток заболоченной земли в предосудительной близости от урбанистических джунглей. Возможно, на этом месте когда-то — сколько веков тому назад, непринципиально — уже существовала такая же купальня для пернатых путешественников. А может, и не

существовало ничего такого никогда. В общем и целом, даже наверняка. Значит, болото выдумано. Становится ли оно от этого фикцией? Очевидно, нет. Разница лишь в том, что его интенция и функция обеспечиваются человеком, а не природой. Строго говоря, можно даже заявить, что подобная искусственность, замещающая надежду на голую стихийность природы, повышает статус этой полоски воды.

Доктор Макс потянулся было засунуть руки в карманы жилета, упраздненные нынешними модельерами. Руки соскользнули на бедра.

— На пра-а-актике же этот водоем действительно превосходит другие, и вот в каком плане. Орнитология, кстати, один из моих коньков. Странное выражение, между прочим, «конек» ассоциируется скорее со спортом, а на одном коньке не покатаешься... Следовало бы говорить, «одна из моих любимых лошадок». Ну хорошо. Этот заболоченный участок, доложу я вам, был особым образом распланирован и засеян специальными растениями, дабы поощрять присутствие некоторых желательных видов птиц и одновременно отваживать крайне неприятные — прежде всего канадского гуся. Не будем углубляться в подробности, но ключевую роль тут играют вон

те заросли тростника.

Итак, мы можем заключить, что это по-о-зитивная перемена по сравнению с прежним порядком вещей. И — если взглянуть более широко — та же картина имеет место, когда мы анализируем некоторые неоправданно расхваленные и явно фетишизированные концепции, как-то... позвольте привести примеры наугад... афинская демократия, палладианская архитектура, все еще властвующая над массами доктрина некоей секты пустынников... что ни возьми, но, как бы ни притворялись фанатики этих концепций, их подлинное начало, идею в ее первозданной чистоте обнаружить невозможно. Мы можем, выбрав наудачу какой-то миг, нажать на кнопку «пауза» и заявить: «Тут-то все и началось», — но как историк я вынужден вам сказать: подобные заявления на интеллектуальном уровне недоказуемы. То, что мы видим, всегда является копией — если в данном здании этот термин не запрещен — чего-то более раннего. Никакого локализованного во времени начала просто нет. Можно ли сказать, будто в один конкретный день конкретного года некий орангутанг распрямился, напялил целлулоидный набрюшник и возопил: «Рыбу — ножом?! Фу, какая пошлость»? Или, —

захихикал доктор Макс за себя и Марту, — что гиббон вдруг написал Гиббона? Маловероятно, правда?

— Так почему же мне всегда казалось, что вы презираете Проект?

— О, мисс Кокрейн, *e-e-entre nous*[30], вы правы. Вы правы. Но это всего лишь социально-эстетическая оценка. Для любого существа, наделенного вкусом и пониманием, Проект — это страшилище, задуманное и спланированное, если вы мне позволите так назвать нашего любимого дуче, другим страшилищем. Но как историк сознаюсь: практически ничего не имею против.

— Несмотря на тот факт, что все это... искусственный конструкт?

Автор «Заметок фенолога» расплылся в благостной улыбке.

— У реа-а-альности много общего с кро-о-ликом, простите за цитату. Почтенная публика — те, кто заочно, и хорошо, что заочно, оплачивает наш хлеб с маслом, — желает видеть вместо реальности пушистую ручную зверушку. Чтоб беззаботно скакала, чтоб картинно била в барабан в своей самодельной клетке, чтоб ела салат с ладони. Дайте

---

[30] Примечания: 30
Между нами *(фр.)*.

им реальное существо, которое кусается и, прошу прощения, гадит, — и они не будут знать, что с ним делать. Разве что придушить и сварить?

А насчет констру-укта... что ж, и вы, мисс Кокрейн, сконструированы, и я. И, простите за откровенность, моя искусственность чуть более искусна — в том смысле, в каком этот эпитет применяется в выражении «искусная уловка», — чем ваша.

Жуя сэндвич, Марта проводила глазами медленно летящий по небу самолет.

— Я невольно заметила, что на днях, когда вы говорили на комитете, ваши нервное заикание как рукой сняло.

— По-о-разительно сильная шту-у-ка — этот а-а-ад-реналин.

Марта от всей души рассмеялась и положила руку на плечо доктора Макса. Он слегка вздрогнул, вновь рассмешив Марту.

— Ну а вот сейчас вы поежились — это тоже искусный конструкт?

— Ка-а-кой цини-изм, мисс Кокрейн. Я мог бы побить вас тем же оружием, спросив, был ли искусен ваш вопрос. Но что касается моего движения плечами: да, это была искусная уловка — другими словами, отрепетированная,

сознательная реакция на определенный жест — имейте в виду, что я по-настоящему не обиделся. В своей детской кроватке я не знал этой ужимки. Но в некий юрский период своего психического развития я выбрал ее, присмотрел в необъятном каталоге актов невербальной коммуникации. Возможно, я купил эту манеру в супермаркете. Или самостоятельно скроил по своей мерке. Не исключено также, что она украдена. Я вообще считаю, что люди по большей части строят себя из ворованных деталей. Если б не воровали, были бы — ни кожи ни рожи. И вы тоже — конструкт не хуже прочих, только выдержанный в вашем оригинальном, не столь... пикантном, не сочтите за оскорбление, стиле.

— Например?

— Например, этот ваш вопрос. Вы не говорите: «Вы не правы, дурак» или «Вы правы, мудрец», а просто спрашиваете: «Например?» Вы себя прячете. Мое впечатление — существующее, мисс Кокрейн, в контексте моей симпатии к вам — таково: иногда вы активны, но активны как-то стилизованно, тщательно создавая образ человека без иллюзий (а это уже пассивность), в других случаях вы провокационно отмалчиваетесь, подзуживая окружающих, чтобы поглубже

садились в лужу. Поймите правильно: я ничего не имею против того, чтобы дураки выказывали свою глупость. Так им и надо. Но и в том и в другом случае вы не даете себя изучать и, осмелюсь предположить, уходите от контактов.

— Доктор Макс, вы что, приударить за мной решили?

— Об этом я и говорю. Переводите разговор на другую тему, задавайте вопросы, избегайте контакта.

Марта замолчала. У них с Полом таких разговоров не бывало. Нормальная, будничная, день ото дня полная откровенность. Тут тоже откровенность — но взрослая, абстрактная. Чушь это все — или нет? Она попробовала придумать вопрос, который не был бы средством избежать контакта. Ей всегда казалось, что задавать вопросы — это одна из форм контакта между людьми. Правда, тут еще как ответишь... Наконец с девчоночьей надеждой она произнесла:

— Это канадский гусь?

— О, невежество молодежи, мисс Кокрейн. О-хо-хо, м-да, о-хо-хо. Э-то совершенно заурядная и, сказать по чести, довольно грязная дикая утка.

* * *

Марта знала, что ей нужно: правда, простота, любовь, доброта, хорошая компания, много смеха и счастье в интимной жизни стояли во главе гипотетического списка. Также она знала, что составлять такие списки — идиотизм; нормальное человеческое занятие, конечно, но все равно идиотизм. И потому, хотя ее сердце раскрылось, разум продолжал нервничать. Пол вел себя так, словно их отношения — уже данность: параметры заданы, задача ясна, а проблемы возможны разве что в будущем. Ситуация была ей слишком знакома — блаженное стремление стать парой еще до того, как оформятся с точностью до параграфа законы и механизмы, регулирующие жизнь этой пары. В этой точке пути Марта уже бывала. И слегка жалела, что попала в нее не впервые; порой биография казалась ей тяжелой обузой.

— Как ты думаешь, я ухожу от контакта?

— Что?

— Как ты думаешь, я ухожу от контакта?

Они сидели у нее на диване с бокалами в руках. Пол гладил руку Марты со стороны локтевой ямки. Когда он доходил до определенного места

чуть выше запястья, на третьем или четвертом разе она тихо взлаивала от удовольствия и выдергивала руку. Зная это наперед, он подождал ее вскрика, а затем ответил:

— Да. Что и требовалось доказать.

— Но как ты думаешь, я, э-э-э, раздражаю своей молчаливостью или вообще что-то из себя строю?

— Нет.

— Точно?

Пол улыбнулся весело и самодовольно:

— Скажем так, я не заметил.

— Что ж, если ты не заметил, это еще ничего не значит.

— Послушай, я же сказал, что нет. Какая тебя муха укусила? — проговорил Пол, видя, что не убедил ее. — Я думаю, что ты... настоящая. И с тобой я чувствую себя настоящим. Тебе этого достаточно?

— Должно быть достаточно, я знаю. — И тут, словно бы переводя разговор на другую тему, она заметила: — За ланчем я поболтала с доктором Максом. — (Пол хмыкнул, выражая свое безразличие.) — Знаешь торфяник за «Питмен-хаусом»?

— Ты пруд имеешь в виду?

— Это торфяное болото, Макс. Мы с доктором

Максом о нем говорили. Он орнитолог-любитель. Ты знал, что Сельская Мышка в «Таймс» каждую субботу — это он и есть?

Пол совместил вздох с улыбкой.

— По-моему, это самая неинтересная единица информации, которую я услышал от тебя за все наше время вместе. Сельская Мышка — ну и имечко для... для напудренного жлоба, который с людьми говорит как с телекамерой. Ничуть не удивлюсь, если Джефф однажды начистит ему морду. О да, и какой он про-о-тивный, когда за-а-икается.

— Он нескучный. Человека можно находить нескучным, даже если он тебе не нравится. А он мне вообще-то нравится. Строго говоря, я его обожаю.

— А я не перева-а-риваю.

— Неправда.

— Пра-ав-да, о да-а. — Пол вновь потянулся к ее руке.

— Не-а. Он рассказал мне нечто сногсшибательное. Если ему верить, болото спланировали особым образом. Это связано с ландшафтом, с местами посадки тростников, с высотой берегов, с направлением, в котором течет вода. И все для того, чтобы там не садились канадские гуси.

Вероятно, они создают проблемы или отгоняют других птиц. Во время ланча там плавала очень красивая дикая утка.

— Марта, — заявил в сердцах Пол, — я знаю, что ты — деревенская девчонка, но мне-то зачем это рассказывать? Доктор Макс готовит для Проекта раздел «Птицы»? Он что, забыл распоряжение сэра Джека: «НА ХЕР ТУ$ПИКОВ!»?

— Я думала, ты завязал с цитированием питморизмов. Думала, ты исцелен. Нет, просто это все навело меня на кое-какие мысли. В смысле... как ты думаешь, мы тоже так устроены?

— Мы?

— Не мы с тобой. Люди вообще. Все эти дела насчет того, с кем у тебя... слаживается, а с кем нет. В сущности, это же загадка, верно? Почему меня привлекаешь ты, а не кто-то другой?

— Мы это уже обсуждали. Потому что я моложе, ношу очки, ниже ростом, меньше зарабатываю и...

— Ладно тебе, Пол. Я тут мысль пытаюсь развить, а ты... Я же не говорю, что моя симпатия к тебе — это... глупо.

— Спасибо. Аж от сердца отлегло. Ну так как, пойдем в постельку? Докажешь на практике.

— Видишь ли, если бы кто-то пытался взглянуть

на это все объективно, он мог бы решить, что все это как-то завязано на моем отце.

— Погоди. — Пол и сам не понимал, смешно ему или обидно. — Мы же договорились, что я МЛАДШЕ тебя.

— Во-во. Значит, я, к примеру, не доверяю мужчинам, которые старше. И все такое.

— Это, как ты сама мне сказала не столь давно, дешевенькая психология.

— Прости, — отозвалась Марта. — Или ты скажешь, что являешься противоположностью мужчин, с которыми я встречалась прежде. Или скажешь, что никаких общих принципов просто нет.

— Типа того, что мы оба гетеросексуальны и случайно работаем в одной комнате и НАС СВЕЛА СУДЬБА?

— Или скажешь, что принцип есть, но мы его не знаем или не можем понять. Дескать, некая сила нас толкает, а мы и не замечаем.

— Погоди. Погоди. Стоп. — Вскочив, Пол встал перед ней. Прижал к губам палец, уговаривая ее замолчать. — Дошло. Наконец-то дошло. Наверно, меня сбила с толку идея, будто доктор Безумный Макс в состоянии сказать что-то относительно толковое об отношениях между людьми. Но

теперь я просек. Болото — это ты. И ты никак не можешь понять, почему все эти красивые плечистые канадские гуси летят мимо и тебе приходится утешаться глупой серой уткой — то есть мной.

— Нет. Не совсем. Совсем не так. И вообще, утки очень милые.

— Если это правдивая лесть, то, кажется, я ее не переживу.

— Так что ты думаешь?

— Я не думаю. Я крякаю.

— Нет, серьезно.

— Кря-кря.

— Пол, перестань.

— Кря. Кря. Кря. — Он увидел, что Марта еле удерживается от смеха. — Кря.

* * *

Гэри Джеймс умел кончать вовремя. Так говорили о нем восхищенные коллеги. Связи у него были отличные, тайну источников он хранил, не ленился трижды перепроверить любую сомнительную подробность и приносил шефу статью, только когда у нее (у статьи) уже лопался на груди лифчик. Было у него и еще одно достоинство — будучи добытчиком и поставщиком

историй с «клубничкой», он внешне не походил на такового. Несведущие читатели, как правило, воображали себе неотесанного закоренелого шантажиста, что строчит в блокноте, то и дело похотливо облизывая карандаш; гуманоида в длинном пальто, испещренном пятнами от пива, а скорее всего, не от пива вовсе.

Гэри Джеймс носил темный костюм и строгий галстук, иногда дополняя ансамбль обручальным кольцом; он был умен, учтив и почти никогда не давал своим информаторам заметить своего на них давления. Его подход был — или казался — человечным, но деловитым. В его газете стало известно об одной истории, и после обстоятельного расследования была подготовлена статья, которая вскоре будет опубликована; но прежде они хотят, согласно правилам хорошего тона и, более того, по этическим соображениям, сверить информацию с основным действующим лицом. Есть ряд деталей, которые он/она, возможно, захотят прояснить, и, очевидно, газета могла бы вам помочь, когда конкуренты пронюхают о случившемся и — будем смотреть на вещи трезво — подговорят другие стороны изложить дело в ином ключе. Короче, есть проблема, и проблема эта сама никуда не денется, но Гэри Джеймс

пришел вам помочь. Вместо того чтобы со значением облизывать карандаш, он неспешно писал наливной ручкой с золотым пером — этаким полуантикварным агрегатом, отличным поводом для светской беседы, — а держался он с бесконечным терпением и легким подобострастием, так что в итоге о деньгах первым заговаривали вы. Одно лишь кроткое: «Полагаю, мои расходы будут возмещены?» или наглое: «А бутылку поставите?» — и, не успев опомниться, вы уже оказывались «под вымышленным именем в тайном убежище», что звучало куда экзотичнее, чем отель на обочине автострады в двух шагах от Лондона, и все же... И колесики диктофона все мотали и мотали пленку (миленькую наливную ручку давно уже убрали), так как Гэри Джеймс все спрашивал и спрашивал о том, что и так знает или вроде бы знал, но хотел перепроверить. К этому времени вы уже подписали контракт и видели билеты на самолет. Честно сказать, вы так привязались к Гэри — как незаметно начали его называть, — что даже думали, прелестно отбрасывая со лба свои осветленные волосы, не позвать ли его с собой полежать пять дней на солнышке, пока скандал рассосется. Иногда он соглашался, а иногда это было, к сожалению, против правил.

Все эти высокопрофессиональные колыбельные никак не готовили вас к заголовку «ПРИНЦ РИК И МЫ: ПОДРУЖКИ-ЛЕСБИЯНКИ В НАРКОТИЧЕСКОМ УГАРЕ РАЗВЛЕКАЛИ ЕГО ВЫСОЧЕСТВО»

жна всю первую страницу. Внутри вы видели самое себя на целом развороте, чуть ли не в натуральную величину — широко расставив груди под французской баской, развалившись на бильярдном столе, вы шаловливо сжимали в руке пару шаров. Телефон начинал разрываться: родители, которые всегда так гордились вами, а теперь стыд-то какой, ни в паб зайти, ни просто людям в глаза взглянуть; и звонила вам только мама, потому что у папы просто язык отнялся. Новые статьи — откровения бывших приятелей минувших лет («Развалится на постели, вся такая толстая, вылитая пуделиха, и ни хрена не делает — а я ее лижи...» «Я уже купил кольца, но тут она завела себе лорда...», «Да, она всегда любила тусовки, но кто бы мог подумать, что дело кончится иглой и сексом втроем...»). Клевета, одна клевета, какие же сволочи в этих газетах, и ничего такого у нас не было, разве что кокаин, и вообще, это все Петронеллина была идея, ну, почти. И вы искали опору в Гэри Джеймсе, и, конечно, он

вас не бросал, вот только уже не очень спешил перезванивать; но нет, увы, на этой неделе у него нет времени с вами пообедать, готовит огромный материал, в городе его не будет, может, выпьем как-нибудь пивка, ничего, выше нос, девочка, поверьте опыту Гэри, ты хорошо выдержала испытание, с достоинством, и, как там говорится, вестника всегда казнят, верно? И только в том случае, если вы не переставали ныть, он заговаривал чуть более жестким тоном и напоминал, что мир — не детская сказочка, играешь с огнем — не удивляйся ожогам, и, если уж ты просишь у него совета, чек-то у тебя в кармане лежит, верно? Сходи чуточку пошвыряйся деньгами, в своей жизни он еще не встречал девушки, которой новое платье не поправило бы настроения, извини, милая, надо бежать. И вы не успевали намекнуть, что если он пойдет с вами в магазин, то может сказать, что вы по-прежнему выглядите отлично, а не как потасканная шлюха, которой вас обозвали не далее чем вчера и совершенно ни за что. Как там врач сказал, сколько этих надо принять с бессонницы?

Темно-синий фургон Гэри Джеймса (типичная машина высококвалифицированного мастера-ремонтника; что именно чинит владелец,

по фургону определить было невозможно, но квалифицированностью буквально пахло) уже некоторое время стоял напротив особняка тетушки Мэй в Чорливуде. Кабина все время была пуста, и ни одна леди с собачкой, ни один бдительный член «Общественного дозора» не подозревали, что отдушины в кузове — на самом деле глазки с перископами и что внутри трудится Гэри, вооруженный блокнотом, магнитофоном и фотокамерой со скоростным затвором. Для идентификации гостей «Ардоха» пришлось привлечь к делу еще кое-кого; угостив старого приятеля коктейлем, он получил доступ к номерам кредитных карточек, но тайну хранил стойко: имя главного проказника, этого жирного борова, ни разу не упоминалось.

Главная загвоздка состояла в том, чтобы завязать контакты, поскольку Гэри Джеймс не знал об «Ардохе» ровным счетом ничего. К тому же всегда был риск, что первый же взятый в оборот лох заорет: «Отвали, паскуда», побежит к телефону и настучит тетушке Мэй, спалив всю операцию. Но робкий, лысеющий пилот гражданской авиации, разменявший шестой десяток разведенный недотепа — которого Гэри Джеймс решил отловить в его обычном пабе, дабы сни-

зить до минимума возможность неучтивой реакции, — моментально купился на обходительность Гэри и рассказанную им (естественно, лживую) историю. Разумеется, Гэри вовсе не журналист (больно уж предосудительно); по документам он — следователь по особым делам из Королевского таможенно-акцизного управления. Расследуется дело о наркобизнесе всемирного масштаба, плюс кое-какие убийства, и один из ключевых подозреваемых часто посещает некий дом. Глядя в глаза своей испуганной жертве, Гэри Джеймс особо подчеркнул, что полиция этим делом не занимается, пресса ничего не ведает, а против заведения тетушки Мэй как такового они ничего не имеют. С точки зрения таможни законопослушные граждане и исправные налогоплательщики в частной жизни могут делать все, что угодно, — при условии, что в этих развлечениях не участвуют несовершеннолетние и не используются а) редкие и исчезающие животные и растения и б) запрещенные вещества. Может быть, мы пойдем куда-нибудь, где вас не так хорошо знают, — есть один разговор...

По окончании ужина Гэри заплатил по счету и смущенно положил на ресторанный столик некий конверт. Не подумайте, будто это его

инициатива, нет, начальство само настаивает: добровольные помощники таможни заслуживают возмещения их расходов. Пилот отказался. Гэри вполне одобрил его позицию, но тут же добавил, что подобные выплаты проходят вне бухгалтерии — никаких имен, никаких квитанций. Не знаю уж, почему их зовут «черными» — на мой взгляд, чище не бывает. Считайте, канцлер возвращает вам часть налогов. Спустя несколько минут пилот взял конверт, не заглядывая внутрь. Гэри Джеймс почти уверен, что больше никаких услуг с его стороны не понадобится, хотя при необходимости они знают, где его найти (если что, через работу). Скажу вам по секрету: расследование продлится еще пару месяцев, после чего тетушка Мэй утратит одного клиента, но больше ничего в ее жизни не изменится.

Следующий этап был проще: имена, графики, информаторы, цены, сценарии, методы — рутина... И наконец, финальная важная дилемма — выходить на тетушку Мэй или нет? Если она в панике сбежит или окажется верна клиенту, все пропало. Но если она даст согласие на жалкий часок съемок, в крайнем случае два... Гэри Джеймс переписал свою «легенду» заново. Секретная служба? Связи с неким арабским диктатором.

Помните тех детишек с перерезанными глотками, просто сердце кровью обливалось смотреть на эти снимки, один-единственный клиент, больше нам никто не нужен, да, известное лицо, более того, очень-очень известное лицо, но в каком-то смысле я бы посоветовал вам предпочитать не столь яркие лица. Кстати, расходы — не вопрос, абсолютно не вопрос. Предлагаем вам солидный гонорар — строго говоря, настаиваем. Очень солидный гонорар. Всего три часа. Придется проделать в штукатурке маленькое отверстие, и все, а так — «мотор», «стоп» и забудем друг о друге!

Гэри Джеймс рассудил, что рискнуть стоит.

* * *

— Бук-хаус, — провозгласил сэр Джек. — Без Бук-хауса у нас руки связаны.

В отелях постелили ковры и расставили кадки с пальмами, башни-двойняшки стадиона Уэмбли ждали окончательной отделки, в «Питмен-хаус-2» как раз сейчас засовывали копию пресловутого кабинет-зала, а теннисоновские холмы уже обогатились тремя полями для гольфа. Торговые центры и выставку пастушеских собак можно было открывать хоть завтра. Хэмптон-кортский лабиринт — готов, Белая Лошадь

— уже украшает склон, а на горном плато, выходящем на запад, специалисты по фигурной стрижке деревьев создали композицию «Великие вехи английской истории», блистающую черным фризом в лучах заката. Все было на месте: Биг-Бен в половинную величину, могилы Шекспира и принцессы Дианы, Робин Гуд и его Веселые Стрелки в Шервудском лесу и меловые утесы — в Дувре-2; черные лондонские такси, озаряя фарами лондонский туман, сновали между глостерширскими деревеньками, где под каждой соломенной крышей можно было выпить чаю со сливками по-девонширски; имелись «Битва за Британию», крикет, пабы, оборудованные для игры в кегли, Алиса в Стране чудес, газета «Таймс» и Сто один далматинец. Мемориальный пруд имени супруги Стэкпула вырыли заново и обсадили плакучими ивами. Бифитеров научили подавать «Великий Английский Завтрак»; доктор Джонсон учил текст программы «Обед в “Чеширском сыре”»; а тысяча малиновок постепенно акклиматизировалась к вечным снегам. Команде «Манчестер Юнайтед» предстояло принимать всех своих зарубежных соперников на «Островном Уэмбли»; непосредственно после игры матчи будут повторяться в Манчестере

командой-дублером, обязательно с тем же результатом. Ни одного члена парламента заполучить не удалось; но нанятые вместо них актеры были совсем как настоящие. Собрание Национальной галереи развесили и покрыли патиной времени. Наличествовали родина семейства Бронте, дом Джейн Остин, первобытный лес с исконной фауной Англии, мюзик-холл, пудинги, исполнители танца «моррис» и сельской чечетки, Королевская шекспировская труппа, Стоунхендж, прямые спины, шляпы-котелки, кабельная сеть для показа классических телесериалов, здания в стиле «фахверк», красные автобусы, восемьдесят сортов теплого пива, Шерлок Холмс — и Нелл Гвинн, чья внешность отметала все слухи о педофилии. Недоставало только Бук-хауса...

Конечно, в каком-то смысле он уже был. Фасад дворца и решетка были вполне готовы; гвардейцев в медвежьих шапках из лайкролита обучили не поднимать на штыки маленьких сорванцов, порывающихся измазать их сапоги мороженым; знамена — всех цветов радуги — хоть сейчас выноси. По поводу всех этих приготовлений пресса хранила многозначительное молчание, из чего простые граждане, разумеется, заключали, что королевская семья на переезд согласна. Лишним

подтверждением служили регулярные опровержения со стороны Букингемского дворца. Но факт оставался фактом — Бук-хауз не соглашался.

А ведь, казалось бы, простое дело! В метрополии репутация семейства давно уже пошатнулась. Смерть Елизаветы Второй и крах наследственного принципа правления были восприняты массами как конец традиционной монархии. Длительные публичные дебаты на тему престолонаследия еще более подорвали мистическую ауру королевских особ. Молодые король и королева старались изо всех сил: участвовали в ток-шоу, пользовались услугами лучших пиарщиков и, как умели, утаивали свои интрижки. Из двадцатистраничного фоторепортажа в журнале «Сюси-Пуси» народ Англии узнал крайне умилительную подробность: на вышитой подушке, узор для которой королева Дениза нарисовала лично, читатели прочли ласковую кличку, придуманную ею для супруга, — Хорек-Королек. И все равно нация ворчала по-прежнему — Англию то ли раздражала нормальность королевской четы, то ли смущала ее стоимость. Возможно также, что за много веков страна просто притомилась любить своих правителей.

В общем, вода лилась на мельницу сэра Джека

мощным потоком — а дворец упирался. Королевские советники, эти виртуозные мастера тянуть кота за хвост, прозрачно намекали, что зарубежные счета Виндзоров прокормят семейство еще не один десяток лет. На Мэлл господствовал менталитет обитателей бомбоубежища — «отсидимся, дескать!» — порой выражаемый во вспышках первостатейного стеба. Когда премьер-министр лишний раз повторил лозунг «пересадим монархию на велосипеды», пресс-секретарь дворца заявил, что, хотя велосипеды ни при каких условиях не станут приличествующим королям транспортным средством, его величество, учитывая сложную экономическую обстановку и истощение запасов полезных ископаемых, готов превратить Дом Виндзоров в монархию на мопедах. И действительно, время от времени по Мэлл проносилась, хладнокровно отключив глушитель, фигура в мотоциклетном шлеме и «косухе» с королевским гербом на спине, хотя был ли это король, его беспутный кузен Рик, наемный двойник кого-то из них или просто безвестный шутник, оставалось загадкой.

При всем безразличии страны дворец, министерство туризма и сэр Джек знали, что для Англии королевская семья — главный козырь

в финансовой игре. Переговорщики сэра Джека вконец охрипли, втолковывая противной стороне, что, переехав на Остров, их величества сильно выиграют в деньгах, а условия их труда можно будет без натяжки именовать условиями отдыха. Обещали Букингемский дворец со всеми современными удобствами плюс для уик-эндов в стиле ретро Осборн-хаус; вместо критики и наглого вмешательства в личные дела — одно лишь квалифицированно организованное обожание *ad libitum*[31]; налогов семья платить не будет, а Собственный Их Величеств Бумажник заменят прогрессивные отчисления от прибылей Проекта; и никаких назойливых папарацци, поскольку газета на Острове только одна — лондонская «Таймс», а ее редактор — патриот до мозга костей; скучные обязанности будут сведены до минимума, зарубежные поездки — осуществляться лишь с целью отдыха, а занудливым главам чужеземных государств просто не дадут виз; дворец будет иметь право «вето» над всеми монетами, медалями и марками, выпускаемыми на Острове — и даже, если хотите, над открытками; и, наконец, никто, никогда, ни при каких обстоятельствах и

[31] Примечания: 31
По усмотрению (лат.).

не заикнется о велосипедах — собственно, к тому и затеян весь этот переезд, чтобы возродить атмосферу величественной роскоши, которой семья лишилась за последние десятилетия вследствие происков пошлых парвеню. Была упомянута сумма подъемных, достаточная, чтобы вызвать обморок у любого футболиста, — а дворец стоял на своем. Удалось договориться — ценой фантастической, выраженной преимущественно в деньгах, лести, — что их величества прилетят на церемонию торжественного открытия. Но принимающую сторону многократно призвали не придавать этому факту излишне большого значения.

Штатный Циник пыталась взглянуть на ситуацию с положительной стороны.

— Послушайте, — сказала она, — у нас на Острове уже есть Елизавета Первая, Карл Первый и королева Виктория. Нужны нам эти бездарные попрошайки?!

— Увы, нужны, — возразил сэр Джек.

— Что ж, если все здесь присутствующие — даже, как ни удивительно, доктор Макс — предпочитают копии подлинникам, добудьте копии.

— Вот что, если я еще раз такое услышу, — пробурчал сэр Джек, — я кому-нибудь что-нибудь

оторву. ЕСТЕСТВЕННО, запасной вариант есть. «Королевская чета» репетирует уже который месяц. Они справятся отлично — надежные люди, очень надежные. Но все равно — это НЕ! ИХ! ВЕЛИЧЕСТВА!

— Логика подсказывает, что наши величества наверняка лучше.

— Увы, Марта, бывают моменты, когда на логике, как и на цинизме, далеко не уедешь. Наша цель — «Не просто отдых». Наша цель — Вечнозеленые Доллары и Длинные Иены. Без Бук-хауса у нас руки связаны, и он об этом знает, боже ж ты мой!

Тут раздался голос, звучавший очень редко:

— А не пригласить ли старика Георга? Может, он вернется из монастыря в мир?

Сэр Джек даже не посмотрел в сторону Мыслелова. За последние несколько недель юнец определенно обнаглел. Или забыл, что его работа — ловить Мысли, а не подсовывать свои собственные жалкие непрожеванные идейки? Обострение самомнения у Пола сэр Джек объяснял тем, что мальчишке невероятно подфартило: все-таки пробрался в постель Марты Кокрейн. Как же низко пала «Питко»! Не фирма, а бюро знакомств для сотрудников! Конечно, в положен-

ный срок час возмездия пробьет; но не сегодня.

Помариновав мальчишку в неуклонно крепнущем безмолвии, сэр Джек шепнул Марку:

— Вот было бы всем сумасбродствам сумасбродство.

Презрительный смех Марка послужил сигналом к закрытию заседания.

— Два слова, Пол, если — если! — у вас есть время. Пол проводил глазами остальных, выходящих гуськом, а точнее, проводил глазами ноги Марты.

— Да, чудо что за женщина, — одобрительно проговорил сэр Джек. — Говорю как знаток чудес в женском облике. И как человек семейный, конечно. Чудо что за женщина. Не ходит, а летает.

Пол смолчал.

— Помню, как увидел ее впервые. И как впервые увидел вас, Пол, тоже помню. Правда, мы с вами встретились в менее официальной обстановке.

— Да, сэр Джек.

— Вы очень выросли, Пол. Под моим руководством. Она тоже выросла. Под моим руководством.

На сем сэр Джек умолк. Давай, парень, не разочаровывай меня. Покажи, что в штанах у тебя не лыком шито.

— Вы хотите сказать, — в привычный учтивый тон Пола вплелись новые, агрессивные нотки, — что мои... отношения... с мисс Кокрейн вас не устраивают?

— Почему я вдруг должен так считать?

— Или что они плохо сказываются на моей работе?

— Нимало, Пол.

— Или что они плохо сказываются на ее работе?

— Нимало.

Сэр Джек был доволен. Приобняв Пола, проводив своего протеже до двери, он почувствовал под рукой желанную скованность мускулов.

— Счастливый вы человек, Пол. Прямо завидки берут. Молодость. Любовь достойной женщины. Вся жизнь впереди. — Сэр Джек потянулся к дверной ручке. — Благословляю вас. Вас обоих.

Пол понял лишь одно: сэр Джек ломает комедию. Но что за этим стоит?

* * *

Шериф приказал обыскать Ноттингем и вдоль и поперек, а Робин бродил по веселым лесам — веселей, чем на липе листок. Грабил богатых и оделял бедных. Первичный миф; нет, лучше

— английский первичный миф. Миф о свободе и мятеже — праведном мятеже, естественно. Мудрая при всей своей стихийности концепция — зародыш системы налогообложения и перераспределения доходов. Индивидуальная инициатива, призванная сглаживать крайности свободного рынка. Людское братство. Вполне христианский миф, кстати, несмотря на легкую антиклерикальную направленность. Шервудский лес как пасторальный монастырь. Триумф хорошо вооруженных праведников-разбойников над бароном — подлинным бароном-разбойником. А главное — номер семь в Джеффовом перечне Пятидесяти Вечных Квинтэссенций Самого Наианглийского, отредактированном сэром Джеком Питменом.

«Миф о Робине» с самого начала получил статус наибольшего благоприятствования. Паркхерстский лес легко преобразился в Шервудский, а окрестности Пещеры приобрели новую живописность благодаря репатриации нескольких сотен зрелых дубов, ранее окаймлявших бассейн в имении саудовского принца. Камни, которыми Пещера была облицована снаружи, как раз сейчас обрабатывали отбойными молотками, придавая им аутентичную щербатость; общую спальню

уже оштукатурили вторым слоем копоти. К очагу, где будут ежедневно жарить целого быка, подвели газ, конкурс на вакансии разбойников находился на стадии финальных прослушиваний. И Марта Кокрейн, по сути, даже не хотела быть циничной, когда на четверговом заседании с ее языка сорвался вопрос:

— Кстати, а почему в шайке одни мужчины?

— А Папа Римский — католик? — возразил Марк.

— Бросьте вы свой феминизм, Марта, — вмешался Джефф. — Вечнозеленым долларам и длинным иенам он абсолютно до фени.

— Я просто...

Но доктор Макс скороговоркой пришел ей на выручку — если и невпопад, то благородно.

— Конечно, вопрос о католическом вероисповедании Папы Римского как в исторической перспективе, так и в применении к современности... невзирая на тот факт, что в пивных этот тезис используется в качестве решающего аргумента... — тут доктор Макс смерил Марка испепеляющим взглядом, — остается для историков серьезной проблемой. С одной стороны — популярное при всей его непродуманности мнение, что любой поступок понтифика *ipso*

facto[32] является католическим деянием, иначе говоря, папство по определению равносильно католичеству. С другой стороны — более зрелое суждение моих коллег, состоящее в следующем: на протяжении веков самой фундаментальной проблемой католической церкви, из-за которой она слишком часто попадала, аки кур, в исторический либо клерикальный ощип, был именно дефицит подлинно католических свойств у пап, ибо, будь они истинными...

— Заткните фонтан, доктор Макс, — произнес сэр Джек не без одобрения. — Поделитесь с нами своей мыслью, Марта.

— Я не уверена, что слово «мысль» тут не будет преувеличением, — начала Марта. — Мне просто...

— Ну, знаете ли, — прервал ее Джефф. — Переигрывать поздно. Такие вещи финансируют только меньшинства. О Робин Гуде знают все. И не смейте Робин Гуда трогать. Вот так-то, — раздраженно закатил глаза Джефф.

Нападки Джеффа захватили Марту врасплох, ведь обычно Разработчик Концепций вел себя крайне благопристойно, слушал развесив уши, а

---

[32] Примечания: 32
В силу самого факта (лат.).

терпеливо дождавшись, пока остальные примут решение, выполнял их волю.

— Мне просто пришло в голову, — произнесла Марта кротко, — что в наши задачи, в задачи разработчиков Проекта, входит и репозиционирование мифов в современном ключе. Не вижу, что такого особенного в мифе о Робине. Более того, раз уж он идет под седьмым номером, тем внимательнее следует его проанализировать.

— Вы мне позво-о-лите процитировать пару самодовольных, не обессудьте за эпитет, высказываний Джеффа?

Доктор Макс откинулся на спинку стула, вальяжно сцепив пальцы на затылке, грозя скептикам острыми локтями, — словом, окончательно переключившись в режим «семинар». Марта покосилась на сэра Джека, но Председатель был сегодня настроен терпимо — или злокозненно.

— «О Робин Гуде знают все» — крайне близорукая формулировка. От таких заявлений у историков шерсть дыбом встает. Все знают, увы, только то, что знают все, как, к моему глубокому сожалению, показали мои исследования в рамках Проекта. Но еще ярче другой перл: «И не смейте Робин Гуда трогать». Мой дорогой Джефф, что такое, по-вашему, История? Четкая, полиоку-

лярная видеозапись действительности? О-хо-хо. Исторические материалы о второй половине тринадцатого века — это не прозрачный поток, в который мы могли бы войти, посвистывая. Что до мифологии, в ней всегда доминировали и доселе доминируют мужчины. История — это, грубо говоря, мачо. Практически вылитый вы, Джефф. Перехожу к первому, что пришло мне в голову в связи с нашей темой. Мисс Кокрейн очень к месту подняла вопрос о том, состояла ли шайка из одних мужчин и если да, то почему. Мы знаем, что среди них, бесспорно, была одна женщина — дева Мэриан. Значит, мотив исключительно мужского братства изначально отпадает. Более того, имя вожака — Робин — двусмысленно, поскольку это сокращенная форма и от Роберта, и от Роберты. Его двусмысленность находит свой отзвук в традиции английской пантомимы, где разбойника играет молодая особа женского пола. Фамилия Гуд — пишется «Hood» — означает «капюшон», «плащ с капюшоном» — то есть унисексуальный предмет одежды. Итак, ваш покорный слуга мог бы, если бы пожелал немножко попроказничать и подразнить Джеффа, предложить репозиционирование мифа о Робине путем восстановления подлинного исторического контекста — образа

женщины-разбойницы. Многим, если не всем, тут вспомнятся Молль Срежь-Кошель, Мэри Рид и Грейс О'Мэлли.

Сэр Джек упивался смятением Джеффа.

— Ну-с, Джефф, хотите парировать удар?

— Послушайте, я всего лишь Разработчик Концепций. Я разрабатываю концепции. Если Комитет решит превратить Робин Гуда и его товарищей в банду... гомиков, дайте мне знать, вот и все. Но я вам одно скажу: вечнозеленые доллары не пойдут в дверь, через которую ходят голубые фунты.

— А может, им понравится тесниться у входа, — заметил доктор Макс.

— Джентльмены. Сказано уже достаточно. Все задумки излагайте доктору Максу, а он пусть сделает доклад на чрезвычайном заседании Комитета в понедельник. Да, и вот еще что: Джефф, приостановите пока работы в спальне. Вдруг понадобится расширить дамскую комнату.

Утром в понедельник доктор Макс вынес на суд кол лег свой доклад. Марта отметила про себя, что Официальный Историк был, как обычно, щеголеват и суетлив, но в его манерах прорезалась новая решимость. Она побилась сама с собой об заклад, что заикание у него сегодня пройдет,

и задумалась, заметит ли это Пол. Доктор Макс откашлялся с таким видом, точно главный здесь он, а не сэр Джек.

— Из уважения к мнению нашего Председателя об осадочных породах и каменных топорах, — начал он, — я опускаю, хотя она весьма занимательна, историю зарождения легенды о Робин Гуде, ее параллели с артуровским мифом и аргументы в пользу ее происхождения от великого арийского солярного мифа. Точно так же обойдемся с Петром-пахарем, Эндрю Винтаунским и Шекспиром. Все это осадочные породы. Также я не буду докучать вам результатами проведенного мною при помощи электроники исследования — скажу лишь, что на его основе я составил портрет Джо-Представителя-Масс, или, лучше выразиться, Джеффа-Представителя-Масс. Да, это верно, что «о Робин Гуде знают» все и знают они то, что и следовало ожидать. Жаргонно выражаясь, «ни фига». Оставляя в стороне все вышеизложенное, задумаемся, что собой представляли Гуд и его Веселые Стрелки. Джефф-Представитель-Масс, полагаю, приветствовал бы легенду о предвечном борце за свободу — ему импонировали бы не только героические акции Робина со товарищи, не только его экономическая политика

перераспределения богатств, но и демократичный подход мистера Гуда к отбору соратников. Брат Тук, Маленький Джон, Билль Скарлет, он же Билль Алая Рожа, и Мук Мельников Сын. Кто перед нами? Священник-расстрига, хронический обжора; лицо, страдающее либо задержкой роста, либо гигантизмом — смотря по тому, склонно ли было к иронии сознание человека Средневековья; больной pityriasis rosea — либо алкоголик; и работник мукомольной промышленности, чей личностный статус обусловлен социальным положением его отца. Есть еще Алан Э-Дейл, чье «сердце воробышком бьется в груди» — явный аллегорический намек на нарушения сердечной деятельности... Другими словами, это группировка маргиналов, а ее лидер — активный противник какой бы то ни было дискриминации — был, сознавал он это или нет, одним из пионеров движения за мультикультурализм и социальное равноправие.

Марта уставилась на доктора Макса с совершенно непрофессиональным недоумением. Не может быть, чтобы он говорил серьезно; Джеффа подкалывает, ясное дело. Но обтекаемая самопародийность была скорее характерна для нормальной манеры доктора Макса. Вопроси-

тельный взгляд Марты отскочил рикошетом от его блестящего забрала.

— Все это неизбежно заставляет нас задуматься о сексуальной ориентации шайки. Могла ли она быть гомосексуальным сообществом, что усугубляло бы и оправдывало изгойский статус ее членов? Правда, с изгойством по принципу ориентации в истории все не так просто, достаточно вспомнить некоторых английских королей... но все же... На наших последних посиделках мы отметили половую двусмысленность имен — как то, прежде всего, Робин и Мэриан. Тут следует добавить случай Мельникова Сына, который в одних текстах именуется Мук — что может ассоциироваться с дюжей маскулинностью или джеффоподобностью, — а в других Мидж, то есть известным ласкательным прозвищем невысоких женщин. Вообще говоря, мы должны иметь в виду, что в пасторальных сообществах со значительным численным превосходством мужчин над женщинами однополые интимные связи, дополняемые либеральной этикой, являются исторической нормой. Подобное поведение сопровождается элементами трансвестизма, порой ритуального, порой, э-э-э, не ритуального. Также мне хотелось бы отметить — хотя я вполне

пойму, если эту концепцию Комитет развивать откажется, — что пасторальные сообщества этого вымышленного мира наверняка ублажали бы себя и скотоложством. В данной ситуации наиболее подходящими объектами для сближения были бы олени и гуси; с лебедями сложнее, а кабаны, по очевидным причинам, не подходят вообще... Что же касается исторических данных, подтверждающих гипотезу о гомосексуальной ориентации шайки, ключевым тут является случай девы Мэриан. Согласно дошедшим до нас обрывочным сведениям, Мэриан, урожденная Матильда Фицуотер, формально вступила в брак с Робин Гудом, причем церемонию венчания проводил брат Тук — так что с церковной точки зрения законность союза выглядела весьма сомнительно. Однако консумировать брак она отказалась, пока ее супруг не будет восстановлен в социально-имущественных правах, то есть перестанет быть изгоем. Соответственно она именовала себя девой Мэриан, хранила целомудрие, носила мужскую одежду и ходила на охоту наравне с соратниками-мужчинами. Какие будут гипотезы, джентльмены и мисс Кокрейн?

Но все молчали, завороженные то ли рассказом доктора Макса, то ли живописными подробно-

стями, то ли его дерзостью, если не сказать «наглостью», по отношению к владельцу семейных газет. Сам сэр Джек хранил глубокомысленное молчание.

— По этому поводу в голову — по крайней мере, в мой несовершенный череп — тут же приходят три версии, — продолжал без запинки доктор Макс. — Первая — нейтрально-объективистская (хотя любой настоящий историк скажет вам, что нейтральный объективизм, в сущности, невозможен): дева Мэриан следовала рыцарскому кодексу тех времен в своем его понимании. Версия вторая: то была уловка с целью избежать дефлораций. Из исторических источников остается неясным, предполагал ли обет целомудрия отказ от нонпенетративных видов секса, к примеру орального. Возможно, Мэриан стремилась угнаться за двумя зайцами. И версия третья: Матильда Фицуотер, являясь в глазах закона и церкви особой женского пола, в биологическом плане являлась мужчиной; формальную лазейку в рыцарском кодексе она использовала, дабы избежать разоблачения. Несомненно, вы, затаив дух, ждете моего мнения о всех этих гипотезах. Мое заключение таково: мне лично глубоко все равно; работа над этим докладом оскорбила мою

профессиональную гордость, как никогда еще в жизни, а мое прошение об отставке вы получите по почте. Благодарю вас, джентльмены, мисс Кокрейн и господин Председатель.

После этого доктор Макс встал и изящной прыгучей походкой покинул комнату. Все ждали вердикта сэра Дж ека. Но Председатель, вопреки своим правилам, абстрагировался от происходящего. Наконец Джефф произнес:

— Самострел, я бы сказал. Дезертир.

Сэр Джек, встрепенувшись, пожал плечами.

— Значит, вы бы так сказали, Джефф?

Разработчик Концепций сообразил, что ухватился за слишком легкое объяснение.

— Я же, — продолжал сэр Джек, — сказал бы, что доклад доктора Макса был более чем конструктивным. Скандальным — оно, конечно, порой на грани гнусности. Но я стал тем, чем стал, не потому, что брал на работу подхалимов, да, Марко?

— Нет.

— Или в данном случае ваше «нет» означает «да»? Ну да ладно.

Заседание продолжалось. Сэр Джек задал курс. Джефф надулся. Марту мучила совесть из-за доктора Макса. Марк, будучи прирожденным флюгером, поддержал идею широкого набора

служащих из числа геев и представителей нацменьшинств. Также он согласился с тем, что следует более детально исследовать предположение, что профессия разбойника давала людям с ограниченными возможностями шанс на полноценную жизнь — в противоположность нынешнему социуму, где такие люди, как правило, остаются невостребованными. Ибо у кого лучше всего развит нюх, если не у людей с ослабленным зрением? Кто лучше всех выдержит пытки, если не глухонемой?

В журнал было внесено и финальное предложение. Не учредить ли в Шервудском лесу две разные шайки, связанные общей идеологией, но автономные: традиционную чисто мужскую, ориентированную на меньшинства организацию во главе с Робин Гудом; и сепаратистскую женскую группировку под началом девы Мэриан? Этот вопрос предстояло обдумать.

Когда все начали расходиться, сэр Джек поманил пальцем Разработчика Концепций.

— Джефф, кстати, вы сознаете, что я возлагаю на вас всю ответственность?

— Спасибо, сэр Джек.

— Хорошо. — Сэр Джек обернулся к новейшей Сюзи.

— Э-э... Извините, сэр Джек. А за что?

— Что «за что»?

— За что, собственно, на меня возложена вся ответственность?

— За то, чтобы доктор Макс продолжал вносить свой посильный вклад в наш банк идей. Догоните его, дубина.

* * *

— Виктор, — проговорила тетушка Мэй. — Какой приятный сюрприз!

И пошире распахнула перед ним дверь «Ардоха». Некоторые племянники предпочитали, чтобы им открывала горничная — и не просто горничная, а именно та, которую они заказывали. Но племянник Виктор любил, чтобы все было как полагается, — раз это дом тетушки Мэй, то пусть она сама и открывает.

— Я тебе бутылочку шерри принес, — объявил сэр Джек.

— Какой же у меня внимательный племянник, таких просто не бывает. — Сегодня она была элегантной дамой в твидовом костюме с серебристыми, слегка подсиненными волосами; а завтра Тетушка, оставшись Тетушкой, изменится неузнаваемо. — Попозже откроем. — Она

знала, что в бумажном пакете также лежит нужное количество бумажек по тысяче евро. — Когда ты приходишь, у меня сразу на сердце легче становится.

Это была правда. Некоторые девушки хныкали, что дело не стоит надбавки — почему это Виктору позволено то, чего нельзя другим? Что ж, недолго еще он будет им докучать; да и у нее хлопот поубавится, а то не больно-то легко каждые два-три месяца подыскивать новую Хайди.

— Тетенька, можно я пойду поиграю?

Среди племянников Виктор выделялся тем, что быстрее всех приступал к делу. Он знал, что ему нужно, когда и под каким соусом. В этом смысле она будет по нему скучать. Иногда с новым племянником целый век промучаешься, пока выдавишь из него его пожелания. Пытаешься им помочь, угадать и иногда ошибаешься. А они ноют: «Ну во-от, вы все испортили...»

— Да, Виктор, иди поиграй, милый. А я ненадолго прилягу. У меня был очень утомительный день.

Сэр Джек направился к лестнице — уже совсем другой походкой. Ягодицы потяжелели, коленки подгибались, ноги выворачивались носками наружу. Он спустился по ступеням бочком, впе-

ревалочку, чуть ли не падая. Но он удерживал равновесие; он теперь большой мальчик, а большие мальчики знают, куда идти. В первый раз тетушка Мэй пыталась его проводить, но он это пресек.

Детская — двенадцать на семь метров, ярко освещенная, с прелестными картинками на желтых стенах. В ней царили два предмета: деревянный манеж полутораметровой высоты, площадью три квадратных метра, и коляска — два с половиной метра в длину, на колесах с толстыми спицами и прочными осями. Кузов коляски окаймляли фестоны в виде «Юнион-Джеков» — государственных флагов Великобритании. Крошка Виктор отрегулировал выключателями, размещенными над гигантским плинтусом на высоте колена, яркость света и громкость шипения газового рожка. Повесил костюм на вешалку, а рубашку и белье швырнул на лошадку-качалку. Когда он подрастет, будет качаться на лошадке, но пока он еще маленький.

Раздевшись догола, он отодвинул медную задвижку манежа и вошел внутрь. На пластмассовом подносе лежало, трепеща, зеленое желе, только что из формы, полуметровой высоты. Иногда ему нравилось ронять желе на пузико. Иногда

ему нравилось хватать его и кидать в стену; тогда его ругали и шлепали. Сегодня желе его не соблазнило. Он лег навзничь и закопался в мохнатый розовый ковер, по-лягушачьи вывернув коленки. Потом, полуобернувшись, уставился на великанский комод. Высоченная стопка пеленок, метровый пузырек с детским маслом, такая же банка присыпки. Тетушка Мэй знает, что делает. Не сразу он ее нашел, но она стоит своей цены до последнего евро.

В нужный момент дверь детской отворилась.

— Крошка! Крошка Виктор!

— Агу-гу-гу-гу!

— Крошка-голопопка. Наденем на попку пеленку.

— Пелека, — мурлыкал сэр Джек. — Пеле-е-е-ка!

— Хоро-о-шая пелека, — подтвердила Люси.

Она была одета в свежеотглаженную коричневую форму няни; на самом деле ее звали Тестер; втайне от тетушки Мэй она писала докторскую по психологии секса в Ридингском университете. Но здесь ее называли Люси и платили наличными. Взяв с комода неохватную банку с присыпкой, она поставила ее на перила манежа. Из отверстий диаметром с носик чайника посыпалась аромат-

ная присыпка; Виктор на радостях пускал пузыри и вертелся волчком. Помедлив, нянюшка начала щеткой из верблюжьей шерсти, надетой на палку от швабры, натирать кожу Крошки присыпкой. Он перевернулся на спинку, и она присыпала его с другой стороны. Затем взяла с комода пеленку — хотя вообще-то это была махровая простыня. Сэр Джек делал вид, будто не помогает нянюшке, а Люси — будто без труда ворочает по упругой простыне тучное тело. Крошка артистично сучил ногами, пока Люси обворачивала его пеленкой и застегивала ее полуметровой медной булавкой. Как правило, крошки предпочитали памперсы на липучках; один лишь звук отдираемой липучки действовал на них мгновенно. Но Крошка Виктор выбрал пеленки из полотенец и булавки. Тестер задумалась, каким было детство, которое они сейчас на пару разыгрывали заново, кто были его родители — «зеленые», упертые бытовые консерваторы или просто-напросто бедняки?

— Крошка хочет ням? — спросила Люси.

Также этот Крошка любил старомодное сюсюканье. Другие нуждались во фразах взрослого толка — вероятно, это означало, что с ними с рождения обращались как со взрослыми, лишая аутентичного опыта грудничка, потому-то они

и стремятся теперь наверстать упущенное; но также это могло указывать на желание контролировать ситуацию по-взрослому или же неспособность регрессировать еще дальше.

— Может быть, Крошка хочет, чтобы ему сменили пеленку? — произносила няня, подходя к грамматике совершенно серьезно. Но этот Крошка требовал считать его Крошкой до мозга костей. Матерчатые пеленки, натуральные междометия и... и все остальное, то, о чем она в данный момент предпочитала не думать.

— Крошка ням хочет? — повторила Люси.

— Сисю, — пробурчал он. Для трехмесячного младенца речь развита просто на диво; но жизнеподобная невнятность в выражениях слишком затруднила бы работу.

Она высунулась за дверь и вскричала: «Крошка хочет ня-ям!» — специально отрепетированным тоном, благостным и двусмысленно-задорным одновременно. В двух метрах над ее головой Гэри Джеймс радостно показал сам себе два больших пальца, восхищенный качеством звука. Гэри увидел на экране, как Люси вышла в коридор, а сэр Джек встал в манежике. Переставляя неуклюжие ножки, вперевалочку, с отвисшим задом, он прошлепал к комоду, рванул на себя нижний

ящик и вытащил чепчик в голубую клеточку. Завязав под подбородком тесемки, он решительно вскарабкался по стальной лесенке в коляску и бухнулся в кузов. Коляска закачалась на рессорах, как океанский лайнер — на волнах, но с места не стронулась. Тетушка Мэй не зря каждый раз проверяла, крепко ли она привинчена к полу.

Сидя под поднятым тентом коляски, глядя на трепещущие «Юнион-Джеки», сэр Джек начал хныкать и скалить зубки. Спустя какое-то время рев прекратился, и — почти таким же тоном, как в своем рабочем кабинете — он возопил:

— СИСЮ!

То был знак, по которому в детскую вбежала Хайди. Всех кормящих матерей, работавших у тетушки Мэй, звали Хайди; такова была традиция. У данной Хайди молоко уже истощалось, а может, ей просто надоело подставлять свои груди чавкающим седым Крошкам; в л юбом случае через неделю-две ее придется заменить. То была главная закавыка в работе тетушки Мэй. Однажды, совсем отчаявшись, она взяла Хайди ямайского происхождения. Ох, какую истерику закатил Крошка Виктор! Ужасный вышел ляп.

Также Виктор настаивал на благопристойном лифчике для кормления. Некоторым Крошкам

нравились кормилицы-топлес, этакие стриптизерки; но Крошка Виктор старался быть хорошим Крошкой. Хайди, с заплетенными в «колосок» мелированными волосами, чуть-чуть выпростала блузу из-под своей юбки в тирольском стиле, взобралась по лестнице к коляске, расстегнула пуговицы и сняла колпачок, прикрывающий сосок. Сэр Джек, вновь промурчав: «Сися», вытянул губы трубочкой, чтобы получился как бы ротик с голыми деснами, и впился в оголенный сосок. Хайди осторожно надавила на свою грудь; Виктор, подняв свою лопатообразную ручонку, прижал ладонь к чашке лифчика и зажмурился, наслаждаясь. Спустя несколько нескончаемых минут Хайди убрала сосок, брызнув молоком ему на щечки, и дала Крошке другую грудь. Она давила, а он вновь сосал своим детским ротиком, шумно глотая. Чтобы кормить его этой грудью, Хайди пришлось неловко перегнуться — ужас, что за работа. Наконец он открыл глаза, словно после глубокого сна, и нежно отпихнул ее. Еще чуть-чуть опрыскав его молоком, Хайди предположила, что он почти готов. Она знала: он предпочитает, чтобы молоко вытирала Люси. Вновь упрятав соски в колпачки, Хайди застегнула блузу и небрежно скользнула рукой по

пеленке, под которой что-то топорщилось. Да, Крошка Виктор в нужной кондиции.

Хайди вышла из детской. Сэр Джек захныкал — сначала вполголоса, затем все громче. Наконец он взревел: «ПЕЛЕКА!», и Люси — ожидавшая за дверью, держа руки в тазике с ледяной водой — поспешила на зов.

— Намочил пелеку? — спросила она встревоженно. — Крошка намочил пелеку? Ну-ка, няня посмотрит.

Пощекотав Крошке Виктору пузико, она медленно, осторожно, шаловливо расстегнула булавку. У сэра Джека стояло в полный рост. Холодные руки Люси ощупали его член и все вокруг.

— Пелека не сырая, — произнесла она озадаченно. — Крошка Виктор не сырой.

Сэр Джек вновь расхныкался, намекая, чтобы она искала другие причины. Она утерла с его бычьих щек молоко Хайди, затем нежно потискала его мошонку. Наконец ее словно бы осенило.

— У Крошки зудит? — спросила она себя вслух.

— Удит, — повторил Виктор. — Удит.

Люси принесла бутыль с детским маслом.

— Зудит, — произнесла она жалостливо. — Бедный Крошка. А вот няня сейчас — и все пройдет!

Запрокинув бутыль, она полила маслом горо-

подобный живот Крошки Виктора, его слоновьи ляжки и то, что они оба притворно считали его «пипиською-малыською». Затем она начала растирать Крошку.

— Крошка, хорошо я тебя тру?

— Ух... ух... ух, — бормотал сэр Джек, диктуя ритм.

С этого момента Люси старалась на него не смотреть. Вначале она пыталась быть объективной: в конце концов, ее зовут Тестер, а это — полезная, хорошо оплачиваемая работа и практика одновременно. Но она обнаружила, что странным образом может полностью абстрагироваться от происходящего, лишь уходя в свои обязанности с головой, убедив себя, что она и вправду Люси, а перед ней, голый, в одном голубом чепчике, отшвырнув пеленку, лежит самый настоящий Крошка Виктор.

— Ух... ух... — продолжал он, пока Люси брызгала маслом на его анус. — Ух... ух... — Он выпятил ляжки, намекая, чтобы она получше смазала яички. — Ух... ух, — потише, чуть более ворчливо, что означало «вот так правильно». Затем, громко, по-взрослому рыча, он сообщил: — Ка.

— Крошка хочет какать? — спросила она поощрительным тоном, словно не была до конца

уверена в его способности совершить это подвластное лишь самым замечательным Крошкам деяние.

Некоторые Крошки предпочитали, чтобы им говорили: «Нельзя какать», и слушались. Другие хотели услышать «Нельзя какать», чтобы насладиться своим правонарушением. Но Крошка Виктор был настоящим Крошкой; его настойчивые требования не имели никакого тайного подтекста. Финал близится, понимала Люси.

Ляжки напряглись, Люси надавила своими блестящими руками, и сэр Джек Питмен, предприниматель, новатор, генератор идей, покровитель искусств, волшебник, созидающий очаги кипучей жизни на месте заброшенных руин, сэр Джек Питмен, не просто бизнесмен, но Бизнес-Супермен, сэр Джек Питмен, пророк, мечтатель, человек действия и патриот, издал гортанное крещендо, которое завершилось громовым сфорцандо: «КА-А-А-А-А-А-А-А!!!» Он испустил трескучие ветры, обдал спермой ладони Люси и эффектно обкакал пеленку.

Некоторые Крошки любят, чтобы их подмывали, вытирали, сушили и присыпали тальком, что обходится в еще несколько тысяч евро надбавки и не особенно нравится девушкам. Но в дан-

ном случае Люси может быть свободна; Крошка Виктор предпочитает, чтобы в этот момент его оставляли одного. Финальная сцена фильма была такова: выпрыгнув из коляски и мужая на каждом шагу, он направляется в душ. Как сэр Джек одевается, Гэри Джеймс запечатлеть поленился — возможно, его раздражали медлительность или нарциссизм этого процесса.

Тетушка Мэй, как всегда, проводила Виктора до двери, поблагодарила за шерри и выразила надежду, что в будущем месяце увидит его вновь. «Придет ли он?» — гадала она про себя. Ей не хотелось терять одного из самых постоянных племянников. Однако если он имел отношение к той ужасной бойне... а полковник Джеймс был диво как щедр... и эти фестоны для коляски, их же не упомнишь... да и девушки сранок не любят. Говорят, что даже для Крошек — это уж слишком...

Сэр Джек медленной рысью покинул «Ардох» и, насвистывая, достиг своего лимузина. Он чувствовал себя помолодевшим. Вуди, зажав под мышкой фуражку, уже распахивал дверцу. Соль земли — Вуди и ему подобные. Отличный шофер; и предан как собака. Не чета молодому Харрисону — в кои-то веки тому выпал шанс повозить сэра Джека, а он нос задрал. Харрисону — лишь

бы домой свалить да с мисс Кокрейн покувыркаться. А эта — футы-нуты-интриганка, решила растлить Хранителя его Мыслей. И все же даже краткое размышление об их убогих сношениях не поколебало его благодушия. Преданность. Да, у дома надо будет дать Вуди хорошие чаевые. А что послушаем по дороге? Может, Седьмую? Поддерживает в тебе бодрость, если ты и так в духе, снимает печаль, когда грустишь. Да, Седьмую. Старина Людвиг свое дело знал.

Королевский самолет, пилотируемый его величеством, вылетев из Норхольта, взял курс на Вентнор. Так считал его величество — и, в общем, не ошибался. Но после ряда аварий с участием особ королевской крови была введена в действие система особого контроля. Официальный второй пилот теперь присутствовал в кабине лишь для проформы — его нецелесообразность доказал принц Рик, по трагической случайности спалив дотла детский садик. Сложив руки на коленях, он должен был улыбаться и поддакивать, дабы король-пилот смотрел на него свысока. Однако же навигационные решения короля выполнялись с легким запаздыванием — вначале они поступали в Олдершот, где их визировал и практически осуществлял сам Главнокомандующий

ВВС. Сегодня, при чистом небосклоне и легком юго-западном бризе, его величество вел машину практически сам. Олдершот почти что отдыхал; а второй пилот, улыбаясь благостному пейзажу, дожидался встречи с эскортом, назначенной чуть западнее Чичестера.

И вот они вынырнули из-за горизонта, курносые и дребезжащие, два «спитфайра» и один «харрикейн» — покачивая закругленными крыльями, готовые проводить летящую быстрее молвы сверхсовременную машину его величества на Остров, где сегодня должно было состояться Торжественное Открытие. Олдершот, временно перехватив штурвал, сбавил скорость до оговоренного темпа. «Спитфайры» пристроились по бокам, «харрикейн» же прикрыл его величество с хвоста.

Сверхсовременная радиоаппаратура, осуществлявшая связь между истребителями, накладывала на переговоры летчиков исторически верные звуки трескучих помех.

— Сэр, докладывает командир эскадрильи Джонстон, позывной «Джонни». По левому крылу вас сопровождает командир звена Смит, позывной «Не-Спит», а по правому — лейтенант ВВС Догсон, позывной «Дог».

— Добро пожаловать на борт, джентльмены, — ответил его величество. — Ну что, расслабимся и оттянемся? До связи?

— До связи, сэр.

— Чисто из любопытства, о какой связи речь, господин комэск?

— О радиосвязи, ваше величество.

— Уж не о внебрачной ли?

— Простите, ваше величество, не пойму, о чем вы.

— Шучу, комэск, шучу. Сеанс окончен.

Покосившись на второго пилота, его величество разочарованно встряхнул головой. Сегодняшнее утро во дворце началось со сценарной планерки; ожидая вылета, он репетировал текст с Денизой, и та просто уссывалась. Дениза — настоящий друг, товарищ и сестр. Но публика, оказывается, не врубилась. На фиг, спрашивается, сценаристы получают свои бабки?

В районе Селси под крыльями открылось море. Ла-Манш. Они взяли курс на юго-запад.

— Ну что: дивный сей алмаз в серебряной оправе океана? — риторически спросил его величество у второго пилота.

— Верно сказано, сэр, — кивнул тот невозмутимо, словно привык слышать от короля такие

фразы каждую минуту.

Маленькая эскадрилья летела над волнами. Король всегда впадал в легкую меланхолию, осознавая, как недалеко до моря, как мало его королевство по сравнению с былыми владениями предков. Всего несколько поколений назад его прапра-не-упомнишь-сколько-прабабка царствовала на трети земного шара. Во дворце его воспитатели, находившие у подростка легкий комплекс неполноценности, частенько доставали с полок потрепанные атласы, дабы продемонстрировать ему, каким розовым был когда-то мир, какое великое наследие получил он по праву рождения. Ну и где все это? Справедливость и великолепие, спокойствие и сила, славное звание «Самой Крупной Шишки», мат ь вашу, — все куда-то кануло. Спасибо вам большое, господа Иностранцы! Теперь ютимся на пятачке, курицу выгнать некуда; старый король Альфред, ну, который лепешки сжег, и тот больше имел. Как любил говорить его величество Денизе: если Англия не возьмется за ум, придется вслед за Альфом податься в хлебопеки.

Он все время отвлекался; порой ему казалось, что самолет летит сам собой. Тут в его ушные перепонки ударил дикий треск.

— На трехчасовом румбе бандиты, сэр.

Его величество посмотрел туда, куда указал второй пилот. Впереди, перпендикулярно их курсу, летел маленький самолетик, за которым тянулось длинное полотнище. «СЭНДИ ДЕКСТЕР И ГАЗЕТА “ДЕЙЛИ” ПРИВЕТСТВУЮТ РАДЖУ», — прочел он.

— Вот ведь хренотень, — пробурчал под нос король. Обернувшись, он прокричал в распахнутую дверь салона: — Эй, Дениза, иди глянь, какая хренотень.

Королева, игравшая в скребл, собрала фишки в ладошку (вдруг фрейлине захочется сжульничать!) и всунула голову в кабину.

— Хренотень, — заявила ее величество. — Вот ведь хренотень.

Им обоим Сэнди Декстер был абсолютно не нужен. По общему мнению его и ее величеств, Декстер был грязный подонок, а «Дейли» не годилась даже на подтирки в деревенском нужнике. Естественно, «Дейли» читали, таясь друг от друга, оба: надо же знать, какой гнусной клеветой пичкают их доверчивых подданных. И потому королева Дениза узнала о регулярных визитах супруга к этой суке, каких мало, той самой, которой груди в Америке делали, — к Дафне

Лоустофт. Пусть только сунется во дворец при Денизе — она ей свою пластическую хирургию устроит! Тем временем именно газета «Дейли» оповестила короля, что внезапный и похвальный интерес его супруги к защите дельфинов разделяет некто с аквалангом, чье имя его величеству было больно даже произнести. Удивительно, как подчеркивают фигуру резиновые костюмы для аквалангистов, — реклама не врет.

Теперь же они узрели, как маленький «апаш» Декстера, развернувшись, вновь пошел им наперерез. Его величество без труда вообразил, как подлая ищейка, хихикая, указывает фотографу, куда направить бесстыжее око телеобъектива. Снимок кабины у них наверняка уже есть.

— Хорек-Королек, — взмолилась королева. — Сделай что-нибудь.

— Вот ведь хре-но-тень, — повторил король. — Как нам отделаться от этого грязного подонка?

— Вас понял, сэр.

Комэск Джонстон (позывной «Джонни»), набрав высоту, взял курс на перехват и вскоре настиг «апаша» с возмутительным хвостом. Ну что, в петуха и курицу сыграем? Тут же Джонстон подумал: «А не припугнуть ли писаку по-настоящему?» От вчерашней репетиции «Битвы за

Британию» в бортовом пулемете оставался еще кое-какой боезапас. Всадить, что ли, пыж ему в задницу? Авось обкакается. Журналюги хреновы.

«Харрикейн» наседал «апашу» на хвост. Крикнув в шлемофон: «Этот — мой!» — Джонстон поймал цель в прицел, нажал гашетку и почувствовал всем телом, как задрожал самолет, выпуская две восьмисекундные очереди. Джонстон резко задрал нос самолета, как советовал учебник, и захихикал себе под нос, но тут радиомолчание прервал до боли знакомый голос «Не-Спита» Смита.

— Ни хера себе... — протянул он, не скрывая эмоций.

Комэск оглянулся. Вначале он не увидел ничего, кроме разрастающегося огненного шара. Медленно-медленно шар превратился в череду отвесно падающих обломков, над которой свободно парило нетронутое полотнище с приветствием. Парашютов не было видно. Время ползло как улитка. В эфире воцарилась полная тишина. Пилоты и пассажиры королевской эскадрильи провожали обломки «апаша» глазами, пока те не ударились о далекую водную гладь и, слегка подпрыгнув, затонули.

Джонстон-«Джонни» вновь прикрыл королев-

ский самолет с хвоста. Из дымки постепенно проступили очертания скалистого восточного побережья Острова. Затем послышался голос лейтенанта Догсона-«Дога».

— Запишите в бортовой журнал, шкипер, — заявил он. — По моему мнению, у него отказал двигатель.

— Фриц на свою бомбу сел, — добавил Смит-«Не-Спит».

Последовала долгая пауза. Наконец в эфир вышел его величество, осмысливший инцидент.

— Мои поздравления, комэск. Бандитам указали на место, я бы сказал.

А королева Дениза, одолжив три буквы у фрейлины, звонко плюхнула на приборный щиток слово «ПОДОНОК».

— Проще пареной репы, сэр, — ответил Джонстон-«Джонни», припомнив свою финальную реплику из «Битвы за Британию».

— Но я бы напомнил, что болтун — находка для шпиона, — добавил его величество.

— Болтун — находка для шпиона, сэр.

Эскадрилья начала снижаться, делая круг над Вентнорским аэропортом, и получила разрешение на посадку. Когда дверь самолета распахнулась и духовой оркестр грянул «Королевский

марш», его величество попытался припомнить, что же такого, собственно, сказал. Почему комэск, внезапно озверев, расстрелял Сэнди Декстера над Ла-Маншем? Как ужасно всегда находиться в центре общественного внимания: самые безобидные слова понимают не так. Тем временем командир эскадрильи гадал, кто и как умудрился заменить холостые патроны боевыми.

* * *

Отряд дюжих парашютистов в раздутых кринолинах, с плетеными корзинками, которые были доверху наполнены резиновыми, надежно склеенными яйцами, слетел с безветренных небес к деревенской общинной лужайке, что расстилалась перед Букингемским дворцом.

— Господи ты Бетси! — взревел с трибуны сэр Джек.

Его величество, стоявший рядом, изнывал от усталости. День был жаркий; кроме того, на дне его души все еще не утихали угрызения совести из-за вчерашнего воздушного боя с Сэнди Декстером. Дениза, правда, головы не потеряла; молодец Дениза — лучший друг, товарищ и сестр. Но сам король втайне чуть-чуть расстроился — все-таки нехорошо сбивать журналистов — и

даже спросил своего референта, нельзя ли помочь вдове Декстера анонимным пожертвованием. Референт обратился к пресс-секретарю, который доложил, что к семейным узам Декстер, судя по всему, не стремился — если честно, кое-какие его наклонности этому препятствовали, — что несколько утешило его величество.

Плюс — торжественная встреча в аэропорту; конечно, Остров — место необычное, вот только приветствие сэра Джека Питмена мало чем отличалось от приветствий некоторых президентов, чьи имена он тактично утаит... хорошо еще, Питмен не полез целоваться. Потом прокатились на вертолете. Остров с птичьего полета — ну, это было еще ничего, забавно. Этакий видеодайджест Англии: вот Биг-Бен и тут же — музей Шекспира в доме Анны Хэтуэй, а рядышком меловые скалы Дувра, стадион Уэмбли, Стоунхендж, родной старый дворец и Шервудский лес. Робин Гуду они послали сообщение на пейджер; в ответ разбойники обстреляли вертолет из луков.

— Бессовестные канальи, — проорал Питмен, — сладу с ними нет.

Его величество засмеялся первым и, выказывая свое знаменитое королевское хладнокровие, сострил в ответ:

— Хорошо еще, вы им зениток не дали.

Потом был бесконечный строй рук, протягиваемых для пожатия, всякой твари минимум по штуке — Шекспир и Фрэнсис Дрейк, ослик Мафин и ветераны из госпиталя в Челси, и целая футбольная команда, и доктор Джонсон (кошмарный, кажись, тип), Нелл Гвинн, Боадицея и больше сотни далматинцев, мать их за ногу. Странное это дело — здороваться за руку с собственной прапра-не-упомнишь-сколько-прабабкой, тем более когда она шуток не понимает и строит из себя королеву-императрицу. И кстати, еще неясно, хорошо ли это — представлять ему Оливера Кромвеля. В сущности, большой моветон. А вот Нелл Гвинн — ого-го-девка, подумал он, эта самая штучка с вырезом и апельсины, знаете ли... Но Дениза умудрилась как-то так спросить: «Думаешь, они настоящие?» — словно холодной водой обдала. Все-таки стервоза она, эта Дениза; лучший друг, товарищ и сестр, но иногда стервенеет чисто так. Если бы не ее острый нюх на косметическую коррекцию... а в том, что касалось косметической коррекции, его величество был человеком старой закалки, то есть мог любоваться красотой лишь в той мере, в какой не подозревал о ее рукотворном происхождении. Перед его мысленным взором

развернулась сцена: шаловливая возня, апельсины катятся под кровать, дружище Хорек-Королек заявляет... как там говорят лягушатники?.. право сеньора... и в самый неподходящий момент в голове всплывают слова Денизы: «Думаешь, они настоящие?» Вот облом бы вышел.

Ланч. Куда ни приезжаешь, от ланча никуда не деться. Данный прошел бы лучше, если бы ему поменьше подливали эджстоунского вина, которым, как заключил его величество, Остров гордится зря. Затем — многочасовое стояние на почетной трибуне под жгучими лучами солнца. Мимо промаршировали гвардейцы, проехала колонна празднично украшенных лондонских такси (откровенно говоря, все равно что у окна в Бук-хаусе стоять), проползли исторические «живые картины» и карнавальные колесницы, стонущие под грузом мифов. Он увидел бифитеров и малиновок шестифутового роста, слаженно пляшущих на снегу, который почему-то не таял от зноя. Он внимал духовым и симфоническим оркестрам, рок-группам и оперным дивам — все это были виртуальные проекции. Прогарцевала на коне леди Годива, и из невинного любопытства он поднес к глазам бинокль — надо же было проверить, виртуальная она или нет? Получив

тычок в левый бок, он повелительно поднял царственную шуйцу, призывая королеву к молчанию. Впрочем, на людях Дениза знала свое место, и обошлось без гадких фразочек о целлюлите и подтяжках. Да, леди Годива — это класс.

— Повезло лошадке, — шепнул он мистеру Питмену, стоявшему справа.

— Верно, ваше величество. Но, позвольте добавить, я сам человек семейный.

Бли-и-ин! Что ж это на него сегодня все ополчились? Вот и утром, когда облетали Остров, специально сделали крюк к какому-то Мемориальному пруду. Подумаешь, деревенский пруд с утками и плакучими ивами! Но толстяк хозяин, закатив глаза, понес байду не хуже архиепископа Кентерберийского.

И вот теперь эти спецназовцы, или кто они там, все как один наряженные бабами, держа корзинки яиц, спускались на парашютах чуть ли не ему на голову под звуки какой-то патриотической фонограммы. Поди знай, кого они изображают — нить сюжета он давно уже потерял. Сперва был типа как «Королевский турнир»[33], а потом вообще чушь собачья. Он вовсе не удивился бы, если

[33] Примечания: 33

Королевский турнир — ежегодная демонстрация военного мастерства, проводится в Лондоне.

бы все человечество плюс весь мир животных и еще миллион человек в костюмах растений прошли мимо него гуськом, требуя, чтобы он поздоровался с каждым за руку и словесно, одновременно вешая на всякую шею по медали. Эджстоунское бурлило в желудке; музыка рвала уши.

Но гены Виндзоров были даны ему не зря. Предки передали по наследству несколько профессиональных хитростей. «Не откладывай визит в уборную на потом» — гласило Правило Номер Раз. Правило Номер Два: «Переступай с ноги на ногу — пока на одну опираешься, другая отдыхает». Правило Номер Три открыла Дениза: «Всегда хвали то, что не откажешься позднее принять в подарок». А Правило Номер Четыре изобрел он сам: «Когда вконец затошнит от всей этой мутотени, когда совсем уже подохнешь со скуки, повернись к хозяину, — тут он повернулся к Питмену, — и скажи погромче, чтобы вокруг все слышали: “Отличное шоу”».

— Спасибо, ваше величество.

Покончив с комплиментами, король понизил голос:

— И отличная, извините за дерзость, леди Годива. Просто класс.

Сэр Джек продолжал глядеть перед собой, наблюдая, как трансвеститы из спецназа сворачивают свои парашюты. И всякий подумал бы, что сэр Джек именно их имел в виду, когда сказал:

— Она большая ваша поклонница, ваше величество, если вы меня извините за дерзость.

Фу-ты ну-ты! Старый ханжа. Что ж, авось день не пропадет зазря. Возможно, Денизе понадобится раньше срока вылететь домой.

— Никаких речей ни при какой погоде, — продолжал сэр Джек по-прежнему вполголоса. Вот ведь хрень какая! Дедуля буквально мысли читает! — Ну разве что сами захотите. Никаких налогов. Никакой желтой прессы. Нерегулярные появления королевских особ на публике, хотя большую часть бремени возьмут на себя отлично подготовленные двойники. Никаких занудных встреч на высшем уровне. Разве что сами захотите повидаться с кем-то, и я вполне пойму: родственный долг — дело серьезное. И разумеется, СТРОГО никаких велосипедов.

Короля предостерегали от каких бы то ни было прямых переговоров с Питменом, прослывшим скользким типом, а потому его величество ограничился фразой:

— Знаете, в велосипедах есть что-то весьма неприличное. Колени, знаете, как-то так торчат...

— Двойное остекление, — продолжал сэр Джек, указав подбородком на Букингемский дворец. Как ни странно, в половинную величину здание смотрелось лучше. — Спутниковая антенна, кабель, цифровое телевидение. Бесплатная телефонная связь со всем миром.

— И что с того?

Последнее замечание покоробило короля своей бесцеремонностью. Он воспринял его как бестактный намек на тот факт, что после последнего вотума порицания, вынесенного палатой общин, в Бук-хаусе были установлены таксофоны. Нет, хватит! Хватит с него этой жарищи, этого назойливого хозяина и этого хренова вина.

— А почему вы думаете, что меня хоть капельку волнуют эти несчастные телефонные счета?

— Не сомневаюсь, что они вас не волнуют, ваше величество, не сомневаюсь. Мне просто подумалось, что не очень-то удобно бегать к автомату каждый раз, когда необходимо отправить ВВС в атаку. Если вы улавливаете мой намек.

Король продемонстрировал сэру Джеку свой строгий медальный профиль, покручивая на

пальце кольцо с печаткой. «Если вы улавливаете мой намек». Тут и захочешь не уловить, ничего не выйдет. Все равно, как попасть под ветры Денизиных мастифов.

— А вот и они. Легки на помине.

Король задумался, получил ли этот продувной Питмен какой-то сигнал или ему просто повезло. Неясно. Но, словно по заказу, в небе появились два «спитфайра» и один «харрикейн», пилотируемые, как подтвердил голос из репродукторов, лейтенантом Догсоном-«Догом», командиром звена Смитом-«Не-Спитом» и командиром эскадрильи Джонсоном-«Джонни». Снизившись, они пронеслись на бреющем над почетной трибуной, покачали крыльями, сделали несколько «бочек», и «мертвых петель», постреляли холостыми и выпустили красно-бело-синюю дымовую завесу.

— Чисто из спортивного интереса, — проговорил король, — и не в обиду вам, как постоянно выражаются мои многоученые советники. Дома меня в случае чего всегда защитит целая армия, ВМС и ВВС, черт подери. А тут у вас — три музейные колымаги с рогатками. Думаете, господ Иностранцев ими припугнешь?

Сэр Джек, распорядившийся зафиксировать беседу, остался доволен фразой, которую под

давлением обстоятельств можно было бы использовать как очередной недипломатичный ляп его величества. Пока же он просто взял ее на заметку вкупе с ворчливостью короля, его любовью к алкоголю, пресыщенностью и похотливостью.

— Не в обиду вам, ваше величество, — ответил он, — э-э-э, признаюсь, я предпочел бы отложить подобные дебаты до моей следующей встречи с вашими многоучеными советниками... и все же сболтну, что вы бы очень удивились, узнав, как дешево в наше время стать ядерной державой.

Королева Дениза вылетела в метрополию на следующий день, чтобы вернуться к своей благотворительной деятельности. Король отменил рабочий завтрак, придя к решению, что на «переговорах о переговорах» наметился прорыв в сторону собственно переговоров, требующий его личного присутствия. Леди Годива оказалась ярой патриоткой, а ее тело, насколько он мог судить, не знало ни целлюлита, ни скальпеля пластического хирурга.

Как сообщила лондонская «Таймс», ныне выходящая в Райде, в четырех разных бортовых журналах появились совпадающие между собой во всех подробностях записи о том, что три дня назад в десяти милях южнее Селси-Билл видели

неопознанный легкий самолет. Все очевидцы сообщали, что машина неожиданно потеряла управление. Надежды на то, что уцелел кто-то из находившихся на борту людей, не было. «Таймс» подтвердил, что страна потеряла известного миллионам читателей деятеля желтой прессы и видного фотографа, скандально знаменитого своими драками с представителями высшего света. Корпорация «Питко» сделала специальное заявление, подтверждающее, что останки самолета затонули в территориальных водах Острова и что могилам во веки веков будет оказываться должное почтение. Два дня спустя, когда переговоры завершились с положительным исходом, сэр Джек Питмен пролетел над местом трагедии в своем служебном вертолете. Широко улыбаясь, он скинул на волны шикарный венок.

* * *

Наиболее подходящим для атаки был сочтен день шестидесятипятилетнего юбилея сэра Джека. Сидя в своем роскошном рабочем зале — точной копии кабинета из первого «Питмен-хауса», — сэр Джек вызывающе выпячивал грудь, украшенную подтяжками с Вестминстерским дворцом. Ну и что, если он сам себе закрыл дорогу

в палату лордов? Пусть. Всякие дурни и остолопы из всяческих партий, которых он уже десятки лет осыпал более чем щедрыми пожертвованиями, упустили шанс одеть его в горностаевую мантию. Ну и пусть. Маленькие людишки вечно подставляют подножки великим; лицемеры получат по заслугам. Подумать только, давным-давно какой-то желторотый инспектор из министерства торговли и промышленности, ни черта не смыслящий в практической стороне современной коммерции, решил взлететь по служебной лестнице на дешевой фразе. Назвать сэра Джека Питмена «честным, как Ноздрев», — жалкая расистская клевета. Особенно гадостный привкус был у высказывания: «Я бы его не допустил даже бычками на базаре торговать». Тогда он приказал доставить в скромный домик инспектора в Рейгейте центнер свежих бычков — в присутствии целой своры писак, дабы унижение осталось в истории; но, увы, кажется, намек был слишком тонок. Проклятый инспектор повернул дело так, что бычки выглядели взяткой. Ситуация вышла из-под контроля, и добродушная шутка сэра Джека насчет того, что бычки — метафора такого его свойства, как конструктивное упрямство, была понята превратно.

Что ж, пришел день, когда все эти мелкотравчатые депутаты, своекорыстные министры, лицемеры и прочие людишки поймут, на кого подняли руку. Скоро он всю грудь себе медалями завесит, если захочет, дарует себе хоть сотню титулов. Что, например, сталось с родом Фортюбисских? Славное имя легко воскресить. Первый барон Фортюбисский и Бембриджский? Однако, заглядывая в глубины своей души, сэр Джек зрел там извечную простоту — да что там, аскетизм! Конечно, внешними условностями пренебрегать не следует — много было бы толку от доброго самаритянина, не имей он чем заплатить хозяину гостиницы? — но нельзя и глушить в себе человека. Нет, скорее всего, ему лучше остаться простым сэром Джеком — это как-то уместнее.

Все активы компании были переведены в оффшорные зоны, то есть спасены от мелочно-мстительного Вестминстера. Срок аренды «Питмен-хауса-1» истекал через пару месяцев, инвесторов кормили «завтраками». Конечно, со временем им перешлют кое-какие товары и движимое имущество — в случае, если правительство Великобритании не распорядится о его конфискации. На конфискацию сэр Джек скорее надеялся: тогда всех мелкотравчатых людишек и

лицемеров можно будет потащить в Международный суд. И вообще, его уже проинформировали, что большую часть офисной техники пора заменить новыми моделями. Кстати, к персоналу это тоже относится.

Робкие адъютанты сэра Джека утверждали, что не следует наносить удар по всем направлениям сразу — дескать, у прессы просто глаза разбегутся. Сэр Джек смиренно возразил: настал час Большого Взрыва; тут вам сюжет для многотомника, а не сенсация-однодневка. И вообще, как это сделать? Чтобы это сделать, надо это сделать. Итак, в тот день центр событий будет стремительно перемещаться из Рейгейта в Вентнор, из Вентнора — в Гаагу, из Гааги — в Брюссель. Для Рейгейта сэр Джек зарезервирует уголок своего сердца и два разворота в одной из своих газет. Пресловутый инспектор МТП, сделавший за последние годы отличную карьеру, сядет завтракать со своей прелестной женой — и с удивлением обнаружит среди утренней почты несколько заказных писем с адресами, написанными его собственной рукой, и южноамериканскими марками. Не успеет он закрыть дверь за балагуром-почтальоном, как вновь позвонят — и окажутся это пуритански настроенные представители Королевского тамо-

женно-акцизного управления. Последние, флаг им в руки, наделены широчайшими полномочиями в плане вторжений и обысков и, более того, очень сурово относятся — благодаря недавно проведенной кое-какими газетами кампании — к гнусной торговле смертоносными наркотиками, которую осуществляют двуличные почтенные чиновники, чья бесчеловечная алчность затягивает наше молодое поколение в адскую трясину.

Примерно одновременно с тем, как некто в темных брюках с мокрым пятном покидал псевдотюдоровский особняк в Рейгейте, а подозрительно эрудированные папарацци вопили: «Улыбочку, мистер Холдсуорт», сэр Джек размахивал своей губернаторской треуголкой, восседая в изготовленном за свой счет открытом ландо. Вдоль улиц, ведущих к новому дворцу островного совета в Вентноре, толпились сотрудники «Питко». Вначале сэр Джек в каске, потрясая золоченым мастерком, принял участие в торжественной укладке последнего кирпича и позволил заснять сцену своего непринужденного братания с кровельщиками и каменщиками. Затем, спустившись на землю, сэр Джек разрезал энное количество ленточек, объявил резиденцию открытой и официально передал ее во владе-

ние народу Острова, олицетворяемому Гарри Дживонсом — главой совета. Затем на экранах появились внутренние помещения дворца совета, где сей орган сам себя привел к присяге и немедленно принял к рассмотрению свой последний законодательный акт. Члены совета единогласно объявили, что после семи веков порабощения Остров свергает иго Вестминстера. Сим была провозглашена независимость, совету — присвоен статус парламента, а патриотов-островитян призвали повсеместно размахивать флагами, которые были изготовлены на деньги «Питко» и розданы толпе эскортом сэра Джека.

Не сходя с места, парламент издал свой первый административный указ — присвоил сэру Джеку Питмену титул губернатора Острова. То была чисто номинальная, почетная должность, наделенная, впрочем, остаточными правомочиями — начертанными лучшим каллиграфом на тончайшем пергаменте — на то, чтобы в случае угрозы благополучию нации приостанавливать деятельность парламента и действие конституции и править единолично. Эти правомочия были изложены и записаны по-латыни, дабы сгладить их воздействие на голосующих. Сэр Джек, сидя на золоченом троне, напомнил

о священном доверии и воскресил в памяти собравшихся образы прежних капитанов и губернаторов Острова, в особенности принца Генри Баттенбергского, который доказал свой патриотизм, героически погибнув на Ашантийской войне 1896 года. Следующим губернатором — тут сэр Джек подчеркнул, что в его грамматике мужской род всегда объемлет женский, — сделалась вдова принца, высокородная принцесса Беатрис; она правила вплоть до своей смерти, последовавшей почти полвека спустя. Сэр Джек смиренно признался в неведении относительно даты своего собственного переезда в мир иной, но простосердечно предложил в преемники свою обожаемую леди Питмен.

Пока колокола Вентнора торжествующе звонили, на той стороне Ла-Манша молодая уроженка Острова, выбранная лично сэром Джеком и олицетворявшая Изабеллу Фортюбисскую, подала в Международный суд в Гааге иск с требованием признать недействительной сделку о купле-продаже Острова, заключенную в 1293 году. Затем боевая колесница в стиле Боадицеи отвезла девушку в «Дойче-банк», где она открыла счет на имя «Народа Великобритании» и положила на него сумму в шесть тысяч марок и один евро. В

качестве телохранителей ее сопровождала дружина из крестьян конца тринадцатого века, чье присутствие было призвано подчеркнуть, что так называемая покупка Острова Эдуардом I являла собой обман народных масс, которым толком не объяснили суть договора. Среди крестьян были менеджеры «Питко», выражавшие образными, тщательно отрепетированными фразами свое отношение к аннексии и семи векам замалчивания преступления.

Затем колесница отвезла Изабеллу Фортюбисскую к вокзалу, где ее ждал специальный экспресс на Брюссель. В бельгийской столице ее встретили юридические представители фирмы «Питмен-Оффшор-Интернэшнл», подготовившие заявление Острова с просьбой о срочном приеме в Европейский союз.

— Настал решающий момент, — заявил глава команды «ПОИ» прессе всего мира, — наступила кульминация долгой борьбы островитян за свободу, борьбы, на протяжении веков протекавшей под знаком героизма и бесстрашия. Отныне Остров смотрит на Брюссель, Страсбург и Гаагу как на гаранты своих прав и свобод. Этот момент открывает грандиозные перспективы, но он же чреват огромной опасностью: Союз должен действовать

решительно и твердо. Было бы более чем трагично допустить прямо на северном пороге Европы повторение истории с бывшей Югославией.

На лондонской фондовой бирже случился такой Черный Вторник, что в обед торги приостановили без указания сроков — зато акции «Питко» по всему миру стремительно подскочили. В тот вечер, сидя у необаварского камина, в котором с пламенным патриотизмом горели дрова из возросших на Острове дубов, сэр Джек пил и пил. В мыслях, на видеомониторе и благодаря устным отчетам он вновь переживал произошедшее. Хихикал, переслушивая свои заранее записанные речи. Жонглировал полудюжиной телефонных трубок, делясь впечатлениями с каждым из своих восторженных слушателей поочередно. Любезно принял звонки от нескольких редакторов газет, желавших принести поздравления. Они называли событие «первым бескровным “coup d’etat” в мире со времен...» — черт их упомнит, с каких времен. Твердили, что сделан Новый Шаг к Новой Европе. Долой шаблоны. Питмен-Миротворец. Приплели Давида и Голиафа. А также Робин Гуда. Ведущему обозревателю одного из самых интеллектуализированных изданий сэра Джека весь этот драматичный день напомнил «Фиделио»:

как были разрублены оковы! О да, чувствовал всем сердцем новоиспеченный губернатор, некоему человеку все это понравилось бы. Почтительно склоняясь перед гением — нет, скорее с ощущением своей равновеликости ему, — он позволил славной «Героической» восславить свой триумф.

Тем слаще победа, чем хуже осознают ее истинную грандиозность те, кто ей аплодирует. К примеру, делать Остров членом Европейского союза он вовсе не собирается. Тамошнее трудовое законодательство, регулирование деятельности банков и прочее разное — это же просто катастрофа! Пусть Европа отвлекает от него Вестминстер, пока все не устаканится, большего от нее не требуется. Предложение выкупить Остров за шесть тысяч марок и один евро? Надо быть круглым дураком, чтобы воспринять его всерьез, а не как выстрел солью в зад метрополии; счет он закрыл, прежде чем пресса успела погрузиться в брюссельский поезд. Что же до попытки опротестовать законным путем договор от 1293 года — дело гиблое: вообразите сами, какой ящик Пандоры откроет Европа, решив дело в пользу Острова. А этот гребаный островной парламент — нет, вы только поглядите на этих нахалов из

совета, каждый сам себе Гарибальди... Так и тянет вскочить с губернаторского трона и сказать им, не по-латыни сказать, по-английски, чтобы каждый дурак и остолоп допер: «Через неделю я назначу перерыв в работе парламента». Нет, мудрено, не поймут. Надо будет выразиться попроще. Над нацией нависла угроза, проистекающая из нелепой уверенности парламента в своей способности самостоятельно руководить ею. Парламент распущен, поскольку ему тут просто-напросто нечего делать. Никаких заданий для парламента у него, сэра Джека Питмена, нет. А нахалы из совета пусть катятся с первым пароходом в Дьепп, если хотят. Правда, для них есть шанс воспользоваться своим недолгим опытом работы. Проект еще не закончил набор в группу обслуживания сюжета «Палата общин». Места на передних скамьях уже заняты, но все еще есть нужда в бессловесных статистах-заднескамеечниках[34], способных освоить начала хореографии: по сигналу спикера вставать с мест, размахивать, талантливо изображая горячность, документами, а потом вновь плюхаться на свои обитые зеленой кожей скамьи. Также в их обязанности входят

[34] Примечания: 34
На задних скамьях сидят рядовые члены палаты общин.

нечленораздельные, но осмысленные шумы и звуки: прежде всего презрительный лай, подхалимские стоны, неискренний смех и бормотание безумца. Будем надеяться, что это им по плечу.

Сэр Джек все пил и звонил. Звонил и пил. Выслушивал панегирик за панегириком. В два ночи он вызвал Марту Кокрейн и приказал ей привести ее жиголо, этого сопливого летописца, на тот случай, если в нем застоялась какая-нибудь смачная мечта. Собственно, вполне возможно, что он выразился: «сраный жиголо», от хорошего арманьяка язык распускается, знамо дело. В любом случае она состроила козью морду, что ее оторвали от ее черт их знает каких дел. Что до юного Пола, он окрысился на весь свет, как только сэр Джек позволил себе слегка фривольное замечание по поводу... Ох, да ну их всех на хер. Да, НА ХЕР. Плевать на все их необычайные способности и таланты — вокруг себя он хочет видеть людей, которые умеют РА-ДО-ВАТЬ-СЯ. Не нужны ему наглые смутьяны вроде этих двоих — ишь, прихлебывают арманьяк, оскорбленно поджав губки. И в какой день? В такой день! Подобравшись к торжественному финалу вечера, сэр Джек спонтанно решил распространить свой план реструктуризации и на эту парочку.

— Перемены на то и перемены, что подготовиться к ним не в силах никто. Это узнал на своей шкуре Вестминстер, это узнает и ваш так называемый Островной парламент, узнает как миленький. Если не опережаешь всех на шаг, опаздываешь на два шага. Большинство людей вынуждено бежать на месте только для того, чтобы угнаться за мной, пока я сплю. Например, вы двое.

Он сделал паузу. Ага, навострили уши. Сэр Джек смерил подчиненных прожекторным взглядом. Как и думал, как и думал: женщина нагло уставилась на него в упор, а мальчик сделал вид, будто что-то высматривает на подлокотнике кресла.

— Думаю, вы решили, что на денежные грядки сэра Джека как забрался, так и ходи руби капусту до самой пенсии. Что ж, у меня для вас сюрприз... меланхолики вы мои. Теперь Проект на ходу, и я не позволю, чтобы всякие нытики ему палки в колеса вставляли. Так что позвольте оказать вам честь и сообщить, что вы стоите первыми в списке на увольнение. Точнее, я вас уже выпер. Уже. Прямо сейчас. Считайте себя уволенными. И более того, согласно трудовому законодательству, которое я проведу или не проведу через этот мой недоделанный парламент, и, кстати, согласно

новым контрактам, имеющим обратную силу, а их уже кое-кто готовит, выходного пособия вы не получите. Вы уволены, мать вашу. И если вы не соберете свои манатки до первого утреннего парома, я их сам в море покидаю.

Быстро покосившись на Пола — тот кивнул, — Марта Кокрейн сказала:

— Что ж, сэр Джек, вы не оставляете нам никакого другого выхода.

— Не-а. Ни хера не оставляю. Могу сказать почему. — Он выпрямился в полный рост, демонстрируя свою ромбовидную фигуру, в очередной раз рыгнул, указал рукой поочередно на Марту и на Пола, а затем, то ли в качестве кульминации, то ли случайно, на себя. — Потому что, говоря попросту, потому что, как я всегда чувствовал, во мне есть извечная простота, потому что я гений. Так-то.

Он уже тянулся к своей барочной ручке звонка, готовый смыть из своей жизни эту придирчивую стерву и ее тупого жиголо, когда Марта Кокрейн произнесла два слова, которые он меньше всего ожидал услышать:

— Тетушка Мэй.

— Простите?

— Тетушка Мэй, — повторила она. А затем,

смерив взглядом его пошатнувшуюся фигуру:
— Сися. Пелека. Ка.

Часть третья

ТУРИСТИЧЕСКАЯ МЕККА В СЕРЕБРЯНОЙ ОПРАВЕ ОКЕАНА

Два года назад некая группа компаний, работающих в сфере досуга, открыла на Острове неподалеку от южного побережья Англии новый суперкомплекс. Вскоре это место завоевало популярность в кругах состоятельных туристов. Побывав там, наш обозреватель Кэтлин Сью спрашивает себя: «Может быть, опыт нового государства с простым названием “Остров” окажется полезен не только для турфирм?»

Букингемский дворец в классический весенний день. В небесной вышине проплывают перистые облака, воспетые Уильямом Вордсвортом нарциссы облетают на ветру, гвардейцы в традиционных «басби» — медвежьих шапках — стоят навытяжку перед своими сторожевыми будками. Решетку осаждает толпа взволнованных зевак, надеющихся хоть одним глазком увидеть короля и королеву Великобритании.

Ровно в 11 утра распахиваются высокие балконные окна с двойными стеклами и появляются всеобщие любимцы — монаршая чета. Их величества, улыбаясь, машут толпе. Стекла содрогаются от торжественного залпа десяти ружей. Гвардейцы берут на караул, фотоаппараты бешено щелкают, как старомодные турникеты в метро. Спустя четверть часа, ровно в 11.15, высокие окна вновь закрываются до следующего дня.

Однако реальность здесь неуловимо разбавлена иллюзией. Толпы и фотоаппараты — настоящие, как и облака. Зато гвардейцы — профессиональные актеры, Букингемский дворец — копия в половинную величину, а оружейный салют оцифрован и воспроизведен электронными устройствами. По слухам, даже их величества не подлинные, ибо контракт, подписанный ими два года назад с группой «Питко» (глава — сэр Джек Питмен), освобождает их от этого ежедневного ритуала. Наши источники в «Питко» подтверждают наличие в контракте с монархами статьи о «сачковании», заверяя, однако, что король и королева не склонны отказываться от гонораров, которые полагаются за каждое появление в окне.

Итак, балаган? Да, балаган, а вернее, шоу-бизнес — и, расставляя все точки над «i», крупномас-

штабный. Вместе с первыми же Гостями (так здесь предпочитают именовать туристов) пришли Всемирный банк и МВФ. Их одобрение — вкупе с активной поддержкой со стороны Портлендского центра нового мышления «Третье тысячелетие» — означает, что в ближайшие годы и даже десятилетия этому оригинальному Проекту будут неустанно подражать. Сэр Джек Питмен — автор идеи Острова — уступил место у руля другим, но все же не перестает ястребиным глазом следить за ситуацией со своего высокого поста Губернатора — поста, опирающегося на многовековую историческую традицию. Лицом «Питмен-хауса» в данный период является его генеральный директор Марта Кокрейн. Госпожа Кокрейн, сорокалетняя дама со стройной фигурой, мозгом университетской сборки, острым языком и целым гардеробом деловых костюмов от лучших дизайнеров, пояснила нашему корреспонденту, что одной из традиционных болевых точек туризма всегда был тот факт, что переезды между пятизвездочными достопримечательностями обычно долги и утомительны. «Помните, как вы умирали от скуки, едучи из “А” в “Б” через “Зет”? Помните пробки, состоящие исключительно из туристских автобусов?» Американцам,

посещавшим лучшие достопримечательности Европы, все это знакомо не понаслышке: убогая инфраструктура, ничтожная пропускная способность, неудобные часы работы — все словно бы спланировано назло путешественнику. Здесь же даже открытки продаются уже с наклеенными марками.

Давным-давно это был остров Уайт, но его нынешние обитатели предпочитают иное, громкое в силу самой своей простоты название: они зовут это место Островом. Его официальный адрес уже два года, с момента провозглашения независимости, выдержан в бесшабашном пиратском стиле, столь характерном для сэра Джека Питмена. «Адм. обл. — Англия, страна — Англия» — начертало его перо. То есть «Англия, Англия». Нашим читателям непременно вспомнятся слова «Америка, Америка...».

Только такой своеобычный мыслитель, как сэр Джек, мог додуматься разместить на скромной площади в сто пятьдесят пять квадратных миль всю ту «Англию» в традиционном понимании этого слова, которую захочется увидеть Гостю. В нашу эпоху вечного цейтнота очень даже неплохо посетить за одно утро Стоунхендж и дом Анны Хэтуэй, отведать «обед пахаря», лежа среди ме-

ловых скал Дувра, а затем лениво прогуляться по суперунивермагу «Хэрродз» внутри лондонского Тауэра (причем вашу тележку с покупками покатят бифитеры!). Что же до переездов между достопримечательностями, то пропахшие бензином автобусы заменены экологически чистыми пони, запряженными в коляски. Если же пойдет дождь, к вашим услугам знаменитые черные лондонские такси или даже громадные двухэтажные автобусы. И те и другие не вредят окружающей среде, поскольку приводятся в движение солнечной энергией.

Стоит вспомнить, что история этого блистательного взлета к вершинам успеха началась с бурной критики. Планы «практически полного уничтожения острова Уайт», как это формулировалось в некоторых кругах, породили волну протестов. Теперь уже очевидно, что проблема была чересчур раздута. Памятники культуры и искусства, а также большая часть побережий и участки центральных холмов ничуть не пострадали. Но почти сто процентов жилого фонда — домов, описанных активным противником Проекта, профессором Иваном Фэйрчайльдом из Сассекского университета как «изящные бунгало межвоенного периода и середины XX века, воз-

можно, не слишком интересные в архитектурном смысле, но с необыкновенной явственностью сохранившие дух своей эпохи», — было разрушено до основания.

Разрушено — и все же не исчезло. В «Долине Бунгало» Гости могут побродить по тщательно воссозданной типичной улице до-Островной эры. Здесь вы найдете палисадники с декоративными каменными горками, боярышником и семействами гипсовых гномов (статуй большеголовых карликов). Дорожка, вымощенная «в лоскуток» (обломками бетонных плиток), ведет к двери с рифлеными стеклами. Мелодия музыкального звонка долго еще отдается в ваших ушах, когда вы ступаете на ковровую дорожку кричащей расцветки. Летящие утки на полосатых обоях, «мягкие гарнитуры» (наборы из софы и двух кресел) и стеклянные двери, ведущие на мощенный «в лоскуток» внутренний дворик. Вновь боярышник, висячие корзинки, гномы и антикварные спутниковые антенны. Довольно мило, но скоро приедается. Профессор Фэйрчайльд заявляет, что «Долина Бунгало» — скорее пародия, чем реконструкция, ловкая подтасовка со стороны авторов Проекта, призванная обелить их преступления. Тем не менее он поневоле признает себя побеж-

денным.

Остров принято ругать и за другое: он, дескать, предназначен лишь для элиты. Хотя большая часть расходов на пребывание на Острове оплачивается заранее, то есть входит в стоимость тура, чиновники иммиграционного ведомства, не интересуясь паспортами и справками о прививках, проверяют прибывших на кредитоспособность. Туроператорам настоятельно советуют оповещать клиентов, что те, состояние чьих банковских счетов не устроит власти Острова, будут отправлены назад с первым же самолетом. В случае отсутствия мест на авиатранспорте нежеланных лиц высылают с ближайшим рейсом парома, курсирующего между Островом и французским городом Дьеппом.

Недемократично? Марта Кокрейн возражает: «Мы всего лишь бережем свой дом». Вот как она аргументирует политику Острова: «Возможно, наши туры кажутся дорогими, но мы предлагаем вам то, чего вы еще никогда не испытывали. Кроме того, после визита к нам у вас не будет никакого резона смотреть Старую Англию. Составив сметы, мы выяснили: чтобы обозреть “подлинники”, вы потратите в три-четыре раза больше времени. Так что наши “накрутки” в действи-

тельности — вернейший способ сэкономить».

Слово «подлинники» она произносит с легким пренебрежением. Это намек на третье из основных возражений против Проекта — когда-то живо обсуждавшееся, а ныне практически забытое. Имеется в виду мнение, что достопримечательности привлекают туристов не только своей древностью, но и уникальностью. Дотошные исследования, проведенные «Питмен-хаусом», доказали, что оно мало соответствует истине. «В конце прошлого века, — поясняет мисс Кокрейн, — знаменитая статуя микеланджеловского “Давида”, стоявшая на пьяцце де ля Синьория во Флоренции, была убрана и заменена копией. Оказалось, что популярность “копии” среди туристов ничуть не упала. Более того, девяносто три процента опрошенных высказались в том духе, что, увидев эту точную копию, они не чувствуют никакой необходимости отправляться в музей в поисках подлинника».

Из этих исследований «Питмен-хаус» сделал два вывода. Во-первых, доныне туристы стекались толпами к «подлинным» достопримечательностям, поскольку попросту не имели другого выхода. В прежние времена человек, желающий увидеть Вестминстерское аббатство, поневоле

отправлялся к Вестминстерскому аббатству. Во-вторых, как показал случай с «Давидом», имея возможность выбирать между труднодоступным «подлинником» и удобной «копией», большинство туристов отдадут предпочтение последней. «И вот еще что, — добавляет мисс Кокрейн с лукавой улыбкой. — Разве вы не согласитесь, что предлагать людям более широкий выбор — будь то блюда на завтрак или исторические достопримечательности — это демократично и прогрессивно? Мы всего лишь следуем логике рынка».

И жизнь великолепнейшим образом доказала правоту Проекта. Оба аэропорта — Теннисон-1 и Теннисон-2 — работают практически с полной загрузкой. Приток Гостей превзошел самые оптимистичные ожидания. Остров набит битком — но работает спокойно и эффективно. Заблудились? На помощь немедленно придет какой-нибудь доброжелательный «бобби» (полицейский) или «бифитер» (стражник лондонского Тауэра). «Кэбби» (таксисты) свободно владеют как минимум одним из основных туристских языков. Большинство даже говорит по-английски!

Мейзи Брэнсфорд из Фрэнклина, Теннесси, отдыхающая на Острове со своей семьей, сказала

нашему корреспонденту: «Мы слышали, что в Англии все немножко обшарпанное и старомодное, — говорят, они не в силах, бедняжки, угнаться за быстрой поступью современного прогресса. Но, когда прилетели сюда, удивились ужасно. Так далеко от дома — а все как дома!» Пол Харрисон, главный советник Марты Кокрейн, курирующий стратегию и тактику в приложении к повседневной жизни Острова, поясняет: «Основополагающих принципов два. Первый — право клиента на выбор. Второй — никакого нажима. Мы никогда не пытаемся силком заставить людей наслаждаться, не внушаем им, будто им хорошо, когда им на самом деле плохо. Мы просто говорим: “Если эти достопримечательности вам не нравятся, у нас есть другие”».

Право клиента на выбор рельефно проявляется в том, как люди тратят свои деньги (в буквальном смысле). Мисс Кокрейн подчеркивает, что «Питмен-хаус» без труда мог бы надежно завуалировать финансовые операции с помощью путевок типа «все включено» либо мгновенного снятия соответствующих сумм с кредитного счета клиента. Но, как показали исследования, большинство отдыхающих получает удовольствие уже от самого акта траты денег, причем

очень важно, чтобы эти траты происходили при свидетелях. Итак, для тех, кто не может обойтись без пластика, придумана «Кредитная карта Острова» уникальной ромбической формы; при пользовании ею кредитный лимит вашей постоянной карты автоматически пополняется.

Зато любители финансовых авантюр могут вдоволь чесать в затылке, разбираясь в сложной системе настоящих старинных английских денег. Ваши карманы провиснут под тяжестью разноликих медных и серебряных монет: фартингов, полупенсов и пенсов, граутов и теннеров, шиллингов и флоринов, полукрон и крон, соверенов и гиней. Конечно, в традиционную игру английских пивных — шаффлборд, или «толкай полупенс», — можно играть и пластмассовыми фишками, но как же все-таки сладко прижимать палец к блестящему и увесистому кругляшу медной монетки! Заядлые игроки от Лас-Вегаса до Атлантик-Сити знают, как холодит ладонь серебряный доллар. Здесь, в казино «Остров», вы можете делать ставки, вытаскивая из бархатного кошелька ангел-нобли (каждый равен семи шиллингам шести пенсам, каждый украшен чеканным силуэтом святого Михаила, убивающего дракона).

А каких драконов убили здесь, на Острове, сэр Джек Питмен и его команда? Если рассматривать это место не только как туристический комплекс — в чьем радужном будущем не приходится сомневаться, — но и как миниатюрное государство, каковым Остров благополучно является уже два года, какие уроки оно может преподать остальному миру?

Начнем с того, что на Острове полная занятость, что делает ненужными обременительные социальные программы. Левые критики упрямо утверждают, что эта достойная цель была достигнута недостойными средствами: всех стариков, тяжелобольных и иждивенцев «Питко» просто выслала в метрополию. Но от островитян что-то не слышно жалоб. Точно так же они не жалуются на отсутствие преступности, что позволило упразднить полицейских, службу надзора за условно осужденными и тюрьмы. Система медобслуживания социалистического толка, когда-то популярная в Старой Англии, заменена американской моделью. Каждый, будь то Гость или житель, обязан иметь страховой полис; а все остальное обеспечивают вертолеты «скорой помощи», доставляющие заболевших в Питменовский корпус дьеппской больницы.

Ричард Поборски, аналитик из «Объединенного швейцарского банка», сказал нашему корреспонденту: «Я лично восхищен этими нововведениями. Остров — чисто рыночное государство. Правительство ни во что не вмешивается, поскольку никакого правительства нет. Соответственно, нет ни внутренней, ни внешней политики — только экономическая. Все сводится к взаимоотношениям между покупателями и продавцами. Рынок развивается свободно — его не калечат инициативы центрального правительства с его двуличными интересами и предвыборными обещаниями.

Уже не один десяток веков люди пытаются придумать, как им жить по-новому. Помните коммуны хиппи? Все они разваливаются, но почему? Потому что их создатели не понимают двух вещей: как устроены люди и как работает рынок. Но на Острове признали, что человек — это животное, движимое рынком, и рыночная стихия для него естественна, как для рыбы — вода. Воздержусь от пророчеств и просто скажу: по-моему, я видел будущее, и, по-моему, оно жизнеспособно».

Но это все — долгосрочные прогнозы. Побывать на Острове («НЕ ПРОСТО ОТДЫХ, НЕ ПРОСТО

ОСТРОВ», как написано на рекламных плакатах) — это увидеть Англию такой, какой вы всегда себе ее воображали, только более чистой, комфортной, приветливой — словом, менее хаотичной. Археологи и историки могут возразить, что некоторые из ее памятников нельзя назвать подлинными в традиционном смысле этого слова. Однако, как подтверждают опросы «Питмен-хауса», основной контингент Гостей Острова составляют те, кто, решив впервые посетить Англию, сделал сознательный выбор между двумя товарами — «Англией, Англией» и Старой Англией. Что вы предпочтете: растерянно метаться на ветру где-то в недрах грязного Старого Лондона, тщетно пытаясь выспросить дорогу у потока бегущих рысью горожан: «Тауэр? А это где?» — или почувствовать себя почетным Гостем? На Острове, если вам захочется прокатиться на большом красном автобусе, вы обнаружите, что два или три из них примчатся веселой кавалькадой, прежде чем вы успеете вытрясти из кармана граутсы, а диспетчерша — поднести к губам свисток.

Здесь вместо традиционного ледяного английского гостеприимства вам обеспечено радушие в интернациональном стиле. Ну а традиционная холодная погода? Она никуда не делась. Есть

даже зона вечной зимы, где по снегу прыгают малиновки и можно поучаствовать в вековой местной игре — кидаться снежками в каску полисмена и удирать от него, пока он неуклюже скользит по льду. Также вы можете, надев противогаз военных времен, опробовать знаменитый лондонский туман, прозванный «гороховым супом». И дожди льют так, как льют. Но только снаружи. Однако какая же Англия, «настоящая» или иная, без дождя?

Несмотря на все демографические перемены, у многих американцев все еще пробуждаются родственные чувства и любопытство при мысли о маленькой стране, которую Вильям Шекспир назвал «дивным алмазом в серебряной оправе океана». В конце концов, именно отсюда отправился в плавание «Мэйфлауэр» (по четвергам в 10.30 можно увидеть сюжет «Мэйфлауэр поднимает паруса»). И это любопытство можно утолить только на Острове. Автор этих строк несколько раз посещала страну, которую в наше время все чаще именуют Старой Англией. Но отныне туда будут вынуждены отправляться лишь ярые ненавистники комфорта или извращенцы, питающие некрофилическую склонность ко всему отжившему. С лучшим из того, чем была и остается Англия,

можно безопасно и комфортно познакомиться на живописном и отлично оборудованном ромбе Острова.

* * *

Кэтлин Сью путешествовала инкогнито; расходы на путешествие полностью оплачены «Уолл-стрит джорнал».

* * *

Не выходя из кабинета, Марта могла ознакомиться с положением дел на всем Острове. Посмотреть, к примеру, как кормят Сто Одного Далматинца, проверить, популярен ли среди посетителей дом викария в Хауорте[35], подслушать дружескую перепалку между сиволапым мужиком в смазных сапогах и токийским менеджером высшего звена. Ей без труда удавалось следить за ходом «Битвы за Британию», Процесса над Оскаром Уайльдом и Казни Карла Первого. На одном мониторе король Гарольд, словно по зову рока, в последний раз поднимал глаза к небу; на другом — шикарные дамы в шляпках от Сиссин-

[35] Примечания: 35
Дом викария в Хауорте — жилище семейства Бронте.

херста высаживали рассаду и перечисляли виды бабочек, предпочитающих буддлею; на третьем рабочие покрывали искусственными ухабами поле для гольфа, названное в честь Альфреда, лорда Теннисона. Все эти картинки островной жизни, поступавшие с разных камер, Марта изучила так досконально, что уже и не помнила, видела ли их в реальности.

Бывали дни, когда она безвылазно сидела в кабинете. Но тут ей было некого винить, кроме себя самой, — раз уж решила строить отношения с сотрудниками по принципу открытых дверей, не жалуйся. Сэр Джек на ее месте наверняка поставил бы дело как в Версале: робкие просители толпились бы в приемной, а ястребиный глаз Питмена разглядывал бы их сквозь дырку в гобелене. Но сэр Джек смещен — теперь он сам проситель. В поле зрения камер порой попадало его ландо и сам сэр Джек, отчаянно машущий озадаченным Гостям треуголкой. Жалостное, честно говоря, зрелище: губернатор попал в собственноручно вырытую яму, сделавшись, как и уверял Марк членов совета, беспомощной марионеткой, которая царствует, но не правит. Движимая сочувствием и цинизмом одновременно, Марта распорядилась выдавать ему побольше

арманьяка.

Так, посмотрим: 10.15 — Нелл Гвинн. Привет из минувшего. Каким незапамятным прошлым казались теперь все эти споры в Комитете. В тот день доктор Макс сильно уел коллег и сэра Джека, но теперь очевидно: его демарш уберег их от будущих неприятностей. Потребовалось несколько докладов, чтобы Нелл все-таки не вылетела из английской истории; но поскольку в Джеффов список Пятидесяти Самых-Самых Квинтэссенций она не попала, ее миф без зазрения совести задвинули на задний план.

Ныне она была милой, ничуть не честолюбивой девушкой, которая торговала соками в розлив в ларьке, стоящем в нескольких сотнях ярдов от дворцовой решетки. Однако ее натура была такой же концентрированной, как и соки, и в Нелл проглядывали черты той, кем она была когда-то, или, по крайней мере, той, кем историческую Нелл считали Гости, не исключая и читателей семейных газет. Волосы цвета воронова крыла, искорки в глазах, пикантная белая блузка с оборками, накрашенные губы, золотые украшения и живость всех движений: английская Кармен. Однако сегодня утром она сидела перед Мартой в застегнутом до горла жакете, сама на себя не

похожая.

— Нелл-два дежурит в ларьке?

— У Нелл-два грыпп, — ответила Нелл, сохраняя свой тщательно заученный простонародный выговор. — В лавке Конни сядит.

— КОН-НИ? Господи, как же вы... — Марта связалась по интеркому с администраторами. — Пол, можешь решить одну проблему? В ларьке Нелл сидит Конни Чаттерлей. Да, не спрашивай, я знаю. Вот именно. Можешь немедленно сварганить в реквизитной Нелл-два? Не знаю, на сколько. Спасибо. Пока.

И обернулась к Нелл-1:

— Послушайте, правила вы знаете. В них все ясно написано. Если Нелл-два больна, вы напрямую связываетесь с реквизитной.

— Извините, мисс Кокрейн, просто я... э-э... в последнее время что-то совсем расклеилась. Нет, я неправильно выразилась. Я попала в несколько двусмысленное положение. — Нелл окончательно перестала быть Нелл, а экран перед Мартой подтвердил, что подлинная фамилия этой девушки — двойная и аристократическая, а образование она получила в швейцарском пансионе.

Выждав, Марта переспросила:

— И что за неприятности?

— Ой, это может прозвучать так, словно я ябедничаю. Но с каждым днем ситуация все хуже. Я думала, мне удастся превратить это в шутку, понимаете ли, отделаться смехом, но, к сожалению... — Она приосанилась, расправила плечи. Все сходство с Нелл точно рукой сняло. — Я вынуждена подать официальную жалобу. Конни одобряет мое решение.

Конни Чаттерлей и Нелл Гвинн пришли к единодушному выводу, что нынешняя хозяйка «Ларька Нелл» не обязана сносить непристойные домогательства и сексуальное преследование ни от кого, будь он хоть король Англии. А в данном случае именно о нем и шла речь. Вначале он был мил и приветлив, просил называть его Хорек-Королек — только не думайте, будто она согласилась. Но затем он начал отпускать кое-какие замечания, игнорировать кольцо, которое она носит в знак помолвки, совершать всякие двусмысленные манипуляции с фруктами. Теперь же он взял манеру донимать ее при покупателях, а те даже не заступаются — просто смеются, словно так и надо по сценарию. Невыносимо.

Марта отпустила Нелл домой и распорядилась, чтобы его величество в три часа дня явился к ней

в кабинет. Она справилась с его графиком работы: ничего особенного, утром — турнир между любителями и профессионалами на Теннисоновском поле, затем окно, и в 16.15 награждение героев «Битвы за Британию». Тем не менее король вошел в кабинет, набычившись. Он все еще не привык к мысли, что его запросто могут вызвать на ковер. В первый раз он уселся на трон — ждать, чтобы Марта пришла сама. Но вместо нее прибыл вице-губернатор, бывший депутат палаты общин и королевский адвокат сэр Перси Наттинг, и, весь светясь от многовекового злорадства, печальным голосом настойчиво повторял, что его величество, согласно всем юридическим нормам, обязан подчиняться как условиям контракта, так и исполнительной власти, которая ныне является на Острове верховной. По предыдущим вызовам Марта знала, что король явится весь красный и с порога начнет жаловаться.

— Ну и что я, по-вашему, натворил? — поинтересовался он, изображая из себя ребенка перед гувернанткой.

— Боюсь, ваше величество, на вас поступила официальная жалоба. — Титул Марта употребила не из подобострастия, но чтобы напомнить: положение обязывает.

— И от кого же вдруг?

— Нелл Гвинн.

— Нелл? — изумился король. — Во дает! Откуда вдруг такой гонор-то?

— Значит, вы признаете, что жалоба соответствует действительности?

— Мисс Кокрейн, если человеку нельзя немножко пошутить насчет варенья...

— Дело гораздо серьезнее.

— Ну ладно, было дело. Я сказал... — Король на четверть улыбнулся Марте, точно сообщнице. — Я сказал, что в любой момент позволю ей выжать мои грейпфруты.

— И кто из ваших сценаристов это сочинил?

— Не забывайтесь, мисс Кокрейн. Это все я сам, — произнес он с явной гордостью.

— Верю. Но я еще не решила, смягчает ли это вашу вину или, наоборот, усугубляет. А непристойные жесты также были спонтанной импровизацией?

— Что-о?

Взгляд Марты был суров; почувствовав его на себе, король невольно пригнулся.

— Ну вообще-то... вы знаете, это я так, для смеха. Господи, настоящая полиция нравов. Да вы хуже Денизы. Иногда я жалею, что я не там. Жалею, что

не остался настоящим королем.

— Речь не о морали, — произнесла Марта.

— Правда? — В глазах короля блеснула надежда. Слово «мораль» и его огорчительно разнообразное практическое содержание он привык ассоциировать с неприятностями.

— Нет, в моем понимании это не что иное, как нарушение контракта. Сексуальное преследование запрещено. И точно так же запрещено поведение, которое может скомпрометировать репутацию Острова.

— А-а, вы хотите сказать, «поведение нормального мужчины».

— Ваше величество, я издам административное предписание, запрещающее вам ухаживать за мисс Гвинн. В ее биографии есть... кое-какие загвоздки.

— О боже, только не говорите, что у нее триппер.

— Нет, тут другое. Мы не хотим, чтобы люди очень уж интересовались ее историей. Некоторые Гости могут неправильно понять. Ведите себя с ней так, точно ей... э-э-э... пятнадцать лет.

Король раздосадованно вскинул голову:

— Пятнадцать? Если она малолетка, я — царица Савская.

— Да, пятнадцать, — повторила Марта. — С точки зрения свидетельства о рождении. Давайте порешим на том, что на Острове — НА ОСТРОВЕ — Нелл пятнадцать лет. И в том же смысле, на Острове, вы... король.

— Блин! Я и так король! — вскричал он. — Везде, всегда, хоть в Африке!

Только пока ходишь по струнке, подумала Марта. Королем тебя делают контракт и наше соизволение. Если ты не подчинишься приказу и будешь сослан в Дьепп первым же паромом, никакого вооруженного восстания не будет. Так, мелкая проблема для отдела кадров. Претенденты на трон всегда найдутся. А если монархия очень уж раззадорится, всегда можно вывести на сцену Оливера Кромвеля. Хорошая мысль, кстати.

— Штука в том, мисс Кокрейн, — заныл король, — что она мне всерьез нравится. Эх, Нелл, Нелл... По ней видно, она не просто торговка. Я уверен, узнай она меня получше, нас водой не разольешь. Я бы научил ее говорить по-человечески. Вот только, — опустив глаза долу, он покрутил на пальце кольцо с печаткой, — вот только, кажется, у нас первый блин вышел комом.

— Ваше величество, — произнесла Марта уже

менее сурово, — на Острове много других женщин, которые могут вам «всерьез понравиться». Причем подходящих по возрасту.

— И кто же, например?

— Ну, не знаю...

— Не знаете. И никто не знает, как тяжело быть в моем положении. Вечно все пялятся, а ответить взглядом на взгляд не смей, а то потащат на этот ваш... коммерческий трибунал.

— Что ж, есть Конни Чаттерлей.

— Конни Чаттерлей? — изумился до глубины души король. — Она всем гопникам дает.

— Леди Годива?

— Пройденный этап, — сообщил король.

— Я о Годиве-два говорю, не о первой. Разве я вас не видела на прослушивании?

— Годива-два? — Лицо короля просияло, и Марта узрела «легендарное обаяние», с ритуальной частотой упоминаемое в лондонской «Таймс». — А знаете, мисс Кокрейн, вы просто друг, товарищ и сестр. Нет, конечно, Дениза тоже, — торопливо добавил он. — Дениза — свой парень. Но не все понимает, ну вы меня понимаете. Годива-два? Да, помню, я еще подумал: «Девушка просто класс, то, что надо Хорьку-Корольку». Надо ей звякнуть. Пригласить на капучино. Вы ведь не...

— Биггин-Хилл, — распорядилась Марта.

— А?

— Сначала Биггин-Хилл. Медали героям.

— И не много ли им медалей, этим героям? А может, пусть Дениза меня подменит, только на сегодня? — умоляюще посмотрел он на Марту. — Нельзя? Ну ладно. В контракте записано, да? Блин, за что ни схватись, все в этом гребаном контракте. Ну ладно. Годива-два. Вы настоящий друг, мисс Кокрейн.

Итак, король вошел, передергиваясь от гнева, а ушел, подпрыгивая от радости. Марта переключила один из мониторов на военно-воздушную базу Биггин-Хилл. Кажись, все нормально: одни Гости толпились перед маленькой эскадрильей «харрикейнов» и «спитфайров», другие играли в компьютерную игру «Воздушный бой», третьи ходили по баракам, что стояли на краю летного поля. Здесь их взору представали герои в овчинных пилотских куртках, греющие руки над парафиновыми горелками или играющие в карты, ожидая, пока приказ «На вылет!» не прервет задорные танцевальные мотивчики, звучащие из патефона. Героям можно задавать вопросы и получать ответы, лаконичные и спокойные, как и положено в трудные военные годы. Проще

пареной репы. Наше дело правое. Фриц на свою же бомбу сел. Мы им показали. Болтун — находка для шпиона. Затем герои возвращались к своей карточной игре, и пока они тасовали, снимали колоду и раздавали, Гости могли вдоволь поразмыслить о том, что вся жизнь этих людей — азартная игра: судьба когда джокер, а когда — и злорадная дама пик. Медали, которые сейчас вручит им его величество, заслужены сполна.

Марта вызвонила своего личного референта.

— Викки, когда из Бэ-Ха позвонят насчет телефона Годивы-два, дайте его, я разрешаю. Но только не первой Годивы — строго второй. Спасибо.

Викки. Это вам не бесконечная череда Сюзи. Не то что у сэра Джека. Первое же, что сделала Марта, заняв кресло гендиректора, — это потребовала называть референтов их подлинными именами. Также она приказала разгородить логово сэра Джека на кофе-бар и мужской туалет. Мебель губернатора — точнее, ту часть обстановки, которая была сочтена служебной, а не личной собственностью, — раздали по отделам. Бранкузи сэр Джек отстоял. Взамен дворец вытребовал себе баварские камины, которые теперь служили хоккейными воротами в спортзале.

Марта урезала штат личной обслуги губернато-

ра, свела его транспортный парк к одному-единственному ландо, а самого сэра Джека переселила в более соответствующее его статусу жилище. Некоторые ее шаги не понравились Полу: он заявил, что приказ приставлять к сэру Джеку только референтов-мужчин — мелочная месть. Были ссоры. Сэр Джек капризничал, как Виктор, и дулся, как трагический актер, а его телефонные разговоры (оплачиваемые компанией) отличались поистине вагнерианской нескончаемостью. Марта отключила ему телефон за неуплату. Также она запретила ему давать интервью, даже тем газетам, которыми он еще владел. Ему остались мундир, титул и право участия в некоторых формальных церемониях. По Марте, этого было вполне достаточно.

Пререкания из-за прав и привилегий сэра Джека — или секвестров и унижений, как предпочитал выражаться он сам, — помогли завуалировать тот факт, что вступление Марты в должность гендиректора на деле мало что изменило. Замена эгоистической автократии слегка ограниченной олигархией была актом необходимой самозащиты; но на Проекте как таковом это почти не отразилось. Финансовые структуры были творением специалиста в подтяжках Ко-

ролевского казначейства; а отделы разработки концепций и мониторинга Гостей претерпели очень легкую реорганизацию. Флегматичный Джефф и огнеглазый Марк остались при своих должностях. Главная разница между бывшим и нынешним гендиректорами состояла в том, что Джек Питмен громогласно веровал в свой продукт, а Марта Кокрейн молчком не верила.

— Но если продажный Папа мог править Ватиканом... — случайно сорвалось с ее языка после утомительного дня.

Пол уставился на нее испепеляющим взглядом. Он не терпел никаких шуточек насчет Острова.

— По-моему, дурацкое сравнение. И вообще, не думаю, что при продажном Папе дела в Ватикане шли лучше. Отнюдь.

Марта мысленно вздохнула.

— Наверное, ты прав.

Когда-то они вместе боролись с сэром Джеком, что должно было укрепить их союз. Но, кажется, вышло совсем наоборот. Что же, Пол искренне верит в идею «Англии, Англии», разве не так? Или его вера — лишь симптом угрызений совести?

— А знаешь, давай позовем твоего бездельника, доктора Макса, и спросим, кто лучше руководит крупными политическими и религиозными орга-

низациями: идеалисты, циники или нормальные практичные люди. Спорим, он сорок бочек арестантов наговорит.

— Замнем. Ты прав. Мы здесь не католической церковью рулим.

— Да уж, по всему видно.

Его тон — педантичный, фарисейский — показался Марте невыносимым.

— Послушай, Пол, мы сорвались на спор, а с чего вдруг — я не понимаю. Я вообще в последнее время ничего не понимаю. Но если речь о цинизме, спроси себя, далеко бы ушел сэр Джек, не будь в его характере необходимой доли цинизма.

— И это тоже цинизм.

— Тогда сдаюсь.

Теперь же, сидя в своем кабинете, она подумала: в одном Пол прав. Я воспринимаю Остров как всего лишь благовидное и хорошо отлаженное средство для зашибания денег. Однако я им управляю, видимо, так же хорошо, как управлял бы Питмен. Может, это и оскорбляет Пола?

Подойдя к окну, она окинула взглядом пятизвездочную панораму, когда-то выбранную для себя сэром Джеком. Внизу, на мощеной улочке, затененной выступающими верхними этажами домов в стиле «фахверк», Гости отворачивались

от подобострастных лоточников и нищих, чтобы полюбоваться, как пастух гонит стадо на рынок. На среднем плане сверкали в вечерних лучах солнечные батареи двухэтажного автобуса, припаркованного у Мемориального Стэкпуловского пруда; еще дальше, на общинной лужайке, шумно играли в крикет, и кто-то как раз бежал к калитке. Наверху, в той единственной части панорамы, которая еще не принадлежала «Питко», реактивный самолет компании «Островфлот» делал вираж, чтобы половина его оплаченного груза могла окинуть прощальным взглядом теннисоновские холмы.

Марта отвернулась, хмуря лоб, ощущая, как сводит челюсти. Почему все в жизни шиворот-навыворот? В Проект она не верит — но успешно воплощает его в жизнь; а вечером возвращается с работы домой вместе с Полом — к тому, во что верит (или хочет, силится верить), — и все из рук валится. Она стоит одна, без брони, без цинизма, не абстрагируется, не иронизирует, она одна, она в одиночку разбирается с простыми человеческими взаимоотношениями, томится и тревожится, стремится к счастью изо всех сил, как умеет. Почему же счастья все нет и нет?

Доктора Макса она уже несколько месяцев как

собиралась выгнать. Не из-за какого-либо заметного со стороны нарушения контракта; отнюдь, любой инспектор буквально влюбился бы в Официального Историка за его пунктуальность и преданность делу. Более того, Марта его обожала, так как давным-давно разглядела под колючками и сарказмом доктора Макса нечто совсем иное... Теперь она видела в нем человека, панически боящегося простоты, и этот страх находил отзвук в ее душе.

Его красивый уход в отставку из-за репозиционирования Робин Гуда оказался, к счастью, всего лишь эпизодом — мятежным порывом, после которого его верность Проекту лишь усилилась. Но теперь эта верность превратилась в проблему. Доктора Макса наняли для работы над разработкой Концепции; но когда Концепция была разработана и «Питмен-хаус» переехал на Остров, доктор Макс увязался вслед. Сельская Мышка исподтишка перетащила свою фенологическую колонку в лондонскую «Таймс» (отныне выходящую в Райде). Никто не возражал — даже Джефф. Строго говоря, никто вроде бы и не заметил. Итак, теперь Историк занимал кабинет двумя этажами ниже Марты, имея под своей холеной, с крашеными ногтями рукой все средства и воз-

можности для исследовательской работы. Любой человек, будь то сотрудник «Питко» или Гость, мог обратиться к нему за консультацией по любому историческому вопросу. Его адрес и список предлагаемых услуг фигурировали в рекламно-информационных буклетах, которые лежали в каждом гостиничном номере. И даже если к доктору Максу заявится, к примеру, скучающий владелец «Не просто уик-энда» — самой дешевой путевки, — дабы поспорить насчет стратегии саксов в битве при Гастингсе, беседа — кстати, абсолютно бесплатная — будет длиться столько, сколько будет угодно клиенту.

Беда была лишь в том, что к доктору Максу вообще никто не обращался. Жизнь Острова вошла в размеренную колею: обмен информацией между Гостями и Сюжетами нуждался скорее в прагматической, чем в теоретической отладке; и потому роль Историка тихо... ушла в историю. Во всяком случае, именно это собиралась Марта сказать доктору Максу из своего гендиректорского кресла. Для того и вызвала. Он появился в дверях, как появлялся всегда, исподволь оценивая степень заполненности зала. Только мисс Кокрейн? Ну, значит, совещание тет-а-тет на высшем уровне. Доктор Макс был весь лоск и беззаботность; на-

поминать о сомнительности и маргинальности его положения казалось дурным тоном.

— Доктор Макс, — начала Марта, — скажите, ваша работа соответствует вашим представлениям о счастье?

Юмористически хмыкнув, Историк принял профессорскую позу, смахнул с узорного лацкана несуществующую пылинку, заложил руки в карманы своего замшевого жилета цвета грозовой тучи и скрестил ноги — все это указывало, что он рассчитывает просидеть в кабинете Марты гораздо дольше, чем ей хотелось бы. Затем он сделал то, на что ни при каких условиях не были способны другие служащие «Питко», будь то распоследний косец из фонового отдела или вице-губернатор сэр Перси Наттинг, а именно доктор Макс воспринял вопрос буквально.

— Сча-а-стье, мисс Кокрейн, очень интересная с исто-о-рической точки зрения вещь. За три десятилетия в качестве одного из самых... не решусь сказать, выдающихся, но самых примелькавшихся ваятелей и граверов молодых умов я ознакомился с широким рядом интеллектуальных заблуждений; они словно бурьян, который надлежит выжечь перед тем, как вспахивать умственную почву... а говоря без обиняков,

сплошной мусор и вздор. Разновидности ошибок разноцветны, как платье Иосифа, но самая вопиющая и ужасающая — это наивная убежденность, будто прошлое — всего лишь переряженная современность. Сорвите турнюры и кринолины, дублеты, шоссы и эти (гляди-ка, будто сам Диор шил!) тоги, и что останется? Обычные люди, удивительно похожие на нас. Их нежные сердца бьются в заветной глубине совсем как сердце нашей мамочки. Загляните в их несколько темные умы — обнаружатся залежи зачаточных понятий, которые, окончательно созрев, станут фундаментом наших великих современных демократий. Изучите их представления о будущем, рассмотрите их надежды и страхи, их робкие грезы о том, какова будет жизнь спустя много веков после их смерти, — оказывается, они смутно провидели наш с вами замечательный мир. Выражаясь совсем грубо, они хотят быть нами. В общем, вздор и мусор, конечно же, вздор и мусор. Вы за мной поспеваете?

— Пока да, доктор Макс.

— Хорошо. Итак, мне очень прия-атно — порой удовольствие несколько брутальное, но давайте не будем впадать в морализаторство — брать в руки мой верный серп и косить бурьян на ниве

растущего ума. А в этих зарослях грубейших ошибок нет более неистребимого, упрямого сорняка — сравню его с бузиной, нет, скорее со всеядной пуэрарией, известной также как кудзу, — чем тезис, будто трепетное сердечко, тикающее в современном теле, всегда было на своем месте. Что в плане чувств и сантиментов мы неизменны. Что куртуазная любовь была всего лишь примитивным предком шашней в подъездах, если молодежь все еще этим балуется, — только ме-ня-а не спрашивайте... Что ж, давайте рассмотрим это Средневеко-о-вье, которое, нет смысла повторять, таковым себя не считало. К примеру, для точности возьмем Францию в период десятого — тринадцатого веков. Прекрасная и забытая цивилизация, которая возвела величественные соборы, сформировала рыцарские идеалы, временно приручила дикое животное под названием человек, создала *chansons de geste*[36] — конечно, с голливудским кино их не сравнить, но все же... короче говоря, создала свою веру и политическую систему, породила целый комплекс обычаев и вкусов. И ради чего, собственно? — спрашиваю я этих мелких обитателей бурьяна. Ради чего

[36] Примечания: 36
Героические поэмы *(фр.).*

эти люди торговали и женились, строили и творили? Потому что искали СЧАСТЬЯ? Как бы их насмешило это наше жалкое предположение. Не к счастью они стремились, а к СПАСЕНИЮ ДУШИ. Более того, счастье в нашем современном понимании они сочли бы чем-то вроде греха, самым настоящим препятствием на пути к спасению. Меж тем как...

— Доктор Макс...

— Меж тем как в случае, если мы перемотаем время вперед...

— Доктор Макс — Марта поняла, что тут нужен пейджер... нет, клаксон, а лучше сирена «скорой помощи». — Доктор Макс, боюсь, мы должны перемотать время на сейчас. Мне не хотелось бы походить на ваших студентов, но я вынуждена попросить вас ответить на мой вопрос.

Доктор Макс вытащил руки из карманов жилета, отряхнул оба лацкана от призрачных бактерий и уставился на Марту со студийным — вроде бы добродушным, но намекающим на суровое l*u*se-majest*é* — раздражением, отточенным в битвах с суетливыми телеведущими.

— А, простите за де-ерзость, в чем он состоял?

— Я просто хотела узнать, доктор Макс, счастливы ли вы, работая здесь.

— Именно к этому-у я и ше-ел. Если и кружным, как вам показалось, путем. Дабы упростить фундаментально сложную ситуацию, хотя я понимаю, мисс Кокрейн, что ваш разум свободен от бурьяна, я вам отвечу. Я не «счастлив» в смысле шашней в подъезде. Более того, я бы сказал, что счастлив именно потому, что смеюсь над современной концепцией «счастья». Я счастлив — употребим этот неизбежный термин — именно потому, что счастья не ищу.

Марта молчала. Как странно, что сквозь все это пустословие, присыпанное блестками парадоксов, на нее глянули строгость и простота. Как он это делает, а? И тогда, почти без сарказма, она спросила:

— Значит, вы ищете спасения души, доктор Макс?

— Боже правый, нет. Для этого я слишком язычник, мисс Кокрейн. Я ищу... удовольствий. Они куда как надежнее счастья, куда как надежнее. Оформлены гораздо четче, при всем при том намного замысловатее. У них есть оборотная сторона, но и она вычеканена прекрасно. Зовите меня, если хотите, язычником-прагматиком.

— Спасибо, доктор Макс, — произнесла Марта, поднявшись. Очевидно, смысла ее вопроса он не

понял; и все же дал именно тот ответ, в котором она бессознательно очень нуждалась.

— Надеюсь, вам приятно было перекинуться со мной сло-овом, — заявил доктор Макс, словно это он был хозяином, а Марта — гостьей. Одним из самых надежных удовольствий для него были разговоры о себе любимом — а он искренне верил, что удовольствия надо разделять с ближними.

Марта улыбнулась захлопнувшейся двери и позавидовала беззаботности доктора Макса. Любой другой на его месте догадался бы о причине вызова к начальству. Пусть Официальный Историк и презирал спасение в высоком смысле этого слова, но сам только что нечаянно удостоился его в более низменном, временном варианте.

* * *

— Боюсь, случилось кое-что необычное.

Перед столом Марты Кокрейн стоял Тед Уэгстафф. В это утро Марта была одета в оливковый костюм и белую рубашку без воротника, застегнутую у горла золотым зажимом; ее золотые серьги были точной музейной копией древнебактрийских украшений, колготки изготовлены швейцарской фирмой «Фогаль», а туфли — фирмой «Феррагамо». Все приобретено в «Хэрродз-Тауэ-

ре». Тед Уэгстафф был одет в зеленую зюйдвестку, непромокаемые рыбацкие штаны и бахилы с загнутыми голенищами — словом, одеяние достаточно мешковатое, чтобы скрывать под собой любую электронную аппаратуру. Его вечный румянец можно было бы назвать как буколическим, так и алкоголическим, хотя Марта и сама не знала, чем он обусловлен — воздействием ветра и солнца ли, слабостью ли к выпивке или просто прихотью визажистов.

Марта улыбнулась:

— Вот видите, до чего вас довело хорошее образование.

— Извините, мэм? — воззрился он на нее с неподдельной озадаченностью.

— Простите, Тед. Это я о своем, о девичьем, — произнесла Марта, мысленно выругав себя. Подумаешь, вспомнила его резюме. Пора уже привыкать, что если Тед Уэгстафф, замначальника службы охраны по оперативной деятельности и координатор обратной связи с клиентами, является к тебе в образе простого бойца береговой охраны, значит, и держаться с ним надо соответственно. Спустя несколько минут профессиональный имидж выветрится; терпение и еще раз терпение.

Этого распада личности — точнее, ее склеивания с личиной — никто из создателей Проекта не ожидал. Феномен, как правило, принимал безобидные формы, легко сходящие за похвальную увлеченность работой. К примеру, на третьем месяце независимости некоторые работники фонового отдела начали считать себя не служащими «Питко», а теми персонажами, чьи роли играли за деньги согласно контракту. Вначале им поставили неверный диагноз, сочтя недовольными. Но дело обстояло совсем наоборот — то были признаки полного довольства собой. Они были счастливы быть теми, кем стали, и не желали ничего другого.

Целые группы косцов и пастухов — и даже некоторые ловцы омаров — все неохотнее пользовались своими комфортабельными служебными апартаментами. Они заявляли, что им приятнее ночевать в ветхих хижинах без удобств, чем в сверхсовременных зданиях общежитий, перестроенных из бывших тюрем. Некоторые даже просили платить им островными деньгами — просто-таки влюбились в тяжелые медные монеты, которыми по целым дням играли в шаффлборд. Ситуацию пристально отслеживали, для «Питко» она могла обернуться долгосрочными

преимуществами — к примеру, экономией на обслуживании жилого фонда; но в то же самое время она была чревата каким-то сентиментальным хаосом.

Теперь же болезнь вырвалась за пределы фонового. Уэгстафф никому вреда не причинял; сложнее было с Джонстоном-«Джонни» и его отрядом имени Битвы за Британию. Они утверждали, что, поскольку сирены воздушной тревоги и приказ «На вылет!» могут прозвучать в любую минуту, им целесообразнее так и ночевать в бараках у летного поля. Иначе они были бы трусами и плохими патриотами. Итак, они разжигали парафиновые горелки, перекидывались на сон грядущий в картишки и засыпали, укутавшись в овчинные куртки, хотя остатками разума и должны были понимать, что фрицы ни за что не устроят внезапного налета, пока Гости не доедят свой Большой Английский Завтрак. И что теперь Марте делать? Вызвать менеджера по кризисам? Или поздравить себя с тем, что Остров зажил настоящей жизнью?

Тут Марта сообразила, что Тед не сводит с нее глаз.

— Нечто необычное?

— Да, мэм.

— И вы... хотите мне об этом... рассказать?

— Да, мэм.

Новая пауза.

— Может быть, вы готовы, Тед?

Замначальника охраны сбросил с себя личину простого рыбака.

— Что ж, говоря без обиняков, есть одна загвоздка с контрабандистами.

— И в чем же дело?

— Они контрабанду возят.

Огромным усилием воли Марта подавила поднявшийся из глубин ее души беспечный, невинный, чистый, искренний смех — бесплотный, как дуновение ветерка, каприз природы, давно забытая свежесть восприятия; неиспорченность на грани истерики.

Вместо того чтобы смеяться, она сурово потребовала подробностей. На Острове было три поселка контрабандистов, и вот из Нижнего Тэтчема начала поступать информация о происшествиях, противоречащих принципам Проекта. Гости Нижнего, Верхнего и Большого Тэтчемов имели возможность ознакомиться со всеми хитростями традиционной островной отрасли. Им показывали бочки с двойным дном, платья с зашитыми в подол монетами, комья табака, замаскирован-

ные под джерсийскую картошку. Складывалось впечатление, что любую вещь можно выдать за что-то другое: ликеры и махорку, шелк и зерно. Доказывая эту истину на практике, парень пиратского вида снимал с пояса кинжал и разнимал на две половинки лесной орех: внутри, в пустой скорлупке, оказывалась дамская перчатка фасона восемнадцатого века. Позднее Гостей вели в торговый центр, где им предлагалось купить такой орех — а лучше пару, — причем код содержимого был выгравирован лазером на скорлупке. Спустя несколько недель и несколько тысяч миль из шкафа достанут щипцы для орехов, и под аккомпанемент изумленных возгласов перчатка придется точно по руке той, кто ее приобрел.

Как выяснилось, в последнее время торговый центр Нижнего Тэтчема расширил свой ассортимент. Первые улики были слишком уж косвенными: неожиданное появление золотых украшений на некоторых жительницах поселка (вначале вообще не беспокоились, считая кольца и цепочки простой бижутерией); видеокассета с порнофильмом, забытая в телеге; бутылка без этикетки, на четверть объема заполненная жидкостью, которая отчетливо пахла спиртом и, возможно, даже была ядовита. Путем скрытого

наблюдения и засылки тайных агентов были установлены следующие преступления: обрезание островных монет и чеканка фальшивых; тайное производство из местных яблок бесцветного напитка с высоким содержанием спирта; пиратское издание путеводителей по Острову и подделка официальных островных сувениров; импорт порнографии в различной форме, а также сдача жительниц поселка напрокат.

Адам Смит одобрял контрабанду, вспомнилось Марте. Несомненно, он считал ее допустимым продолжением свободного рынка, честной эксплуатацией аномального разнобоя в налоговых и таможенных сборах. Возможно, также она импонировала Смиту как образец истинной предприимчивости. Но не стоит обсуждать эти принципиальные проблемы с Тедом, который стоял перед ней, ожидая, как и любой подчиненный, однозначной реакции, похвал и указаний.

— И что же нам, по-вашему, делать, Тед?

— Делать? ДЕЛАТЬ! Да их повесить мало.

Тед Уэгстафф хотел, чтобы злоумышленников выпороли, посадили на ближайший дьеппский паром и выкинули за борт — пусть им чайки глаза выклюют. Также — в жажде возмездия забыв о правах собственников фрихольдов — он хотел,

чтобы Нижний Тэтчем был сожжен.

Островная судебная власть была не юридической, а исполнительной — то есть функционировала более гибко и быстро. И все же в данном случае, прежде чем карать злоумышленников, нужно все как следует взвесить. Взвесить не в старомодном смысле «справедливости». Взвесить последствия принятого решения для будущего Острова. Кара должна быть целесообразна. Тед Уэгстафф слишком горяч, но отнюдь не дурак: какой бы вердикт ни приняла Марта, в нем должен присутствовать элемент устрашения.

— Очень хорошо, — произнесла она.

— Значит, выдворить их с первым паромом? Сжечь поселок?

— Нет, Тед. Перебросить их на другой участок.

— Что-о? Простите за дерзость, мисс Кокрейн, но это им как с гуся вода. Мы имеем дело с закоренелыми преступниками.

— Вот именно. Значит, я применю статью контракта номер тринадцать-шесть.

Тед по-прежнему кипятился, словно Марта предложила какой-то мягкотелый женский компромисс. Статья 13-6 сводилась к тому, что в особых обстоятельствах, определяемых высшим руководством Проекта, служащие могут быть

переведены на любую другую работу, пройдя при необходимости курс переподготовки; решение об этом принимается вышеозначенным высшим руководством.

— Значит, вы их переподготовить хотите? Мисс Кокрейн, это не в моих правилах.

— Что ж, вы сами сказали, что они преступники. Вот мы их на преступников и переподготовим.

На следующий день Самые Почетные Гости были приглашены, за соответствующую доплату, стать очевидцами аутентичной «Акции по охране национального достояния». В чем она состоит и где именно произойдет, не уточнялось. Несмотря на нестандартный (предрассветный) час отъезда, билеты шли нарасхват, и наутро триста СПГ, держа в руках кружки с горячим пуншем («Питко» угощает), лицезрели облаву, устроенную таможенниками в поселке Нижний Тэтчем. Место события освещалось пылающими факелами и слегка подсвечивалось софитами; звучали подлинные ругательства соответствующего исторического периода; в окнах мелькали полуголые (по стандартам сериала «Джейн Эйр») подружки контрабандистов. Запах горящей смолы, тусклое посверкивание золоченых пуговиц на кителях таможенников; исполин-контра-

бандист, замахиваясь кинжалом, разъяренно кинулся на кучку СПГ, но вдруг один из последних отшвырнул кружку с пуншем, сбросил пальто, под которым — о радость! — оказался китель, и свалил злодея одним ударом. Когда взошло солнце, двенадцать вожаков в ночных рубашках и ножных кандалах были под гром искренних аплодисментов посажены на реквизированную телегу. Отбывание наказания — или процесс профессиональной переподготовки — должен был начаться на следующий день в замке Кэрисбрук: одних, посаженных в колодки, будут забрасывать гнилыми фруктами, другие же будут вручную толкать мельничное колесо и расписываться на обертках конечного продукта — хлеба «Арестантский». За двадцать шесть недель таких трудов они отработают штрафы, наложенные на них Мартой Кокрейн. К тому времени, когда преступников отправят на континент, закончат курс обучения новые контрабандисты Нижнего Тэтчема, подписавшие более строгие контракты.

И это сработает. На Острове все работает, поскольку сложности пресекаются в зародыше. Структуры — проще не придумаешь; а основной принцип, проходящий красной нитью через всю жизнь Острова, таков — чтобы что-то сделать,

надо это сделать. И потому преступность отсутствовала (не считая ляпов типа вышеописанного) вкупе с системой судопроизводства и тюрьмами — по крайней мере, настоящими. Никакого правительства — разве что отрешенный от дел губернатор — и, следовательно, ни выборов, ни политиков. Никаких юристов — кроме юристов «Питко». Никаких экономистов — кроме экономистов «Питко». Никакой истории — кроме истории «Питко». Кто бы знал в те далекие времена в «Питмен-хаусе-1», когда они разглядывали карты на Маршальском столе и острили насчет поганого капучино, — кто бы знал, что их руки, сами того не ведая, созидают не что иное, как зону беспрепятственного спроса и предложения, при виде которой радостно забилось бы сердце Адама Смита. Мирное королевство, ни с кем не воюя, имеет простой продукт и богатеет своими трудами: а чего еще желать человеку, будь он хоть философ, хоть простой обыватель?

* * *

Возможно, это и вправду было мирное королевство, государство нового толка, опытная модель грядущего. Если так считают даже Всемирный банк с МВФ, зачем оспаривать свою собственную

рекламу? Как электронные, так и старомодные читатели «Таймс» получали непоколебимо добрые новости с Острова, самые разные — из мира за его пределами и стабильно негативные — из Старой Англии. Последняя, судя по всему, стремительно катилась вниз, в плане экономики и нравственности превращаясь в настоящую помойную яму. В безумии своем отвергая азбучные истины третьего тысячелетия, ее неуклонно вымирающее население погрязло в нищете, грехах и безалаберности; а из всех чувств староангличанам были ведомы лишь два — уныние и зависть.

Напротив, на Острове быстро сформировался бодрый, современный патриотизм: не тот патриотизм, что держится на сентиментальных воспоминаниях и сказках про завоевателей, но патриотизм, который сэр Джек описал бы тремя словами: «здесь, сейчас и магия». Почему бы нам не восхищаться нашими достижениями? Ведь остальной мир от них в восторге. Репозиционированный патриотизм породил новый вид горделивого островного менталитета. В первые месяцы независимости, когда Острову грозились судебным преследованием и поговаривали о блокаде, островитяне чувствовали себя храбрецами, тайно прокатившись паромом в Дьепп, а

начальники — слетав служебным вертолетом на ту сторону Канавы. Но вскоре подобные вылазки утратили свою прелесть, поскольку были одновременно непатриотичны и бессмысленны. Зачем глазеть со стороны на язвы чужого общества? Зачем шляться по трущобам, где люди отягощены днем вчерашним, позавчерашним и позапозавчерашним — в общем, историей? Здесь, на Острове, они с историей расправляются одной левой — небрежно закидываешь ее на плечо и шагаешь по полям, подставив лицо свежему ветру. Путешествуй налегке: это верно не только для туристов, но и для наций.

Итак, Марта с Полом работали в пятидесяти футах друг от друга в «Питмен-хаусе-2», а отдыху — когда отдыху, когда «Не Просто Отдыху» — предавались в квартире дома для высшего руководства «Питко» с пятизвездочным видом на то, что карты упрямо именовали Ла-Маншем. Кстати, мнение, что воду тоже необходимо переименовать, если не полностью репозиционировать, становилось все более популярным.

— Тяжелая неделька? — спросил Пол. Вопрос был, по сути, ритуальным, поскольку Пол был посвящен во все профессиональные тайны Марты.

— Да так, средняя. Поработала сводней у ан-

глийского короля. Пыталась выпереть доктора Макса — безуспешно. Плюс дела с контрабандистами. Хорошо хоть это пресекли.

— Я ви-ви-выпру доктора Макса за тебя, — с энтузиазмом предложил Пол.

— Нет, он нам нужен.

— Нужен? Ты сама сказала, к нему никто и на милю не подходит. Доктор-Максова драная история никому не нужна.

— Он простодушный. Мне даже кажется, он единственный простодушный человек на всем Острове.

— Мар-та. Мы что, об одном и том же персонаже говорим? Герой телеэкрана — точнее, экс-герой — портновский манекен, фальшивый голос, фальшивые манеры. И он — простодушный?

— Да, — упрямо ответила Марта.

— Ладно, ладно, как неофициальный Мыслелов Марты Кокрейн сим вношу в анналы ее мнение, что доктор Макс простодушный. Оформлено и сдано в архив.

Марта выдержала паузу.

— Ты по прежней работе скучаешь? — подразумевая: по прежнему начальнику, по своей жизни до того, как появилась я.

— Да, — просто ответил Пол.

Марта стала ждать. Она ждала нарочно. Теперь она почти подзуживала Пола, выжимала из него признания, после которых он падал в ее глазах. Банальное извращение или скрытая тяга к саморазрушению? Почему два года с Полом иногда кажутся ей двумя десятилетиями?

Итак, некоторые фибры ее души даже обрадовались, когда он продолжил:

— Я все равно считаю, что сэр Джек великий человек.

— Отцеубийца раскаялся?

Пол поджал губы, опустил взгляд; в его голосе зазвенела стервозность педанта:

— Марта, ты иногда очень уж умничаешь, себе во вред. Сэр Джек — великий человек. Проект — его замысел от начала до конца, от корки до корки. Кто тебе зарплату платит, если подумать? Кто тебя одевает — он!

Очень уж умничаешь. Себе во вред. Марта вернулась назад в детство. Ты, случайно, не зарываешься? Не забывай, что цинизм — родной брат одиночества. Она взглянула на Пола, вспоминая, как он впервые на ее памяти поднял голову, как соломенное чучело обернулось человеком.

— Что ж, возможно, доктор Макс — не единственный простодушный человек на Острове.

— Не надо меня третировать, Марта.

— Ты неправильно понял. Простодушие мне нравится. В нашей среде с ним туго.

— И все равно ты меня третируешь.

— А сэр Джек все равно великий человек.

— Иди ты на хер, Марта.

— Давно там не бывала, кстати.

— Что ж, на мой сегодня не рассчитывай, большое спасибо за честь.

В другой ситуации ее бы тронули учтивые оговорки Пола. Такая уж у него привычка — говорить: «Я тебя, извини за выражение, ненавижу», «А ну тебя к чертям собачьим, грязная ты, прости господи, свинья». Но сегодня это было непростительно.

Позднее, в постели, прикидываясь спящим, Пол не мог удержаться от выводов, опровержения которым не находил. Ты заставила меня предать сэра Джека, а теперь предаешь меня сама. Ведь ты меня не любишь. Или любишь, но так, по маленькой. Я тебе не нравлюсь. Ты сделала для меня весь мир настоящим. Но, увы, ненадолго. А теперь все опять по-прежнему.

Марта тоже прикидывалась спящей. Она знала, что Пол не спит, но ее тело и душа отвернулись от него. Она лежала и думала о своей жизни.

Думала в соответствии со своей стандартной методикой: перелистывательно, упрекающе, нежно, инспекционно. На работе, обдумывая проблему или решение, ее разум действовал ясно и последовательно, а при необходимости и цинично. Под покровом ночи эти его свойства словно испарялись. Почему ей легче разобраться с королем Англии, чем с самой собой?

И почему она так донимает Пола? Просто разочарование в самой себе — или нечто посерьезнее? Теперь его пассивность словно бы провоцировала Марту. Так и подмывало огреть его хворостиной, чтоб выскочил из этого кокона пассивности. Нет, не из кокона бы выскочил, скорее — чтоб вышел из себя, будто (хотя реальность доказывает обратное) внутри Пола притаился кто-то совсем другой. Нет, чушь какая-то... Попробуй применить офисную логику, Марта. Что будет, если допечь пассивного человека? Был человек пассивным, стал рассерженным, а вскоре опять станет пассивным. А толку-то?

А еще Марта знала, что та же самая кротость, то же самое отсутствие себялюбия — ныне переименованное ею в пассивность — и привлекли ее когда-то в Поле вместе с рядом других черт. Она подумала... что, собственно, она подума-

ла? Она думала (сейчас), что подумала (тогда), что вот нашелся человек, который не будет ей себя навязывать (так в принципе и оказалось), который позволит ей быть самой собой. Она действительно так подумала или теперь задним умом домысливает? В любом случае туфта это все. Говоря «быть собой», люди имеют в виду совсем другое. Они подразумевают — это она, Марта, подразумевает — совсем другой глагол: «стать». Стать «собой»: а что значит «собой» — загадка, и как этого добиться — тоже. Правда вот в чем, Марта, — ну признай же! — ты рассчитывала, что уже само присутствие Пола подействует на твое сердце как гормон роста. Присядь вот здесь на диване, Пол, и просто свети мне огнем своей любви; тогда-то я стану зрелым, взрослым человеком, как всегда хотела. Вот он, верх эгоизма — и верх наивности. И, раз уж на то пошло, верх пассивности. И вообще, кто сказал, что люди созревают? Наверно, они просто стареют.

Ее мысли, как все чаще случалось в эти дни, вновь перескочили на детство. Мама показала ей, как зреют помидоры. Точнее, как заставить помидоры созреть. Лето выдалось холодное и дождливое, и, когда листья свернулись, как старые обои, а по радио начали предсказывать

заморозки, помидоры на грядках были еще зеленые. Мать собрала их и разложила по двум тазикам. В один положила только помидоры, чтоб вызревали естественным путем в своем кругу. В другой тазик добавила банан. Спустя несколько дней помидоры из второго тазика стали вполне съедобны, а те, что из первого, по-прежнему годились лишь на чатни. Марта попросила объяснить секрет фокуса.

— Так уж оно заведено, — ответила мать.

Да, Марта, вот только Пол — не банан, да и ты — не фунт помидоров.

Может, виноват Проект? Как там выразился доктор Макс, «огрубляющее упрощение всего» — может, оно разъедает душу? Нет, Марта, сваливать вину на работу — все равно что на родителей. Не разрешено тем, кто старше двадцати пяти лет.

Может, загвоздка в том, что в постели у них не все идеально? Пол — человек предупредительный; он гладит ее локтевую ямку (и еще кое-что), доводя ее до визга; он выучил слова, которые ей приятно слышать в постели. Но, употребляя ее личный шифр, это не Каркассон. Ну и что, тоже мне сюрприз! Каркассон бывает раз в жизни — иначе это был бы уже не Каркассон. Не ста-

нешь же ездить туда вновь и вновь в надежде получить еще одного божественного любовника и еще одну эль-грековскую грозу. До такого даже старина Эмиль не докатился. Значит, все-таки не в постели дело?

Вот что, Марта: всегда можно свалить вину на судьбу. Родителей винить нельзя, сэра Джека с его Проектом — тем паче, нельзя винить Пола или кого-то из его предшественников, нельзя винить английскую историю. И что же остается, Марта? Ты и судьба. Оставь себя на сегодня в покое, Марта. Вини судьбу. Не родилась ты помидором. Не повезло. Иначе все было бы намного проще. Один банан — и готово.

* * *

В одну ненастную ночь, когда весты гнали по морю громадные водяные валы, когда звезды скрылись за тучами, когда лил неистовый дождь, несколько мастеров-корабельщиков из одной деревушки в районе утесов Ниддлз были пойманы с поличным: стоя у самой воды, они светили фонарями грузовым судам, которые снабжали Остров всем необходимым. Один из теплоходов изменил курс, сочтя фонари огнями причала.

Спустя еще несколько дней экипаж транс-

портного самолета доложил, что при заходе на посадку в Теннисоне-2 в полумиле по правому борту была замечена неровная цепочка подложных взлетно-посадочных прожекторов.

Взяв все подробности на заметку, Марта дала Теду Уэгстаффу «добро» на расследование дела. Но он почему-то не уходил.

— Да, Тед? Что-то еще?

— Мэм...

— Из какой области: служба безопасности или обратная связь с Гостями?

— Есть кое-что по части связи с Гостями, мисс Кокрейн, вот решил вам сказать. Мало ли, вдруг важно. Это другой коленкор — не как с королевой Денизой и ее инструктором по шейпингу, вы тогда сказали, что это не мое дело.

— Нет, Тед, я так не говорила. Я сказала, что это не государственная измена. Самое большее, нарушение контракта.

— Понял.

— И кто же это на сей раз?

— Да этот, доктор Джонсон. Который с Гостями в «Чеширском сыре» обедает. Здоровенный такой детина, косорукий, в парике набекрень. Неряха, извините уж за выражение.

— Да, Тед, я знаю, кто такой доктор Джонсон.

— Так вот, на него поступают жалобы. От Гостей. Неофициальные. И официальные, понимаете?

— И что за жалобы?

— Говорят, он всем настроение портит. И неудивительно — это ж как дважды два четыре. Тоска зеленая, а не человек, не знаю, что им так всем хочется с ним обедать.

— Спасибо, Тед. Оставьте мне файл.

Марта вызвала доктора Джонсона на три часа. Он явился в пять и, пока его провожали в кабинет Марты, беспрестанно что-то бурчал себе под нос. То был неуклюжий плечистый мужчина; его щеки были изъязвлены глубокими рубцами. Глаза скользнули по Марте невидящим взглядом. Продолжая бормотать, он с фиглярскими жестами без спросу плюхнулся в кресло. Марта, участвовавшая в прослушивании претендентов на роль доктора Джонсона и присутствовавшая на прогоне «Обеда в “Чеширском сыре”» (прошедшем на ура), забеспокоилась всерьез — теперь она осознала, насколько он изменился. Когда его брали на работу, он производил впечатление человека надежного. Профессиональный актер — его подлинное имя она что-то запамятовала, он несколько лет гастролировал с моноспектаклем «Мудрец из Средней Англии» и отлично владел

всем необходимым материалом — его даже привлекли как консультанта к проектированию «Чеширского сыра». Дабы доктору Джонсону не приходилось работать на износ, развлекая Гостей в одиночку, для него были наняты сотрапезники — Босуэлл, Рейнольдс, Гаррик. Также ему выделили подставного Гостя-Эрудита, чьи почтительные замечания служили кресалом для искрометного остроумия Великого Хана от Литературы. Итак, «Обед с доктором Джонсоном» был срежиссирован так, чтобы джонсоновские монологи, чередуясь с дружескими перепалками между его современниками-сотрапезниками, время от времени переходили в диалог разных эпох — беседу доброго Доктора с гостями из нашего века. В сценарии присутствовала даже ненавязчивая защита идеологии Проекта. Переведя разговор на тему путешествий Джонсона, Босуэлл спрашивал:

— Разве на «Дорогу Гигантов» не стоит посмотреть?

— Посмотреть стоит, — отвечал Джонсон, — но ехать, чтобы посмотреть, не стоит.

У Гостей, не чуждых иронии, эта фраза всегда вызывала польщенный смешок.

Марта Кокрейн прочла с монитора файл, резю-

мирующий жалобы на Джонсона. Плохо одет и дурно пахнет; пожирает пищу, как дикий зверь, и очень быстро — так что гости, чувствуя себя обязанными за ним угнаться, потом страдают от несварения желудка; либо всех третирует и задирает, либо сидит молча, как истукан; несколько раз, не договорив фразы, наклонялся под стол и сдергивал с женщин туфли; портит своим собеседникам настроение; отпускал националистические и расистские замечания о родных странах Гостей; при попытках расспросить его поподробнее срывается; несмотря на все его блестящее красноречие, клиентов весьма смущают астматический кашель и бестолковое ерзанье на стуле.

— Доктор Джонсон, — начала Марта. — На вас поступают жалобы.

Она подняла глаза от монитора — и обнаружила, что подчиненный почти не обращает на нее внимания. Подергиваясь с грацией мамонта, он пробурчал что-то похожее на отрывок из «Отче наш».

— Жалуются, что вы неучтивы с вашими сотрапезниками.

Доктор Джонсон встряхнулся.

— Я охотно готов возлюбить весь род человече-

ский, — ответил он, — но не американца.

— Мне кажется, вы сами должны сознавать, как обременяет вас этот предрассудок, — произнесла Марта. — Поскольку тридцать пять процентов приезжающих сюда — американцы.

Она подождала возражений, но Джонсон, по-видимому, забыл дома свою любовь к спорам.

— Вас что-то удручает?

— От родителя моего унаследовал я жестокую меланхолию, — ответил он.

— Когда вам больше двадцати пяти лет, сваливать вину на родителей не разрешается, — отрезала Марта, словно цитируя девиз компании.

Джонсон звучно рыгнул, разразился астматическим кашлем и взревел:

— Пустоголовка проклятая!

— Вас не устраивают ваши коллеги по работе? Есть какие-то нелады? С Босуэллом уживаетесь?

— Он надобен, чтобы его стул не пустовал, — мрачно ответил Джонсон.

— Может быть, проблема в еде?

— Еда такова, какова только может быть дурная еда, — отвечал доктор, так встряхнув головой, что челюсти заходили. — Дурно откормлена, дурно забита, дурно сохранена и дурно разделана.

Все это Марта сочла риторическими преуве-

личениями, если не подготовительной фазой кампании за повышение зарплаты и улучшение условий труда.

— Давайте возьмем быка за рога, — заявила она. — Тут у меня целый экран жалоб на вас. Вот, к примеру, мсье Даниэль из Парижа. Он пишет, что внес отдельную плату за «Обед в “Чеширском сыре”», ожидая услышать из ваших уст перлы высочайшего английского юмора, но за весь вечер вы проронили едва ли дюжину слов, ни одно из которых не стоит повторения.

Джонсон, надрывно кашляя и сморкаясь, заворочался на стуле.

— Француз не может не говорить без умолку — и о том, в чем смыслит, и о том, в чем не смыслит. Англичанин довольствуется тем, что ничего не говорит, когда ему нечего сказать.

— В теории это все прекрасно, — возразила Марта, — но деньги мы вам платим совсем за другое. — Она перевернула электронную страницу. — А мистер Шалкер из Амстердама пишет, что на протяжении обеда от двенадцатого числа прошлого месяца он задал вам ряд вопросов, но вы его абсолютно проигнорировали.

— Джентльмены не расспрашивают, а собеседуют, — с ядовитой снисходительностью изрек

Джонсон.

Нет, это как воду в ступе толочь. Марта открыла контракт доктора Джонсона. Так-так... давно надо было обратить внимание на одну зловещую подробность. Подлинное имя актера в документах не фигурировало, ибо он давным-давно официально сменил его на «Сэмюэль Джонсон». Итак, Сэмюэлю Джонсону было поручено играть Сэмюэля Джонсона. Вот где собака зарыта...

Внезапно раздались скрип, треск, бурчание — и глухое «бух»: Джонсон, упав на колени, запустил свою медвежью лапу под стол и на удивление ловким движением стащил туфлю с правой ноги Марты. В испуге она уставилась на макушку его грязного парика, торчащую над столешницей.

— Что вы такое затеяли? А ну-ка, объяснитесь! — вскричала она.

Но Джонсон не реагировал. Уставившись на ее ногу, он невнятно бормотал себе под нос. Марта расслышала знакомые слова: «...во искушение, но избави нас от лукавого...»

— Доктор Джонсон! Сэ-эр!

Этот властный окрик вывел его из транса. Поднявшись с колен, он навис над ней, пошатываясь и пыхтя.

— Доктор Джонсон, вы должны взять себя в

руки.

— Ну, если я ДОЛЖЕН, сударыня, у меня нет выбора.

— Вы не понимаете, что такое контракт?

— Отнюдь, сударыня, — ответил Джонсон, внезапно взглянув на нее осмысленными глазами. — Сие есть, во-первых, всякий акт с участием двух сторон; во-вторых, акт обручения мужчины с женщиной; и в-третьих, письменный документ, в коем условия сделки перечислены бывают.

Марта даже опешила.

— Согласна, — произнесла она. — Но и вы со своей стороны должны согласиться, что ваша... впечатлительность или меланхолия, как ее ни назови, неприятна вашим соседям по обеденному столу.

— Сударыня, вы не можете получить теплое солнце вест-индских стран без громов, молний и землетрясений.

Елки, как же достучаться до этого господина? О «вживании в образ по Станиславскому» она слышала немало, но с таким тяжелым случаем еще не сталкивалась.

— Когда мы взяли на работу доктора Джонсона, — начала она... И замялась.

Его массивное тело отбрасывало на стол чер-

ную тень.

— Когда мы вас наняли...

Нет, тоже не годится. Она больше не гендиректор, не деловая женщина... и даже не дитя своей эпохи. Она наедине со своим братом — человеком. Сердце заныло от странной, неслыханно простой боли.

— Доктор Джонсон, — произнесла она, без какого-либо усилия смягчив тон, когда ее взгляд, взобравшись по ряду массивных пуговиц и преодолев белый шейный платок, добрался до его широкого, изрубцованного, измученного лица. — Мы хотим, чтобы вы были «доктором Джонсоном». Как только вы не понимаете...

— Когда я оглядываюсь на прожитую жизнь, — ответил он, уставившись затуманенными глазами куда-то на стену за ее спиной, — зрю я одну лишь пустошь тщетно потраченного времени, чреду телесных недомоганий да сонм близких к безумию душевных мук, кои, тщу надеяться, Создатель мой почтет за оправдание многим порокам моим и извинение бесчисленных моих недостатков.

И спотыкающейся походкой арестанта в ножных кандалах побрел к двери.

— Доктор Джонсон.

Он замер, обернулся. Марта встала из-за стола, чувствуя, что кренится набок: одна нога боса, другая обута. Она чувствовала себя маленькой девочкой, затерянной в странном мире. Доктор Джонсон был не только на два века старше ее, но и двумя веками мудрее. И без всякого стеснения она спросила:

— А как же любовь, сэр?

Нахмурившись, он положил руку себе на грудь — наискосок, прикрывая сердце.

— Воистину, нет на свете ничего, что так искушало бы бдительность разума, как мысль провести жизнь с милой тебе женщиной, и если б только все грезы любящего воплощались, я затруднился назвать бы другое земное счастье, коего стоило бы добиваться.

Его глаза теперь смотрели зорко — и прямо на нее. Марта почувствовала, что смущенно краснеет. Боже, как нелепо. Сто лет назад разучилась краснеть. И все же сейчас, краснея, она не чувствовала себя нелепо.

— Но?

— Но любовь и супружество — разные состояния. Те, кому приходится вместе страдать от бед и часто страдать ради друг друга, вскоре утрачивают ту нежность взгляда и то благодушие разума,

кои порождены бывают совместными беспечными наслаждениями и удачными увеселениями.

Сбросив вторую туфлю, Марта выровнялась и вновь взглянула на него.

— Значит, все понапрасну? Любовь — это всегда ненадолго?

— Мы уверены, что красота женщины не вечна; мы не уверены, что вечна ее добродетель. — (Марта опустила глаза, словно молва о ее бесстыдстве достигла даже минувших веков.) — И мужчина не в силах всю жизнь окружать ее тем почтением и усердными знаками внимательности, коими пленяет ее на месяц или на день.

С этими словами доктор Джонсон вперевалочку, спотыкаясь, вышел за дверь.

Марта поняла, что потерпела сокрушительное поражение: ей не удалось произвести на него впечатление, а он вел себя так, словно из них двоих ненастоящая — она сама. Но одновременно ей стало легко, задорно и весело, точно она отыскала родную душу, которую давно искала.

Она села за стол, влезла в туфли и вновь стала гендиректором. Логическое мышление вернулось. Разумеется, с Джонсоном придется расстаться. В других уголках земного шара «Питко» уже бы грозили многомиллионные иски о сексуальных

домогательствах, оскорбительных расистских высказываниях, невыполнении условий договора — клиентов, дескать, не сумели рассмешить — и бог весть еще о чем. К счастью, островное законодательство, другими словами, воля высшего менеджмента не признавала существования каких-либо особых контрактов между гостями и «Питко»; в случае обоснованных нареканий проблема решалась полюбовно, что обычно предполагало выплату денежной компенсации в обмен на клятву молчать. Старая традиция «Питмен-хауса» — подписки о неразглашении — работала исправно.

И что теперь — нанять нового Джонсона? Или поставить другой «Обед» — с новым хозяином? Вечер с Оскаром Уайльдом? Идея рискованная, по известным причинам. Ноэль Кауард? Та же проблема. Бернард Шоу? Как же, как же, достославный нудист и вегетарианец. Что, если он начнет проповедовать свою веру прямо за обеденным столом? Нет, даже думать не стоит. Неужели все мудрецы Старой Доброй Англии — сплошь безумцы?

* * *

Сэра Джека не допускали на совещания руководства, но исполнять чисто декоративную роль на ежемесячных заседаниях высшего совета разрешали. Он являлся при всем своем губернаторском параде: треуголка с галунами; эполеты в форме позолоченных щеток для волос; аксельбанты толщиной с лошадиный хвост; пестрые, как белье на веревке, ордена («Награди-себя-сам», так сказать); под мышкой неизменно зажата резная офицерская трость — изделие местных сувенирных мастерских; на пояснице — шпага, вечно бьющая губернатора по коленкам. У Марты при виде этого наряда не рождалось никаких ассоциаций с хунтами и прочим тоталитаризмом; напротив, его смехотворная напыщенность была для Марты лишним подтверждением того, что губернатор смирился со своим опереточным статусом.

Раза два-три после «кокрейн-харрисоновского» переворота сэр Джек нарочно являлся на заседания с опозданием, следуя извечному закону физики «начальство задерживается»; но всякий раз он обнаруживал, что начали без него, и вынужден был пристраиваться на унизительном месте в

дальнем конце стола. Дабы самоутвердиться, он расхаживал по комнате, произнося длинные речи и даже пытаясь давать конкретные указания отдельным лицам. Но, кружа вокруг стола, видел лишь беспардонные затылки. Где они — пугливо бегающие глаза, крутящиеся вокруг своей оси головы, подобострастно строчащие со свистом авторучки и тихо пощелкивающие клавиатуры лэптопов? Он по-прежнему рассыпал идеи, как гигантское «огненное колесо»; но теперь искры падали на каменистую пустыню. Все чаще сэр Джек отмалчивался, замыкаясь в себе.

Заняв свое место, Марта заметила рядом с сэром Джеком незнакомого человека. Нет, слово «рядом» тут не годится — скорее уж «в тени», ибо колоссальные габариты и кричащие благим матом одежды сэра Джека довлели над всем его ближайшим окружением. Что ж, когда-то, в годы былого высокомерия, Губернатор сравнивал себя с могучим дубом, укрывающим своей сенью подчиненных. Сегодня он спасал от дождя самый настоящий гриб: вкрадчиво-серый итальянский костюм, белая, застегнутая на все пуговицы рубашка, круглая голова с коротко остриженными седыми волосами. Стиль середины 90-х выдержан безупречно — даже очки были той же эпохи.

Может, это один из крупных инвесторов, которым все еще заговаривают зубы? Когда же до них наконец дойдет, что первые дивиденды получат разве что их внуки?!

— Мой друг Джерри Бэтсон, — объявил сэр Джек, обращаясь скорее к Марте, чем ко всем остальным. — Прошу прощения, — добавил он тут же, сокрушенно качая головой, — отныне СЭР Джерри.

Джерри Бэтсон. Фирма «Кабо, Альбертаччи и Бэтсон». Гриб отреагировал на слово «сэр» легкой улыбкой. Он почти растворялся в воздухе, незаметный-незаметный, кроткий. Дзенский отшельник. Камушек в вечно струящемся потоке, немой колокольчик на ветру.

— Простите, — произнесла Марта, — я не совсем понимаю, в каком качестве вы здесь присутствуете.

Джерри Бэтсон знал, что самому объяснять свое присутствие ему не придется. Раздался раздраженный перезвон орденов — то вскочил сэр Джек. Да, внешность опереточная — но тон он взял вагнеровский, вернув кое-кого из присутствующих назад в дни «Питмен-хауса-1».

— Качество Джерри, мисс Кокрейн, качество Джерри состоит в том, что он задумал, помогал

задумать, оказал важнейшее содействие при подготовке замысла всего, черт подери, Проекта. В каком-то смысле. Пол подтвердит.

Марта посмотрела на Пола. К ее удивлению, он непоколебимо выдержал ее взгляд.

— Это было еще до тебя. Сэр Джерри сыграл ключевую роль в предварительной работе над Проектом. Она задокументирована.

— Мы все ему, несомненно, благодарны. Но вопрос остается вопросом: в каком качестве он здесь?

Бессловесно, выставив в умиротворяющем жесте ладони, Джерри Бэтсон воспарил над стулом — вроде бы без всякой помощи мускулов. И, еле заметно кивнув Марте, покинул комнату.

— Хамство на хамстве, — прокомментировал сэр Джек.

В тот же вечер губернатор, одетый в простую домашнюю форму — подпоясанный кожаным «сэмбрауновским» ремнем китель и короткие гетры, — уселся напротив сэра Джерри, крутя в руке бокал. Свободной рукой он вяло обвел свою скромную гостиную. Из ее пяти окон были видны утесы и море, но баварские камины украла она, а Бранкузи униженно горбился за баром.

— Все равно что поселить адмирала флота в

гардемаринский кубрик, — проворчал он. — Унижение на унижении.

— А арманьяк по-прежнему хорош.

— Предусмотрено контрактом. — В голосе сэра Джека сквозила неуверенность: он колебался между гордостью (сумел ведь пропихнуть свое условие) и печалью (до чего довели!). — Теперь у меня вся жизнь по этому гребаному контракту. Вот куда мир катится, Джерри. Боюсь, дни старых пиратов давно миновали. Мы — динозавры. «Чтобы это сделать, надо это сделать» — таков был мой вечный девиз. А нынче знаете как? И пальцем не шевельни, если у тебя нет колдунов, маркетологов и рабочих групп, которые связывают по рукам и ногам. Где дерзость, где нюх, где, черт подери, обыкновенное мужское мужество? «Навек прощайте, рыцари наживы...» — сказано печально, но верно.

— Да, так говорят. — Бэтсон всегда находил, что вернейший способ заставить сэра Джека не тянуть резину — это полный нейтралитет. Собеседникам сэра Джека активность противопоказана.

— Но вы видите, куда я клоню?

— Я слышу, от чего вы отталкиваетесь.

— Я о ней. О... Мадам. Все пустила на самотек.

Перестала следить за мячом. Никакого предвидения у этой бабенки. Когда она... когда я назначил ее гендиректором, признаюсь, я питал надежды. Надежды, что человеку, который уже не столь молод... — сэр Джек поднял руку, пресекая возражения, которых вообще-то все равно бы не дождался, — удастся перевести дух. Посидеть на заднем сиденье. Уступить место молодым львам и все такое.

— Но.

— Но. У меня есть свои источники. Я слышу о безобразиях, которым чуть более твердая рука не стала бы ни потворствовать, ни давать волю. Пытаюсь предостеречь. Но вы своими глазами видели, как бесцеремонно со мной обращаются на высоких совещаниях. Бывают моменты, когда мне кажется: мой великий Проект исподволь разрушают из чистой зависти и злобы. И в такие моменты, признаюсь, я виню себя. Смиренно виню себя. — Сэр Джек покосился на Бэтсона, чье невозмутимое лицо давало понять, что Бэтсон поневоле признает правоту сэра Джека; впрочем, если подумать, то, может быть, и не признает. — А трудовые контракты, составленные «Питко», в определенных аспектах не очень удачны. Хотя подобные документы, кстати, менее непрелож-

ны, чем кажутся на первый взгляд...

Джерри Бэтсон кротко передернул плечами, что можно было интерпретировать как кивок. Значит, на философскую теорию бизнеса, созданную сэром Джеком, вышла проруха. Чтобы что-то сделать, надо это сделать — кроме тех случаев, когда ничего не поделаешь. Читай, кроме случаев, когда пороху не хватает. Выждав, Джерри пробурчал:

— Вопрос в том, какие варианты мы хотим исключить, а какие ввести. Плюс параметры.

Сэр Джек громоподобно вздохнул и шумно приложился к арманьяку. Почему он обречен вечно работать с Бэтсоном? Умный, конечно, парень — чего еще и ожидать за такие-то гонорары. Но не знает смака настоящих суровых мужских разговоров. То молчит, как имбирный пряник, то щебечет, как целый семинар желторотых студентов. Ну ладно, к делу.

— Джерри, вам открыт новый счет. — И умолк... ровно на столько секунд, чтобы подставить Бэтсону нежданную подножку. — Знаю-знаю, всеми новыми счетами занимаются Боб и Сильвио. Очень умно с их стороны в свете их... как бы вы сказали... недостаточно экзистенциальной реальности. Не говоря уже об экзистенциальной

реальности их счетов на Нормандских островах.

Смиренная улыбка уличенного Бэтсона перешла в тихий смешок. Возможно, старый волк еще не утратил хватку. Интересно, он все время знал и нарочно сдерживался или докопался лишь сейчас, от нечего делать? Впрочем, спрашивать об этом Джерри не собирался — разве сэр Джек правду скажет?

— Ладно, — заключил губернатор, — не буду я вас больше уламывать, как мальчик девочку. У вас есть клиент.

— И хочет ли этот клиент, чтобы я еще немножко помечтал?

Сэр Джек проигнорировал подсказку и прилагаемое к ней воспоминание.

— Нет. Этот клиент требует действий. У этого клиента есть проблема, четыре буквы, рифмуется со «скука». Ваша задача — найти решение.

— Решения, — эхом откликнулся Джерри Бэтсон. — Знаете, мне иногда приходит в голову, что это и есть наш профиль — я о нас как нации. Мы, англичане, заслуженно славимся своим прагматизмом, но наша конструктивная гениальность проявляется именно в решении проблем. Взять мой любимый пример. Умирает королева Анна. В тысяча семьсот лохматом. С престолонаследни-

ками — напряг. Все ее дети сами уже покойники. Парламент хочет, чтобы на трон опять сел протестант. Это не каприз — необходимость. Серьезная проблема. Колоссальная. Все возможные наследники, как на подбор, католического вероисповедания или состоят в браке с католиками, что в те времена считалось не менее дурной кармой. И что же делает парламент? Обходит пятьдесят — пятьдесят с гаком — превосходных особ королевской крови с законными, законнейшими и более чем законными притязаниями на титул и выбирает безвестного ганноверца: серый, как штаны пожарника, по-английски ни бе ни ме, зато лютеранин на все сто десять процентов. И этого типа парламент впаривает нашей нации под видом заморского спасителя. Блестяще. Виртуозный маркетинг. Столько веков прошло, а все равно глаза на лоб лезут. О да!

Сэр Джек откашлялся, прерывая поток отвлеченных рассуждений.

— Подозреваю, что в подобном аристократическом обществе моя проблема покажется вам мелкой рыбешкой.

* * *

Весь жизненный опыт Марты убеждал ее отнестись к регрессивному психозу Джонсона как к чисто административной проблеме. Служащий нарушил контракт: увольнение, срочная высылка с Острова и немедленная замена надежным человеком, подобранным по базам данных. В отличие от истории с контрабандистами публичное наказание тут не годится. Значит, выгнать, и все дела.

Но сердце Марты говорило: «нет». Проект жил по непреложному правилу: либо ты работаешь, либо болеешь. Болен — отправляйся в Дьепп, в больницу. Но подпадает ли случай Джонсона под юрисдикцию медиков? Какой тут может быть диагноз — «впал в историю», что ли? Его запросто могут отфутболить к историкам.

У Марты голова шла кругом. Именно Остров превратил «доктора Джонсона» в доктора Джонсона, именно Остров обнажил его беспомощную душу, сорвав защитные кавычки, — но это уже не важно. Озарение, постигшее ее в тот миг, когда Джонсон нависал над ней, бормоча и кашляя, состояло вот в чем: его боль не надуманна, а реальна. Реальна, потому что Джонсон соприка-

сается с истинной реальностью. Марта понимала, что этот вывод шокирует многих — того же Пола, к примеру — своей вызывающей иррациональностью (куда там, безумием!); но ее интуиция была непоколебима. Как он сорвал с нее туфлю и, словно искупая грех, забормотал «Отче наш»; с каким лицом говорил о своих пороках и недостатках, о надеждах на прощение и спасение. Не важно, какие внешние обстоятельства привели к Марте это озарение во плоти, — она увидела существо, заключенное, как в одиночке, в самом себе, нагое живое создание, корчащееся от боли при малейшем соприкосновении с внешним миром. Сколько уже лет она такого не видывала — и не чувствовала?

Церковь Святого Старвиния, вся заросшая зеленью, находилась в одном из немногих уголков Острова, которые еще не были реквизированы под нужды Проекта. Марта пришла сюда в третий раз. Ключ у нее был, но здание, давно уже потонувшее в море нестриженого кустарника, стояло незапертое, никем не посещаемое. Пахло здесь плесенью и гнилью; на уютное убежище от мирской суеты церковь не тянула — скорее то было продолжение, да куда там, сгущение промозглой прохлады окрестного леса. Вышитые крестиком

молитвенные подушечки — холодные и влажные на ощупь; обтрепанные псалтыри воняли букинистической лавкой; казалось, будто даже свет, еле-еле просачиваясь через викторианские витражи, — и тот попадает в помещение уже отсыревшим. И она, Марта, мечется пытливой рыбкой по этому резервуару с каменным дном и зелеными стенками.

Церковь не впечатляла Марту какой-то особенной красотой: ни тебе выверенных пропорций, ни лощеного шарма, ни даже забавной причудливости. Но это было только к лучшему, поскольку оставляло ее наедине с тем, что символизировало здание. Как в прошлый и позапрошлый приход сюда, она пробежала глазами список ректоров, начинавшийся с тринадцатого века. Какая разница между ректором и викарием — или там пастором, или дьячком? Все эти градации, как и прочие тонкости и загадки религии, были для нее закрытой книгой. Ее ноги оскальзывались на выемках в неровном полу — следах медной мемориальной плиты, давным-давно увезенной и секуляризированной каким-нибудь музеем. Со стены сверху вниз на нее глядел, как и в прошлый раз, все тот же номерной список псалмов — последовательность цифр, которая обязательно

выиграет в лотерее «Вечность». Она подумала о деревенских жителях, которые приходили сюда и из поколения в поколение пели одни и те же псалмы, верили в одни и те же вещи. А теперь псалмы и деревенские жители исчезли безвозвратно, словно здесь прошли люди Сталина. Сюда бы композитора, о котором рассказывал Пол в их первую встречу, — пусть сочинит новые псалмы, новую истинную веру.

Живых выставили, но с мертвецами номер не прошел — на мертвецов можно положиться. Энн Портер, возлюбленная супруга Томаса Портера, эсквайра, и мать пятерых его детей: Эстер, Уильяма, Бенедикта, Джорджианы и Саймона, также нашедших упокоение неподалеку. Прапорщик Роберт Тимоти Петтигрю, скончался от лихорадки в Бенгальском заливе февраля 23 дня лета Господня 1849, жития его было 17 лет и 8 месяцев. Рядовые Королевского Гемпширского полка Джеймс Торогуд и Уильям Петти, пали в битве при Сомме с интервалом в два дня. Гиллиамус Трентинус, умер по недоступной неучам латинской причине и с архипространной эпитафией в 1723-м. Кристина Маргарет Бенсон, чьи щедрые пожертвования сделали возможной реставрацию этого храма, осуществленную в 1875 году

Хьюбертом Доджетом; память об этой достойной даме увековечена в маленьком витраже в апсиде, который изображает ее вензель, переплетенный с листьями аканта.

Марта не знала, зачем в этот раз принесла цветы. Могла бы заранее догадаться, что здесь их никуда не приткнешь — ни вазы, ни воды, дабы гипотетическую вазу наполнить. Положив цветы на алтарь, она повернулась лицом к выходу и неловко пристроилась на переднюю скамью. И оставь вигвам, стог и чаши, якоже мы оставляем скворушкам каши... Яко твои есть лекарство, лилии, сказка. Она вновь повторила с начала до конца свой детский стишок, давно позабытый, воскрешенный лишь бормотанием доктора Джонсона. Богохульным он больше не казался — разве что параллельной версией, альтернативным стихотворением. Продуваемый ветром, переносной вигвам ничуть не хуже сырой каменной церкви, прикованной к одному месту. Цветы — самый естественный дар, приходящий в голову человеку, символ нашей собственной бренности: тем паче эти цветочки, для которых не нашлось ни воды, ни вазы. А сказка — вполне пристойный вариант, даже лучше, чем в оригинале. Слава — по сути, всегда сказка. Все это запросто могло

бы оказаться правдой, если бы не было враньем.

Если бы не было враньем. Яростное презрение и остроумные богохульства ее школьных лет были порождены именно этим фактом, этим умозаключением: все это вранье, колоссальная ложь, которую человечество само себе навешало на уши. «Да сварится вымя Твое...»

А уже в зрелом возрасте, когда в ее голову ненадолго залетали мысли о религии, они всегда описывали одну и ту же изящную силлогическую петлю: все это неправда, а придумали ее «Они», чтобы мы не бунтовали против смерти. Это «Они» создали систему и используют ее как средство контроля над обществом, сами «Они» верят, это очевидно, но свою веру навязывают как неопровержимую истину, как краеугольный камень общественной жизни наподобие патриотизма, наследственного права на правление и объективного превосходства белых мужчин над всем остальным человечеством.

Что ж, тут и спорить не о чем — или она просто пустоголовка проклятая? Если система рухнет, если архиепископ Кентерберийский превратится в безвестную, не вызывающую доверия фигуру еще похуже доктора Макса, выпорхнет ли вера из клетки? А если и выпорхнет, приблизится ли

к истине хотя бы на шаг? Или нет? Что привело ее сюда? Скептические варианты ответа Марта знала назубок: разочарование, возраст, недовольство скудостью жизни — точнее, скудостью того, что известно ей под именем «жизнь», скудостью того, что она, Марта, выбрала. Да, и еще кое-что: затаенное любопытство, граничащее с завистью. Что они знают, все ее будущие спутники — Энн Портер, Тимоти Петтигрю, Джеймс Торогуд и Уильям Петти, Гиллиамус Трентинус и Кристина Маргарет Бенсон? Больше, чем она, или меньше? Ничего? Кое-что? Все?

Когда она вернулась домой, Пол повел себя с наигранной непринужденностью. Пока они ели и пили, Марта чувствовала, как зреют в нем напряжение и чувство собственного превосходства. Что ж, искусством ожидания она владеет. Мимо внимания Марты не прошло, что Пол трижды хотел было что-то сказать, но все три раза поворачивал разговор в безопасную сторону. Наконец, поставив перед ней чашку с кофе, он тихо спросил:

— Кстати, у тебя что, роман?

— Нет, — облегченно рассмеялась Марта. Это взбесило его, а затем ввергло в педантизм.

— А может быть, ты в кого-то влюблена и думаешь насчет романа?

— Тоже нет.

Она ходила в заброшенную церковь. Нет, туда же она ходила и раньше, когда отсутствовала неизвестно почему. Нет, она ни с кем там не встречается. Нет, она не уверовала. Нет, она ходила туда, чтобы уединиться.

Вид у Пола был почти разочарованный. Наверно, проще и гораздо тактичнее было бы сказать: да, я встречаюсь с другим человеком. Законное оправдание для пропасти, возникшей между ними, для уныния. Конечно, доктор Джонсон сформулировал лучше: они утратили нежность взгляда и благодушие разума. Да, могла бы она сказать, вини во всем меня. Этой уверткой пользуются многие женщины — и многие мужчины. Фраза: «Мне кажется, я полюбил/а другую/ого» — не так жжет самолюбие, как «мне кажется, я разлюбил/а тебя».

Потом, в темноте, опустив веки, она поднимала глаза от массивных пуговиц к белому шейному платку и выше, к широкому измученному лицу. Верно, Пол, могла бы она сказать, верно, есть человек, к которому меня тянет. Он старше меня — наконец-то. Я могу вообразить себя влюбленной в него. Имени я тебе не скажу — а то будешь смеяться. В каком-то смысле это и вправду смеш-

но, но ненамного смешнее, чем некоторые мои любовные опыты. И есть одна, понимаешь, загвоздка: его нет на свете. То есть он был, но уже пару веков назад как умер.

Полегчало бы от этого Полу?

* * *

Тед Уэгстафф стоял перед Мартой, как диктор «Метеоновостей», собирающийся испортить день национального праздника.

— Нечто необычное? — подала она нужную реплику.

— Ох, похоже, что да, мисс Кокрейн.

— Но вы мне об этом расскажете. Желательно сейчас же.

— Это, увы, мистер Гуд и его стрелки.

— О нет.

Стрелки Робин Гуда... Те, другие инциденты сойдут за мелкие сбои: избалованные служащие впали в манию величия, ген преступного поведения исподволь заявил о себе, непредвиденное проявление синдрома ложной личности. Ненамного серьезнее тех проделок, которые его величество, надув губки, именует «маленьким оттягом». Для судебно-исполнительной власти — работа на пять минут. Но на Робин Гуде, как

подтверждали данные отдела обратной связи с гостями, держался весь Проект. Первичный миф, репозиционированный ценой долгих споров. Персоналу шайки было велено культивировать в себе душевную утонченность; неудобные мотивы — не соответствующее современной этике отношение к дикой природе, чрезмерное потребление красного мяса — были опущены либо завуалированы. Рекламный отдел весь год напролет раскручивал Робин Гуда аршинным шрифтом. И если в Джеффовом списке Квинтэссенций он занял седьмое место, то в рейтинге популярности у гостей — уже третье, и записываться на него следовало за полгода.

Всего пару дней назад Марта заглянула в Пещеру посредством видеокамеры — и тогда все было вроде бы в порядке. Яйцевидный курган, облицованный снаружи и внутри диким камнем, смотрелся вполне средневеково; репатриированные из Саудовской Аравии дубы росли и крепли; человек, наряженный медведем, отлично вжился в образ. С двух сторон — справа и слева — к Пещере тянулись благовоспитанные очереди желающих заглянуть через смотровые окна внутрь. Таким образом Гости знакомились с бытом и обычаями Веселых Стрелков: видели,

как Мук Сын Мельника печет хлебы с отрубями и каротином, Вилл Скарлет втирает в свою багровую кожу настой ромашки, а Маленький Джон и его столь же миниатюрные собратья приятно проводят время в своих мини-покоях. Затем экскурсантам показывали тренировки в стрельбе из лука (участие гостей не только возможно, но и желательно) и вели в Яму, где монах Тук прилежно поливал жиром жареного «быка» (охотно поясняя любопытным, что на самом деле это соевый муляж, намазанный клюквенным соком). Наконец гостей провожали на трибуны, и Настоящий Английский Шут в колпаке с бубенцами развлекал их трансэпохальными — средневековыми по форме и злободневными по содержанию — монологами, прежде чем начиналось главное действо: битва (больше похожая на назидательную мистерию) между либералами-рыночниками (Веселыми Стрелками Робин Гуда) и коварным шерифом Ноттингемским, опирающимся на коррумпированную бюрократию и вооруженную до зубов армию.

Значительный вклад Веселых Стрелков в имидж Острова вознаграждался материально. Набирая шайку, рекрутеры протралили лучшие театры; некоторые стрелки даже выговорили

себе процент от прибыли. Жили они в роскошных квартирах, а их фан-клуб имел отделения по всей планете, от Стокгольма до Сеула. Что они, с жиру бесятся?

— Говорите.

— Началось с месяц назад. Мы думали, это так, моча в голову ударила. Выпороть как следует, и все дела.

Либо у нее, у Марты, иссякает терпение, либо у Теда Уэгстаффа прогрессирует ложная личность.

— К делу, Тед.

— Извиняйте, мисс Кокрейн. Стрелки сказали, что бык им не нравится. Говорят, на вкус как дерьмо. Мы сказали: ладно, посмотрим, что можно сделать. Попробовали быка сами. Не бог весть что, но есть можно. Говорим: слушайте, сцена, где вы его режете на куски и слюнки пускаете, не такая уж длинная, неужели нельзя сделать вид? Или просто подержите во рту, потом выплюнете. Мы пообещали заняться проблемой. И ЗАНЯЛИСЬ. Вплотную, мисс Кокрейн. Разработали меры. Привозим самолетом из Руана лучшего шеф-повара, чтобы попробовал придать этой штуковине мясной привкус. Не получится — пожалуйста, есть запасной вариант: переписываем сценарий, делаем Тука никудышным поваром, чтобы стрел-

ки имели право выплевывать мясо.

Тед взглянул на Марту, словно ожидая аплодисментов за смекалку. Марту интересовала суть.

— Но?

— Но не успели мы и глазом моргнуть, как Яма запахла совсем по-другому, стрелки обжираются до отвала и ничего не выплевывают, а из Исторического заповедника пропал овцебык Дингль.

— Это же на том краю Острова!

— Знаю.

— Разве все животные не снабжены электронными бирками?

— Бирка обнаружена в загоне Дингля. Вместе с его ухом.

— Значит, быка они себе добыли. А еще?

— Похитили одну девонскую длинношерстную овцу, пару глостерских пятнистых коров и трех лебедей. А на прошлой неделе очистили Стэкпуловский Мемориальный пруд от уток. Продукты, которые мы им подвозим, они теперь швыряют прямо в урны. Живут охотой.

— В наших заповедных парках.

— И на наших старинных английских фермах. И в наших лесах и рощах. Мерзавцы убивают своими стрелами кого ни попадя. И овощи таскают с огородов в Долине Бунгало.

— Возможно, все дело в режиме питания?

— Куда там, мисс Кокрейн. У этого Робина жалоб вагон с маленькой тележкой. Говорит, что в Шайке ни к чему некоторые представители нестандартных меньшинств — дескать, их присутствие понижает боеспособность и охотоспособность отряда. Требует заменить их «настоящими людьми» — это его выражение. Говорит, стрелки хотят иметь право на личную жизнь, так что смотровые окна они завесят. Да, я знаю, что вы сейчас скажете. Также он утверждает, что наличие гомосексуалистов в составе Шайки подрывает военную дисциплину. Театрализованные бои назвал бодягой. А не будет ли, говорит, реалистичнее, если назначить людям шерифа денежные награды за поимку стрелков, а им самим, стрелкам то есть, разрешить устраивать засады на шерифовых людей где угодно. И еще он жалуется... не обессудьте, мисс Кокрейн, сейчас скверные слова будут.

— Заранее прощаю, Тед.

— Ну-у... он сказал, что член у него совсем проржавел от безделья и чем вы думали, когда подсунули ему в жены ковырялку?

Марта изумленно уставилась на Теда. Эта новая напасть была выше ее разумения.

— Но... Тед... посудите сами, начнем с того, что дева Мэриан, как там ее зовут, Ванесса, говоря начистоту... она не лесбиянка, а только играет роль.

— По нашим сведениям, играет слишком хорошо. Наверное, вошла в образ. А скорее, просто голову ему дурит. Чтоб не приставал.

— Но... послушайте, при всем при том, насколько я помню тот легендарный доклад доктора Макса, Дева Мэриан все равно не спала с Робином.

— Что было, то было, мисс Кокрейн. А теперь у нас вот какие дела: Робин плачется, что все это несправедливо и не по-честному и вообще оскорбляет его мужское достоинство, поскольку, простите меня за его выражение, он уже полгода никого не употреблял.

На миг Марту обуяло желание позвонить доктору Максу и познакомить его с обычаями пасторальных сообществ в современном мире. Подавив искушение, она занялась практической стороной дела.

— Хорошо. С точки зрения контракта он злостный нарушитель. И все его стрелки — тоже. Но суть в другом. Он взбунтовался, верно? Против Проекта, против нашего репозиционированного

мифа, против каждого Гостя, который приходит на него поглазеть. Он... он...

— Отъявленный разбойник, мэм?

Марта улыбнулась:

— Спасибо, Тед.

Мятеж Шайки? Даже подумать страшно. На Робин Гуде все держится. Убери его, и Остров рухнет. А вдруг пример окажется заразительным? Вдруг его величество решит, что жаждет царствовать и править всерьез, или, если уж на то пошло, королева Боадицея сочтет короля наглым узурпатором, чей род приперся на гот овенькое с Континента? Что, если немцы сочтут уместным выиграть «Битву за Британию»? Последствия просто невообразимы. А малиновки? Вдруг им разонравится снег?

* * *

— Нам надо поговорить, — произнесла Марта и заметила, как заиграли желваки на щеках Пола.

Оскорбленное лицо мужчины, приглашенного на сеанс выяснения отношений. Марте захотелось его успокоить. Все нормально, тот этап — когда разговаривают и/или не разговаривают — нами пройден. Есть всякие разные ощущения, которые я не в силах выразить словами, а по-

скольку тебе в любом случае о них и слышать не захочется... просто замнем.

— Насчет Робин Гуда.

Пол сразу вздохнул свободно, отметила Марта. Его настроение все улучшалось и улучшалось по мере того, как они обсуждали судебно-исполнительные акты, способы укрепить доверие гостей и методы скоростной переподготовки кадров. Они были абсолютно согласны друг с другом относительно того, что: а) над Проектом нависла серьезная угроза; и б) проблема не по части таможенно-акцизного управления. Именно Пол предложил задействовать спецназ, именно Пол призвал решить дело в ближайшие сорок восемь часов, именно Пол вызвался отправиться к стрелкам в качестве практического координатора. Сказав: «Ну, увидимся. Наверно, не очень скоро», Пол ушел с успокоенной, увлеченной занимательными хлопотами душой.

Да, на работе им все еще была подвластна эта гармоничная стенография в четыре руки; но дома они обходились ворчливой рутиной, полной вежливых умолчаний. Когда-то он сказал, что благодаря ей стал чувствовать себя настоящим. О чем она теперь плачет — о былой лести или былой правде?

Вот некоторые из всяких разных ощущений, которые она не в силах выразить словами:

— что он абсолютно ни в чем не виноват;

— что, несмотря на исторический скептицизм доктора Макса, в счастье она верит;

— что, говоря «я верю в счастье», она подразумевает свое убеждение, что подобное состояние существует и что к нему стоит стремиться;

— что искатели счастья делятся на две группы — те, кто в своих поисках руководствуется критериями, которые сформулированы другими людьми, и те, кто руководствуется своими собственными критериями;

— что ни один из этих двух методов поиска не является более высоконравственным, чем другой;

— но что для нее счастье завязано на верности себе самой;

— верности своей истинной природе;

— то есть верности своему сердцу;

— однако основная проблема, главная беда человеческой жизни вот в чем: «как познать свое собственное сердце?»;

— из чего вытекает смежная проблема: «как узнать, какова твоя природа?»;

— что большинство людей считают, что их

истинная природа родом из детства: и потому, рассказывая с мечтательно затуманенным взором свою автобиографию, демонстрируя свои фотографии в юном возрасте, вроде бы стараются правдиво описать свою природу;

— вот ее фотография в детстве, она кривится под жарким солнцем, надув нижнюю губу: что ж, это и есть ее истинная природа или же неспособность ее матери к фотографии?;

— но что, если эта природа не более природна, не более естественна, чем та природа, которую саркастически описывал сэр Джек, рассказывая о своей загородной прогулке?;

— поскольку если твоя природа для тебя непостижима, это наверняка уменьшает твои шансы на счастье;

— а что, если докопаться до своей природы все равно что выйти к торфянику, внутренняя структура которого так и останется для тебя загадкой, а биоценоз — китайской грамотой?;

— что, несмотря на благоприятные условия, на отсутствие препятствий и на тот факт, что, на ее взгляд, она почти наверняка любит Пола, счастливой она себя не чувствует;

— что сначала ей казалось: это потому, что ей с ним скучно;

— или что с его любовью ей скучно;

— и даже — что с ее собственной любовью ей скучно;

— но она не была уверена (да и какая здесь уверенность, если собственной природы не знаешь?), что загвоздка именно в этом;

— возможно, все проще — ей не любовь нужна;

— между прочим, не такой уж эксцентричный вывод, утешил бы ее доктор Макс;

— а может, причина в том, что любовь пришла к ней слишком поздно, слишком поздно, чтобы отвести от нее одиночество (если таков критерий любви); слишком поздно, чтобы сделать ее счастливой;

— что — возвращаясь к лекции доктора Макса — в Средневековье люди стремились скорее к спасению души, чем к любви, но эти два понятия не обязательно противоположны друг другу;

— просто с течением веков люди все занижали и занижали свои притязания;

— и когда мы ищем счастья, вполне возможно, что мы гонимся за какой-то сниженной формой спасения души, хоть и не осмеливаемся употреблять такие слова всуе;

— что, возможно, ее жизнь тоже подпадает под

определение, которое доктор Джонсон дал своей: «пустошь тщетно потраченного времени»;

— что она едва ли приблизилась даже к самой низменной форме спасения;

— что он абсолютно ни в чем не виноват.

* * *

Облава в Пещере Робин Гуда рекламировалась шепотом как уникальный эксперимент в области синтеза эпох, допускаются только самые почетные гости при условии уплаты двойной наценки. К шести вечера U-образная трибуна ломилась от зрителей, а заходящее солнце, как по заказу, подсвечивало вход в Пещеру.

В верхнем ряду сидели Марта и другие члены совета директоров. Ситуация критическая, самые принципы Проекта — в опасности; однако, если дело кончится благополучно, в процессе улаживания проблемы могут возникнуть новые интересные задумки. Теория досуга не стоит на месте. Они с Полом уже немного пофантазировали о том, какие еще трансэпохальные и асинхронные эпизоды можно было бы ввести в историю нации. Кстати, а где же Пол? Наверно, еще за сценой, шлифует со стрелками мизансцены.

Обнаружив, что рядом с ней уселся сэр Джек, Марта была немало взбешена. Думает, это формальная церемония? Как же, как же. Кому, интересно, он выкрутил руки, чтобы узурпировать место доктора Макса? А что это у него там на мундире — никак, новый ряд самопальных медалей прибавился? Когда же «Веселый Джек» обернулся к ней, улыбаясь на манер «Веселого Роджера» и задорно потряхивая головой, Марта заметила, что седые волоски в его бровях наконец-то почернели.

— Хоть режьте, не мог я такое развлечение пропустить, — проговорил он. — Но не желал бы я оказаться на вашем месте.

Марта проигнорировала его. В прежние времена она бы вскинулась; теперь же осталась безучастна. Главное — власть над «Питко». А если сэру Джеку дурь в голову ударила... Что ж, она может урезать вдвое мощность его ландо в лошадиных силах, аннулировать условие контракта насчет арманьяка или повесить ему на ухо электронную бирку овцебыка Дингля. Сэр Джек — ходячий анахронизм. Марта слегка подалась вперед, не сводя взгляда с арены боевых действий.

Спецназом Острова командовал полковник

Майкл Майклсон по кличке Безумный Майк. «На гражданке» он был частным тренером по шейпингу с опытом каскадерской работы. Его отряд состоял из гимнастов, охранников, вышибал, спортсменов и танцоров балета. Полное отсутствие армейского опыта не мешало им дважды в месяц разыгрывать «Штурм иранского посольства в 1980 году», требовавший ловкости, глазомера, умелой работы с лассо и талантливого умения драматически корчиться от боли в миг, когда взрывались гранаты с парализующим газом. Но теперь им предстояло дотоле невиданное испытание, и Безумный Майк неподдельно волновался, наставляя своих людей на спешно расчищенной бульдозером площадке перед самым носом первого ряда. Впрочем, его тревожил не исход дела: Веселые Стрелки, как и обитатели иранского посольства, должны были следовать сценарию. Нет, Майк беспокоился, что неотрепетированное представление будет выглядеть неправдоподобно. Кроме того, даже Майк знал, что дневной штурм Пещеры — грубейшая ошибка в плане военной стратегии. Лучший способ нейтрализовать шайку Робин Гуда — в смысле, будь они его настоящими врагами — это посреди ночи ворваться в Пещеру через служебный вход

с фонариками и монтировками. Но ничего, на Майка можете положиться — он все сделает красиво, не подвели бы только господа актеры.

Как и на «Штурме», беспроводные радиомикрофоны и специальные наушники доносили до слуха зрителей каждое слово участников. Безумный Майк изложил свой план, подкрепляя слова красноречивыми жестами. Две штурмовые группы, в полном ночном камуфляже, внимали с театральным благоговением, одновременно готовясь к бою: один точил длинный кинжал, второй поигрывал кольцом гранаты, еще двое проверяли на эластичность нейлоновый шнур. Полковник закончил свою речь лаконичным (поскольку все профессиональные вводные выражения были опущены) напутствием, призывающим к дисциплинированности и хладнокровию; затем, взмахнув рукой и вскричав: «Раз-два-три-раз!!!», отправил на поле боя секстет под кодовым названием «группа “Альфа”».

Трибуны благодушно, с ощущением «дежа вю», граничащим с точным знанием, смотрели, как «Альфа» разделилась надвое, исчезла в лесу, а затем при помощи шкивного механизма десантировалась с деревьев на крышу Пещеры. К каменной поверхности прилипли подслуши-

вающие устройства, в жерло Пещеры спустился микрофон, и двое спецназовцев начали спускаться по тросам по бокам робин-гудовских хором.

Не успела «Альфа» отрапортовать о занятии позиций, как по трибунам прокатился хохот. Из Пещеры вылез монах Тук с огромными садовыми ножницами, снабженными длинными ручками. Бормоча всякую отсебятину, он перерезал шнур микрофона, подобрал его с земли и швырнул в сторону зрителей. Безумный Майк проигнорировал этот вульгарный, не предусмотренный сценарием выпендреж. Группа «Бета» с Майком во главе легла ничком и поползла по открытому участку к Пещере. В лучших традициях театральной войны они прикрепили к своим маскам-подшлемникам зеленые ветки.

— «Спокоен будь, пока Бирнамский лес не двинулся на Дунсинан», — возвестил сэр Джек если не на всю трибуну, то на дюжину рядов вглубь — точно. — Как изрек гениальный Вильям.

«Бете» оставалось двадцать ярдов до входа в Пещеру, когда три стрелы, просвистев над головами спецназовцев, вонзились в землю, чуть-чуть не долетев до первого ряда. Гром аплодисментов подтвердил, что за такой ювелирно выверенный реализм двойной наценки не жалко. Безумный

Майк обвел взглядом своих коллег — гимнастов и охранников — и оглянулся на трибуны, почти ожидая сигнала либо дополнительных указаний от Пола по рации. Ничего не дождавшись, он прошептал в микрофон: «Робин-Бобин-Барабек. Скушал сорок человек. Сорок секунд, ребята». И сделал импровизированный знак «Альфе» на вершине Пещеры. Четверо из шести ее бойцов уже качались на шнурах над окнами, выверяя глубину и расстояние своих гимнастических прыжков. Глянув вниз, они с удивлением узрели жирно блестящие настоящие стекла и глазам своим не поверили: ведь в посольстве окна были застеклены особой толстой пленкой, которая легко раскалывалась на безопасные тупые осколки. Что ж, наверно, технический отдел изобрел еще более правдоподобную замену...

Безумный Майк и его Номер Второй встали на колени. Каждый метнул в жерло Пещеры по гранате с нервно-паралитическим газом. Специальные тридцатисекундные взрыватели гарантировали драматическое напряжение; услышав взрывы, «альфовцы» начнут выбивать окна. «Бетовцы» лежали, уткнувшись в грязь, театрально затыкая уши, — и вдруг услышали сзади еще один взрыв хохота во славу двойной нацен-

ки. Обе гранаты, до взрыва которых оставались считаные секунды, вылетели из Пещеры назад. Вслед прилетели три стрелы, которые вонзились в грунт, ей-богу, слишком уж близко. Гранаты громко разорвались в самой гуще «бетовцев», которые утешались лишь тем, что взрывы ненастоящие. «Ну и вонища, мать вашу», — пробурчал себе под нос Майк, совсем позабыв, что каждое его слово транслируется в уши всех толстосумов на трибунах.

В сердцах он вскочил на ноги и, крича: «Раз-два-три, РА-АЗ!», поднял отряд в атаку. Одновременно с этим четверо спецназовцев на тросах оттолкнулись от каменных стен, нацелив окованные железом носки своих ботинок на огромные окна.

Позднее было много споров о том, кто завопил от боли раньше — «альфовцы», чье соударение с двойными армированными стеклами Пещеры стоило им в общей сложности двух сломанных лодыжек и восьми осложненно вывихнутых коленных суставов, или «бетовцы», узревшие, что им навстречу летит с полдюжины стрел. Одна ранила Майка в плечо; другая застряла в бедре его Номера Второго.

— Раз-два-три, РА-А-А-АЗ! — вскричал распростертый на земле полковник, меж тем как его

актеры и акробаты перешли в очень реалистичное спешное отступление.

— Вашу мать, вашу МА-А-АТЬ! — взревел сэр Джек.

— «Скорую», — велела Марта Кокрейн Теду Уэгстаффу, когда невидимые руки, распахнув окна Пещеры, втянули болтающихся на тросах спецназовцев внутрь.

Из Пещеры выскочила мужеподобная телохранительница девы Мэриан и уволокла Безумного Майка в свое логово.

— Раз-два-три, РА-А-АЗ! — кричал он, до последней минуты оставаясь все тем же храбрецом.

— Вашу мать, вашу МА-А-АТЬ! — вторил сэр Джек. Обернувшись к Марте Кокрейн, он заявил: — Даже вы не можете не признать, что абсолютно облажались. По высшему разряду.

Марта ответила не сразу. Она ожидала, что Пол справится с делом лучше. Может быть, мизансцены были обговорены, но Робин Гуд повел двойную игру? Штурм с треском провалился, его участники выглядят незадачливой любительской труппой. И все же... и все же... Она обернулась к губернатору:

— Послушайте, как они хлопают.

И верно. Свист и ироничные аплодисменты

постепенно переходили в ритмичный топот, угрожающий сохранности трибун. Очевидно, публике понравилось. Спецэффекты — превосходные; Безумный Майк, этот раненый герой, создал запоминающийся образ, а ляпы и сбои лишь подтверждали, что все без дураков. Кроме того, внезапно сообразила Марта, большинству гостей хочется, чтобы победа осталась за Веселыми Стрелками. Конечно, спецназовцы — Гордость и Опора Мировой Демократии, но лишь у иранского посольства. Здесь же они — карательный отряд, нанятый коварным шерифом Ноттингемским.

Веселых Стрелков, точно стеснительных актеров, еле выгнали из Пещеры на поклоны. Прибыл вертолет «скорой помощи», чтобы отвезти Номера Второго прямо в дьеппскую больницу, меж тем как самого Безумного Майка, скрученного толстыми веревками, демонстрировали в качестве заложника.

Овация не утихала. Определенно перспективная идея, подумала Марта. Надо ее втроем обсудить: она, Пол и Джефф. Конечно, данную Концепцию еще разрабатывать и разрабатывать; и очень жаль, что стрелки впали в излишний раж; но война эпох явно пришлась Гостям по

нраву.

Сэр Джек, откашлявшись, обернулся к Марте. Величаво увенчал себя треуголкой.

— Утром подадите мне заявление об уходе.

Он что, напрочь утратил связь с реальностью?

На следующее утро, когда Марта открыла дверь в свой кабинет, оказалось, что за ее столом, небрежно теребя свои золоченые аксельбанты, восседает сэр Джек. Он говорил по телефону или, по крайней мере, что-то произносил в телефонную трубку. За его спиной стоял Пол. Сэр Джек указал на низенькое кресло, придвинутое к столу так, чтобы сидящий оказывался точно напротив сэра Джека. Как и на том, первом, собеседовании, Марта отказалась следовать указаниям.

Примерно через минуту, отдав распоряжения тому, кто находился (а может, и не находился) на том конце телефонного провода, сэр Джек нажал кнопку и произнес:

— Придержите пока все звонки. — И поднял глаза на Марту. — Удивлены?

Марта промолчала.

— Что ж, вряд ли не удивлены. — Он хихикнул, словно над какой-то ведомой лишь посвященным аллюзией.

Марта почти догадалась, что он имел в виду, ко-

гда сэр Джек, неуклюже поднявшись, произнес:

— Но, друг мой Пол, я забылся. Кресло-то теперь ВАШЕ. От всей души поздравляю.

Подражая какому-нибудь придворному управителю или парламентскому швейцару, он чопорно отодвинул кресло, а когда Пол начал садиться, резко толкнул сей предмет мебели, пихнув Пола под коленки. У Пола, как не преминула заметить Марта, хватило совести хотя бы на то, чтобы смутиться.

— Видите ли, мисс Кокрейн, азбучных истин вы так и не усвоили. Вы напоминаете мне охотника, который пошел охотиться на медведя гризли. Знаете эту историю? — И, не ожидая ответа на свой вопрос, продолжил: — В любом случае ее стоит поведать вновь. ПО-МЕД-ВЕ-ДАТЬ — отлично придумано, уж простите за нечаянное балагурство. Должно быть, мне сегодня смешинка в рот попала. Итак, один охотник прослышал, что на одном островке у побережья Аляски завелся медведь. И нанял вертолет, чтобы переправиться на остров. Побродив по местности, он отыскал медведя — огромного, великолепного, мудрого старого медведя. Охотник поймал его в прицел, наскоро выстрелил — «пи-и-и-у-у-у-у» — и совершил ужасную ошибку: не убил зверя, а всего

лишь ранил. Медведь убежал в лес, а охотник бросился вдогонку. Он ходил по острову кругами и пересекал его крест-накрест, высматривал медвежьи следы на холмах и в долах. Скорее всего, мишка заполз в какую-то пещеру и отправился к своим мохнатым праотцам. Короче, ноль медведей. День уже клонился к вечеру, и охотник, решив, что хорошенького понемножку, устало побрел к ожидавшему его вертолету. Ему оставалось идти где-то ярдов сто, когда он заметил, что пилот возбужденно машет ему. Охотник замешкался, положил винтовку на землю, чтобы помахать в ответ, и именно в этот миг медведь одним ударом своей великолепной лапы... — сэр Джек изобразил жест на тот случай, если у Марты не хватит воображения, — смахнул охотнику голову с плеч.

— А потом медведь жил-был да мед пил? — не удержалась от сарказма Марта.

— Что ж, я вам, мисс Кокрейн, одно скажу: охотнику точно пришел пиздец. Точно.

Сэр Джек, поднявшись на дыбы, с каждой секундой все больше омедвеживался. Он ревел, он покачивался взад-вперед. Пол, этот восстановленный на работе подхалим, хихикал.

Игнорируя сэра Джека, она сказала новоиспе-

ченному гендиректору:

— Я тебе предрекаю максимум полгода.

— Это что, правдивая лесть? — отрезал он.

— Я полагала... — Ладно, Марта, брось. Ты полагала, что правильно оцениваешь ситуацию. Несколько ситуаций. Оказалось, что это не так. Вот и все.

— Простите, что докучаю вам в миг личной скорби. — Сарказм сэра Джека отдавал похотью. — Но необходимо уточнить ряд деталей. Ваше право на пенсию аннулировано согласно контракту, в связи с вашим вопиющим должностным преступлением по отношению к инциденту в Пещере Робин Гуда. Вам дается двенадцать часов на то, чтобы очистить от личного имущества ваш стол и вашу служебную квартиру. В качестве выходного пособия вы получаете билет третьего класса на паром до Дьеппа — в одну сторону. Ваша карьера оборвалась. А на тот случай, если вы с чем-то не согласны, наш иск к вам по обвинению в афере и растрате уже готов.

— Тетушка Мэй, — ответила Марта.

— У моей матери были только братья, — самодовольно объявил сэр Джек.

Она взглянула на Пола. Тот отвел глаза.

— Улик нет, — произнес он. — Больше нет. Ку-

да-то делись. Сгорели, наверно.

— Или медведь съел.

— Отлично, мисс Кокрейн. Рад видеть, что чувство юмора в вас неистребимо. Разумеется, я вынужден вас предупредить, что в случае, если с вашей стороны последуют публичные или приватные заявления, которые я сочту опасными для интересов моего любимого Проекта, я не колеблясь пущу в ход все свое недюжинное могущество, чтобы вам воспрепятствовать. А зная меня так, как вы меня знаете, вы наверняка осознаете, что я не удовольствуюсь одной лишь самозащитой. Это будет наступление. Полагаю, вам ясно.

— Гэри Джеймс, — ответила Марта.

— Мисс Кокрейн, вы совсем отстали от жизни. Очевидно, даже без меня дело кончилось бы безвременным уходом на пенсию. Ознакомьте ее с новостями, Пол.

— Гэри Джеймс назначен главным редактором «Таймс».

— Причем с повышенным окладом.

— Верно, мисс Кокрейн. «У всякого есть своя цена», — говорят циники. Я не так циничен, как некоторые, здесь присутствующие. Я говорю: «У всякого есть представления о величине денеж-

ного вознаграждения, которого он заслуживает». Разве такой взгляд на жизнь не честнее? Вы сами, если мне не изменяет память, выдвинули кое-какие условия насчет оклада, когда устраивались ко мне. Должность вам нравилась, но цену назначили вы сами. Так что любая критика в адрес достопочтенного мистера Джеймса, чей журналистский опыт практически уникален, была бы обыкновенным лицемерием.

— Вам-то... — Пусть его, Марта, брось. Ну их всех.

— Сегодня утром вы изъясняетесь сплошными недоговорками, мисс Кокрейн. Наверно, стресс виноват. Традиционное лекарство — долгое морское путешествие. Увы, мы можем предложить только краткий переезд через пролив. — Сэр Джек вытащил из кармана какой-то конверт и швырнул его на стол перед Мартой. — А теперь, — заявил он, водрузив на голову треуголку и весь вытянувшись — уже не на манер разъяренного гризли, а наподобие капитана корабля, оглашающего приговор бунтовщику, — я объявляю вас персоной нон грата на Острове. Навечно.

На ум Марте пришли разные варианты ответов — но ее уст они не достигли. Одарив Пола безразличным взглядом и проигнорировав конверт,

она в последний раз вышла из своего кабинета.

* * *

Она попрощалась с доктором Максом, Сельской Мышкой, Язычником-Прагматиком. С доктором Максом, не искавшим ни счастья, ни спасения. Искал ли он любви? Она предполагала, что нет, но о любви у них разговор так и не зашел. Он утверждал, что стремится лишь к удовольствиям, ибо «у них есть оборотная сторона, но и она вычеканена прекрасно». Они расцеловали друг друга в щеки, и на нее пахнуло клонированной eau de toilette. Повернувшись, чтобы уйти, Марта внезапно ощутила укол совести. Да, доктор Макс сам себе построил блестящую раковину, но в этот миг она увидела его уязвимым, простодушным, бескожим. Кто защитит его теперь, когда ее нет?

— Доктор Макс.

— Мисс Кокрейн? — Он стоял перед ней, заложив большие пальцы рук в карманы своего эвкалиптового жилета, словно ожидая очередного студенческого вопроса, который можно отбить, как мячик.

— Послушайте, вы помните, как я вас вызвала пару месяцев назад?

— Когда планировали меня выгнать?

— О... доктор Макс...

— Планировали ведь, верно? В процессе своих научных занятий исто-о-рики приобретают определенный нюх к механике власти.

— У вас все будет нормально, доктор Макс?

— Полагаю, да. Бумаги Питмена придется еще разбирать и разбирать. Опять же биография...

Марта улыбнулась ему и укоряюще покачала головой. Укор предназначался ей самой: доктор Макс не нуждался ни в ее советах, ни в ее покровительстве.

В церкви Святого Старвиния она уставилась на столбик лотерейных номеров. Нет, Марта, и на этой неделе джекпота тебе не видать. Она присела на влажную подушечку с вышитым вензелем и вдохнула полным ртом промозглый свет. Почему ее сюда тянет? Ведь она не молиться пришла. В покаянное настроение не впала, чистенькой себя не чувствует. Неверующая, идущая по пятам Господним, как пес, богохульница, чудесно прозревшая: ее случай не следовал старому благостному поповскому сценарию. Но должны быть хоть какие-то параллели? Это доктор Макс не верит в спасение, а она, кажется, да, чуть-чуть, и надеется найти его среди руин отправленной на слом глобальной спасательной системы.

«Ну хорошо, Марта, чего тебе надо? Мне-то можешь сказать».

«Чего мне надо? Не знаю. Возможно, хочется удостовериться, что у жизни, несмотря ни на что, хватает мощности на серьезные чувства. Правда, мне этих серьезных чувств не перепало. Как, наверно, и большей части человечества. И все-таки».

«Продолжай».

«Ну-у... предполагаю, что жизнь серьезна, когда у нее есть стержневая ось, когда над тобой есть что-то, что больше тебя».

«Мило и дипломатично, Марта. И банально. Торжествующая бессмыслица. Попробуй еще раз».

«Ладно. Если жизнь — банальность, то единственным выходом будет отчаяние».

«Лучше, Марта. Гораздо лучше. Если только ты не имеешь в виду, что ищешь Бога с целью сэкономить на антидепрессантах».

«Нет, тут другое. Ты все переиначиваешь. В церковь я сейчас не за Богом пришла. Вот и еще одна проблема: слова, серьезные слова, истерлись до дыр, поскольку ими сотни лет пользовались всякие там ректоры и викарии, которые на той стене, да им подобные. И теперь слова не сты-

куются с мыслями. Но думаю, в том незавидном во всех прочих отношениях мире было кое-что завидное. Жизнь серьезнее, а потому лучше, а потому выносимее, если она помещена в более широкий контекст».

«Да ладно, Марта, от тебя просто уши вянут. Не знаю, как там у тебя с религиозностью, но благочестия хоть отбавляй. Я предпочитаю тебя прежнюю. Хрупкий цинизм — более адекватная реакция на нашу современность, чем это... сентиментальное томление».

«Нет, не сентиментальное. Отнюдь. Я говорю, что жизнь серьезнее, и лучше, и выносимее, даже если ее контекст капризен и жесток, даже если ее законы фальшивы и несправедливы».

«А это уже называется “радости заднего ума”. Скажи это жертвам многовековых религиозных преследований. Что тебе больше понравится: висеть на дыбе или жить в чистеньком маленьком бунгало на острове Уайт? Думаю, ответ угадать легко».

«И вот еще что...»

«Но ты не ответила на мое последнее замечание».

«Что ж, возможно, ты ошибаешься. И вот еще что. Индивид утрачивает веру и нация утрачи-

вает веру — разве это не одно и то же? Гляди, что случилось с Англией. С той, Старой Англией. Она перестала верить. Да, конечно, она еще чего-то там себе химичила. Нормально получалось. Но все это было не всерьез».

«Ага, значит, теперь речь о нациях? Чья бы корова мычала, Марта. Думаешь, нация, у которой есть серьезные убеждения, пусть даже капризные и жестокие, автоматически лучше? Вернем инквизицию, попросим на бис Великих Диктаторов, Марта Кокрейн имеет честь представить...»

«Хватит. Я не могу объяснить, не насмехаясь над собой. Слова просто следуют своей собственной логике. Как разрубить узел? Забыть слова? Пусть слова иссякнут, Марта...»

Перед ее мысленным взором возник образ, общий для тех, кто когда-то занимал эти скамьи. Конечно, Гиллиамус Трентинус и Энн Портер не в счет, но лейтенанту Роберту Тимоти Петтигрю, и Кристине Маргарет Бенсон, и Джеймсу Торогуду с Уильямом Петти он, возможно, знаком. Женщина, сброшенная с обрыва и повисшая в воздухе, женщина, ступившая одной ногой на тот свет, перепуганная и ошеломленная — и все же в итоге благополучно возвращенная на землю. Ощущение, что падаешь, падаешь, падаешь

— мы испытываем его всю жизнь, каждодневно, — вдруг уходит... и ты осознаешь, что падение замедлилось, смягчилось благодаря незримому воздушному потоку, о существовании которого никто и знать не знает. Краткий, растянувшийся на вечность миг — абсурдный, невозможный, невероятный, истинный. Яйца, лежавшие в корзинке, побились от толчка — но и только. Этот момент стал началом новой, яркой, большой жизни.

Позднее момент был приватизирован и переписан, растиражирован и опошлен; она сама приложила к тому руку. Но без опошления никогда не обходится. Жить всерьез — значит восславить чудо в его первозданном виде: вернуться в прошлое, увидеть его, вдохнуть запах. Здесь-то они с доктором Максом и расходятся. Ты и сам можешь подозревать, что чудесного события вообще не было или, по крайней мере, оно имело мало общего со своей общепринятой версией. Но пусть все неправда — славь этот образ и миг, славь, живи им, живи. Это единственный шанс привнести в свою жизнь капельку серьезности.

Она положила на алтарь новые цветы, а давешние, засохшие за неделю, хрупкие и крошащиеся, забрала. Неловко затворила за собой тяжелую

дверь, но запирать ее не стала — вдруг еще кто придет. Оставь вигвам, стог и чаши.

3: Ингленд

Размеренными ударами — в воздухе так и мелькали слитые воедино рука и тусклый металл — Джез Харрис отбивал косу. У викария имелась древняя «Атко» на бензиновой тяге, но Джез предпочитал все делать по-человечески; кроме того, покосившиеся надгробия были разбросаны по кладбищу без всякого порядка, кое-где сбиваясь в хаотичные стайки, — с механической косилкой тут замучаешься. Стоя на том конце погоста, Марта смотрела, как Харрис, нагнувшись, затягивает кожаные ремешки под коленками своих бриджей. Затем, поплевав на ладони и смачно выругавшись выдуманными словами, он принялся разить пырей ползучий и розовоцветный иван-чай, васильки и вику. Пока бурьян не подрастет вновь, Марта сможет читать высеченные в камне имена своих будущих спутников и спутниц.

На дворе было начало июня, до праздника оставалась неделя, и погода-притворщица строила из себя лето. Ветер утих, и медлительные шмели не столько летели, сколько плыли сквозь густой аромат свежескошенной травы. Опушен-

ный серебром рябчик беспечно разминулся с бабочкой-бархатницей. И только неугомонная пеночка-кузнечик, шныряя в поисках насекомых, не снимала с себя ярмо трудолюбия. Со времен, когда Марта была маленькой, дикие птицы осмелели. На днях она чуть не наступила на дубоноса, который невозмутимо раскалывал вишневую косточку.

На погосте царила непринужденная разруха — ущерб, наносимый временем, приобретал тут смягченную, учтивую форму. Опасный крен кремнеземной изгороди скрывали водопадообразные кущи мха, прозванного «дедкиной бородкой». Рядом притулились темно-пунцовый бук — две из его усталых ветвей были подперты деревянными костылями — и покойницкая с крышей в форме циркумфлекса (каковую крышу давно уже пора было чинить). Поросшие лишайником доски скамьи, на которой сидела Марта, громко жаловались даже на тяжесть ее опасливо примостившегося тела.

«Пеночка, пеночка, ты, непоседушка, не собираешься в стаи». Откуда это? Только что пришло на ум. Нет, неверно: оно вечно хранилось у нее в голове, а теперь, воспользовавшись оказией, на миг залетело в сознание. Как уже заметила

Марта, ее память все чаще выдает информацию наобум. Разум все еще работает четко, подумала она, но стоит ему прилечь отдохнуть, как на поверхность немедленно всплывает разнообразнейший мусор от всех прожитых лет. Много лет назад, в среднем возрасте, или зрелости, или... (подставьте собственный термин), ее память была прагматичным объяснительным механизмом. Детство, к примеру, вспоминалось как последовательность инцидентов, которые объясняли, почему ты стала той, кем стала. Теперь же сбоев все больше — так цепь велосипеда соскакивает со «звездочки», — а причинно-следственных рядов все меньше. Впрочем, возможно, твой мозг просто-напросто начинает обиняками указывать на истину, от которой ты всячески отбрыкиваешься: той, кем ты стала, ты стала не в результате объяснимых причин и следствий, не из-за наложения волевых актов на обстоятельства, а так, по чистому капризу природы. Всю жизнь ты била крыльями, но куда тебя занесет, решал лишь ветер.

— Мистер Харрис?

— Можете звать меня Джезом, мисси Кокрейн, как все кличут.

Кряжистый кузнец распрямился с хрустом в

коленях. Он был одет в крестьянский наряд, который выдумал сам, — сплошные карманы, ремни и складки в самых неожиданных местах, этакая помесь фольклорных костюмов, в каких танцуют «моррис», и мазохистского прикида.

— По-моему, тут горихвостка еще сидит на яйцах, — сказала Марта. — Вот тут, за «дедкиной бородкой». Смотрите не вспугните.

— Знамо дело, мисс Кокрейн. — Джез Харрис дернул себя за длинный, свисающий на лоб вихор, отдавая дань своему амплуа комика-деревенщины. — Говорят, горихвостки приносят удачу тем, кто их гнезд не разоряет.

— Так говорят, мистер Харрис? — переспросила Марта, состроив недоверчивую гримасу.

— В нашей деревне — говорят, мисс Кокрейн, — отрезал Харрис, намекая, что сравнительно недавний приезд Марты в здешние места не дает ей права оспаривать историю.

И двинулся дальше — косить заросли бутеня одуряющего. Марта улыбнулась сама себе. Забавно, что у нее язык не поворачивается называть его Джезом — но ведь и «Харрис» в приложении к нему такая же туфта. Джез Харрис ранее был Джеком Ошински, младшим юрисконсультом одной американской фирмы по производству

электроники. С наступлением Чрезвычайщины он теоретически должен был покинуть страну — но предпочел остаться, архаизировать свое имя и технологию: ныне он подковывал лошадей, делал кольца для бочек, точил ножи и серпы, изготавливал ключи, укладывал дерн на клумбах и гнал ядовитый самогон, в который, перед тем как разливать его по стаканам, предварительно полагалось окунуть раскаленную докрасна кочергу. Женитьба на Венди Темпль смягчила и снабдила местными обертонами его чикагский акцент; не зная устали, он упоенно изображал из себя сиволапого мужичину всякий раз, когда в деревню забредал очередной антрополог, журналист или лингвист, неумело закамуфлированный под туриста.

— Скажите, пожалуйста, — начинал беседу пытливый странник в подозрительно чистеньких сапогах, — вон то скопление деревьев имеет какое-то особое название?

— Название? — орал Харрис от своего горна, наморщив лоб и колотя по пунцовой подкове, аки полоумный ксилофонист. — Название? — повторял он, уставив на любопытного свои едва заметные под лохматой гривой глаза. — Энто, значит, будет Галлеевская роща, любая недоре-

занная собака знает. — И презрительно швырял подкову в кадку с водой, дабы пар и шипение придали его неприветливости особый драматический эффект.

— Галлеевская роща... Это, случайно, не связано... с кометой Галлея? — Законспирированный дегустатор лужицы, которую являла собой эта отставшая от прочего человечества страна, уже начинал жалеть, что не может достать блокнот или диктофон.

— Кометой? Какой еще кометой? Здеся отродясь комет не бывало. Или про Эдну Галлей не слыхали? Ну да, вестимо, нашенские о таком балакать не любят. Клопомор, а не дело, ежели вы меня спросите, чистый клопомор.

После чего с хорошо рассчитанной неохотой, а также ненавязчиво жалуясь на голод, кузнец Харрис, урожденный юрист Ошински, позволял угостить себя почечным пудингом в «Восходящем солнце» и, прихлебывая эль-со-стаутом, излагал намеками, воздерживаясь от прямых утверждений, истории о колдовстве и суевериях, о сексуальных ритуалах в лунном сиянии, мороках, из-за которых люди убивают собственную домашнюю скотину, и прочих обычаях совсем недавнего прошлого. До слуха прочих завсегда-

таев паба доносились таинственно увядающие на полпути фразы: Харрис то и дело осекался, тут же переходя на мелодраматический шепот. «Оно, конечно, викарий отнекивается...» — вот что они узнавали вкупе с: «Хоть всех тут опроси, любой поклянется, будто о старой Эдне не слыхивал, но она обмывала их, когда они нарождалися, и обмывала их, когда они преставлялися, да и промеж энтих двух монментов...»

Время от времени местный учитель, мистер Маллин, пытался объяснить Джезу Харрису, что фольклор — тем более вымышленный — не должно продавать за деньги либо выменивать по бартеру. Учитель был человек тактичный и несмелый, а потому не шел дальше общих слов и апелляций к принципам. Зато прочие деревенские в выражениях не стеснялись: с их точки зрения, сказительский дар и алчность Харриса были родимым пятном его неальбионского происхождения.

Как бы то ни было, упреки Харрис выслушивал с невинным видом, после чего, поминутно подмигивая и почесывая башку, радушно делал мистера Маллина персонажем своих баек.

— Не извольте беспокоиться, господин учитель, сэр. Старина Джез насчет вас с Эдной ни-ни, роток

на замок, да я вот энтой самой косой себе потроха порежу, ежели мое хлебало начнет балакать про то дело...

— Да перестаньте вы, Джез, — возражал учитель, бессознательно признавая свое поражение уже тем, что обращался к Харрису по имени. — Я просто хотел вам посоветовать, чтобы вы немного смиряли свою фантазию, когда кормите этих людей баснями. Если вам нужны местные легенды, я охотно дам вам почитать книги, у меня их множество. Это сборники фольклора.

В прежней жизни мистер Маллин торговал старинными книгами.

— Матушка Хозяюшка Дождевых Туч и все такое? Вот что я вам скажу, господин учитель, сэр, — тут Харрис строил смущенно-горделивую рожу, — я им такое тоже пытался впаривать, только дудки. Не идеть! Джезовы байки им больше по вкусу, вот вам истинный крест. Вы с мисс Кокрейн читайте вместе свои книжки при свечке...

— О господи, Джез, может быть, довольно?

— А небось пригожая бабенка была когда-то энта мисс Кокрейн, а? Говорят, у ней нижнюю юбку прям с веревки украли в подзатот понедельник, когда старый барсук Брок резвился под луной на

Висельном холме...

Вскоре после этой встречи мистер Маллин, серьезный и смущенный, весь розовое лицо и кожаные заплатки на локтях, постучался в дом Марты Кокрейн с черного хода и объявил, что ровным счетом ничего не знает о краже белья, о пропаже которого не имел ровным счетом никакого понятия, пока... пока...

— Джез Харрис? — спросила Марта с улыбкой.

— Неужели вы хотите сказать?..

— Думаю, я уже немного старовата для того, чтобы моя бельевая веревка вызывала чей-то интерес.

— Ах он... ах он разбойник.

Мистер Маллин был робким, нервным человеком. Ученики прозвали его «Трясогузик». Он согласился выпить чашечку мятного чая и, уже не впервые, решился облечь свои нарекания к кузнецу в несколько более резкую форму.

— Видите ли, мисс Кокрейн, в каком-то смысле я вынужденно принимаю его сторону — как не вешать лапшу на уши всем этим соглядатаям и зевакам, которые скрывают свои истинные намерения. Пусть обманщик сам будет обманут — так, по-моему, звучит эта фраза, хотя я сейчас что-то запамятовал, кто ее автор. Может быть,

Марциал...

— Однако?

— Да, спасибо, но однако я бы предпочел, чтобы он ничего не высасывал из пальца. У меня масса литературы по мифам и легендам, пусть берет, пожалуйста! Выбор богатейший. Хватит на целую экскурсию. Пусть ведет их на Висельный холм и рассказывает про Безголового Палача. Или про матушку Хозяюшку Дождевых Туч и ее Сияющих Гусей.

— Но это будут уже не его собственные истории?

— Да, это будут НАШИ истории. Это будет... правда, — неуверенно проговорил Маллин. — Ну хорошо, неправда — но зафиксированная в источниках. — (Марта глядела на него без всякого выражения на лице.) — В общем, вы меня поняли.

— Я вас поняла.

— Но мне кажется, что вы на его стороне, мисс Кокрейн. Вы его одобряете, не так ли?

— Мистер Маллин, — произнесла Марта, прихлебывая мятный чай, — когда доживаешь до моего возраста, часто обнаруживаешь, что ты, в общем-то, уже ни на чьей стороне. Другими словами, что ты на стороне всех сразу. Выбирайте

ту формулировку, которая вам больше нравится.

— О боже, — вздохнул мистер Маллин. — Видите ли, я-то считал, что вы — одна из нас.

— Возможно, за свою жизнь я знала слишком много ра-а-азных «мы».

Учитель вытаращился так, словно заподозрил в ней отъявленную изменницу и почти точно распознал — плохую патриотку. В классе он был весьма требователен к ученикам. Он вдалбливал в их головы местную геологию и народные баллады, происхождение топонимов и миграционные маршруты птиц, а также список королевств Гептархии (куда полегче «Графств Англии», думалось Марте). Он водил детей к северной окраине Киммериджинской формации и демонстрировал старинные приемы борьбы, которым научился по иллюстрациям в энциклопедиях.

Именно мистеру Маллину пришло в голову возродить или — поскольку достоверность исторических преданий вызывала некоторые сомнения — учредить вновь деревенский праздник. Как-то после обеда в дом Марты Кокрейн явилась официальная делегация в составе викария и учителя. Все знали, что она, в отличие от большинства нынешних жителей деревни, действительно выросла в сельской местности.

Вкушая кофе из цикория и песочное печенье, они вытягивали из нее воспоминания.

— Три морковки — длинные, — отвечала она. — Три морковки — короткие. Три морковки — произвольной формы.

— Да?

— Поднос с овощами. Поднос с овощами. Поднос разрешается украсить, но исключительно петрушкой. Цветную капусту выставлять строго со стеблями.

— Да?

— Шесть штук фасоли обыкновенной. Шесть штук фасоли огненно-красной. Шесть штук фасоли карликовой.

— Да?

— Банка варенья. Все выставляемые козы должны быть самками. Банка сыра лимонного. У неразвязанных телок фризской породы должно быть видно не более двух резцов.

Марта отыскала брошюру в поблекшей красной обложке. Гости перелистали ее. «Три георгина кактусовых, 6–8 д. — в одной вазе», — читали они. Затем: «Пять георгинов “Помпон”, менее 2 д. в диаметре». И еще: «Пять георгинов “мини-шар”». И еще: «Три георгина декоративных, выше 8 д. — в трех вазах». Хрупкий сборник списков

казался осколком горшка, оставшимся от невероятно замысловатой и, очевидно, прогнившей изнутри цивилизации.

— Конкурс на лучший маскарадный костюм для наездника? — задумчиво произносил преподобный Колмен. — Две кованые вешалки для одежды? Изделие из соленого теста? Лучший маленький земледелец (допускаются дети до пятнадцати лет?)? Собака, которую судье захочется взять домой?

Учитель, при всем своем уважении к книжному знанию, реагировал холодно.

— Наверно, учитывая все аспекты, нам лучше начать с нуля.

Викарий кивнул в знак согласия. «Реестр номинаций премии приходского сельскохозяйственно-садоводческого общества» так и остался лежать на столе.

После их ухода Марта перелистала книжечку, в очередной раз вспоминая запах пивного павильона, и как стригли овец, и как родители раскачивали ее до самого неба. И мистера Э. Джонса, и сияние фасоли на черном бархате. Спустя целую жизнь она впервые задалась вопросом, не сжульничал ли мистер Джонс ради своего шедевра. Теперь уже не узнать: огородник и сам

давно стал навозом.

С ржавых скреп брошюры соскальзывали страницы; а вот упал сухой листок. Она положила его, твердый и серый, на ладонь и лишь по фестонам на его краях догадалась, что листок дубовый. Наверно, тогда, много лет назад, она подобрала его и сохранила с конкретной целью: в такой вот день, как сегодня, напомнить себе о каком-то тогдашнем дне. Вот только что это был за день? Памятка не сработала; ни одно воспоминание о радости, успехе или просто удовлетворенности не вернулось к ней: ни солнечного луча, вдруг озарившего листву, ни домовой ласточки, хлопочущей под карнизом, ни запаха сирени. Такую вот свинью она подложила юной Марте, так как утратила юношескую систему ценностей. Хотя можно повернуть и по-другому: юная Марта подложила свинью старой, не сумев предвидеть старческую систему ценностей.

Джез Харрис миновал каскад «дедкиной бородки» на цыпочках, не потревожив горихвостку, обеспечив себе удачу, согласно им же придуманной новехонькой примете. Нельзя сказать, чтобы его коса и садовые ножницы придали погосту очень уж аккуратный вид, но теперь кладбище хотя бы не казалось вконец заброшенным,

да и упорядоченная жизнь птиц и бабочек не была нарушена. Взгляд Марты, а за ним — и ее мысль последовали за порхающей серницей на юг, через низину, через полоску воды, мимо меловых возвышенностей к другому кладбищу со сверкающими белокаменными стенами и чисто вымытым дерном. Туда дикую природу не допустят; будь это в человеческих силах, кладбище защитили бы от червей и даже от самого времени. Ибо ничто не должно покушаться на загробный покой первого барона Питмена Фортюбисского.

Даже Марта не держала на сэра Джека зла за его разрыв с метрополией. Остров был его идеей и его успехом. Крестьянское восстание Пола и Марты оказалось, как засвидетельствовало время, лишь маловажной интерлюдией, давно вычеркнутой из анналов истории. Также сэр Джек быстро покончил с пагубной склонностью некоторых служащих слишком уж рьяно отождествляться с ролями. Новый Робин Гуд и его новые Веселые Стрелки вернули разбойничью жизнь в благопристойное русло. Королю без обиняков напомнили о святости брачных уз. Доктора Джонсона отправили в дьеппскую больницу, где как психотерапевты, так и новейшие психотропные препараты оказались не в силах извести его

ложную личность. Оставалось лишь назначить ему курс сильнодействующих успокоительных, дабы купировать суицидальные тенденции.

Предсказание Марты оказалось не слишком точным — в гендиректорском кресле Пол продержался довольно долго, а именно года два; затем, немного поломавшись, пожаловавшись на свой преклонный возраст и неохоту вновь взваливать на себя неподъемное бремя, сэр Джек вновь завладел браздами правления. Вскоре после этого обе палаты парламента присвоили ему специальным голосованием титул первого барона Питмена Фортюбисского. Решение было принято *nem con*[37], и сэр Джек заключил, что от такой чести отказался бы лишь очень тщеславный человек. Доктор Макс взрастил для нового барона правдоподобное генеалогическое древо, и особняк владыки Острова начал соперничать с Букингемским дворцом как по роскоши, так и по уровню посещаемости. Сэр Джек частенько смотрел в окно на Мэлл и королевское жилище в ее противоположном конце, говоря себе, что его последняя великая мысль, его Девятая симфония, принесла ему заслуженное богатство,

---

[37] Примечания: 37
Nemine contradicente (лат.) — единогласно.

мировую известность и восторженное признание со стороны бирж, сделала его феодалом-землевладельцем. Нет, не зря его прозвали новатором и генератором идей.

И даже по отношению к смерти он не утратил своего бойцовского духа. Лежать на одной земле со всякой мелкой сошкой ему не очень-то хотелось. И потому основатель Острова сам спроектировал место своего последнего упокоения. Храм Святой Милдред в Уиппингхэме — домовая церковь Осборн-хауса — разобрать и возвести заново на возвышенности среди теннисоновских холмов, чьи столь милые Гостям просторы, возможно, когда-нибудь будут переименованы, но, разумеется, лишь при условии достаточно решительного волеизъявления самих островитян. Погост площадью в два акра — окружить белокаменной стеной с вставленными там и сям мраморными плитами, на которых начертать избранные, самые неувядающие афоризмы сэра Джека. В центре, на невысоком возвышении, поместить мавзолей Питмена, искусно, сообразно с его назначением, украшенный, но, в общем, изысканно-простой. Великие люди и в смерти должны быть скромны. В то же самое время было бы нецелесообразно игнорировать требования,

предъявляемые Гостями к будущей крупнейшей достопримечательности Англии, Англии.

Свои последние месяцы сэр Джек провел, одним глазом следя за прогнозом погоды, а другим — инспектируя чертежи архитекторов. С каждым днем в нем укреплялась вера в знаки и предзнаменования. Как где-то обмолвился гениальный Вильям, звучный плач небес нередко предвещает кончину великого человека. Не кто иной, как Бетховен, скончался под рокот грозы прямо у него над головой. Последние слова, прозвучавшие из уст гения, были похвалой англичанам. «Да благословит их Бог», — сказал он. Будет ли со стороны сэра Джека тщеславием — или, напротив, истинным смирением? — повторить эту фразу, пока небеса будут протестовать против его собственного ухода в мир иной? Так первый барон Питмен и умер, обдумывая свою прощальную эпиграмму, удовлетворенно созерцая синее, прозрачное небо.

Похороны были сплошная напыщенность да вереницы лошадей с черными плюмажами; некоторые из пришедших горевали искренне. Но Время, а точнее, внутренняя динамика родного детища сэра Джека, его Проекта, нашло способ с ним расквитаться. В первые месяцы после кончи-

ны Самые Почетные Гости посещали мавзолей, чтобы поклониться праху покойного, почитать настенные мудрости сэра Джека и в задумчивости удалиться. Вместе с тем они по-прежнему охотно записывались на экскурсии по питменовскому особняку в конце Мэлл — может быть, даже охотнее, чем раньше. Эта пылкая преданность лишь подчеркивала атмосферу запустения и меланхолии, царящую в здании после смерти владельца, и Джефф с Марком оба согласились, что настраивать Гостей на философский лад, конечно, следует, но вот на депрессивный... И тут логика бизнеса ниспослала им озарение, яркое, как буквы на стене Валтасарова дворца: сэр Джек должен жить, и он будет жить.

Прослушивания проходили отнюдь не гладко, но в итоге был найден Питмен, который после знакомства с историческими материалами и непродолжительных репетиций оказался не хуже старого. Сэр Джек — прежний сэр Джек — был бы в восторге от того факта, что его преемник переиграл чуть ли не все главные роли в пьесах Шекспира. Воскрешенный сэр Джек вскоре обрел популярность: выпрыгивая из своего ландо, он запросто углублялся в толпу, он читал лекции по истории Острова, он принимал в своем особняке

Особо Почетных Гостей — высших руководителей турфирм. На «Обед с Питменом в “Чеширском сыре”» Гости стекались толпами. Единственным отрицательным с коммерческой точки зрения моментом было лишь то, что посещаемость мавзолея упала столь же резко, как корзинка Бетси, — порой Гостей там бывало меньше, чем садовников. Большинству людей казалось, что утром улыбаться человеку, а вечером посещать его могилу — это как-то бестактно.

На Острове правил уже третий сэр Джек, когда Марта после многих десятилетий скитаний вернулась в Ингленд. Она стояла на носу парома, раз в три месяца отправлявшегося из Гавра; то и дело гудя, судно неуверенно входило в гавань Пула; подставив щеки мелким водяным брызгам, Марта размышляла, найдет ли пристань сама и если да, то какую. Паром причалил; с борта на пирс перекинули сходни; запрокинутые головы искали глазами кого угодно, но только не Марту. Она сошла на берег последней. Она была одета в самые старые вещи из своего гардероба; и все же таможенник с бакенбардами отдал ей честь, когда она остановилась перед его полированной дубовой стойкой. Свой староанглийский паспорт Марта сохранила и вдобавок все эти

годы тайком платила налоги. Эти две предосторожности гарантировали ей редкостный статус Санкционированного Иммигранта. Таможенник, в костюме из плотного синего сержа, в добротных сапогах-веллингтонах, поднес к глазам золотой карманный хронометр, висевший у него на поясе, и занес точное время ее репатриации в журнал с сафьяновой обложкой. Он был явно моложе Марты, но глядел на нее, словно на давно потерянную дочь. «Лучше одна заблудшая овечка, не обессудьте за дерзость, мэм». Вернув ей паспорт, он вновь отдал честь и свистнул оборванному мальчишке, чтобы тот поднес ее багаж до кеба.

Что ее удивило при наблюдении со стороны — это как быстро все развалилось. Нет, «развалилось» — это несправедливо, это в духе газеты «Таймс» (по-прежнему выходящей в Райде). Официальное мнение Острова, патриотически проповедуемое Гэри Джеймсом и его преемниками, сводилось к самому элементарному злорадству. Старая Англия все стремительнее утрачивает власть, территории, богатство, влияние и население. На фоне Старой Англии светочем прогресса покажется самая отсталая провинция какой-нибудь Турции и прочей Португалии. Старая Англия, сама себе перерезав глотку, валяется

в канаве под призрачным газовым фонарем, и ее единственная миссия — служить наглядным предостережением для других наций. «ИЗ КНЯЗИ В ГРЯЗИ» — резюмировал положение дел презрительный заголовок в «Таймс». Старая Англия потеряла свою историю, а следовательно (поскольку индивидуальность — это память, а память — это индивидуальность), напрочь потеряла себя.

Но был возможен и другой взгляд на ситуацию; будущие историки, даже самые предвзятые, несомненно, согласятся выделить два различных периода. Первый начался с рождением «Проекта “Остров”» и длился все то время, пока Старая Англия — примем для удобства этот термин — пыталась конкурировать с Англией, Англией. Для метрополии это было время неуправляемого пике. Рухнула экономика, доселе державшаяся на туризме; денежно-кредитную систему погубили биржевые спекулянты; с отъездом монаршей четы среди аристократов распространилась мода на эмиграцию, так что лучшие особняки страны скупили в качестве дач европейцы с Континента. Шотландия, сбросив с себя многовековое иго, приобрела обширные земли вплоть до старых промышленных городов Севера; и даже Уэльс

раскошелился, чтобы расшириться за счет Шропшира и Херфордшира.

После нескольких попыток помочь утопающей Британии Европа отказалась выбрасывать деньги на ветер. Некоторые сочли, что Европа нарочно отступилась от государства, которое когда-то соперничало с Континентом; решила, дескать, отыграться за прошлые века. Поговаривали, что, собравшись за тайным ужином на Елисейских Полях, президенты Франции, Германии и Италии провозгласили тост: «Падающего толкнем». Ну хорошо, может, это и апокриф, но документы, с большими трудами добываемые в Брюсселе и Страсбурге, подтверждали: для многих высших государственных деятелей Европы Старая Англия — скорее аллегория нравственно-экономической греховности, чем достойный адресат безотлагательной финансовой помощи; эту страну надлежит изображать как обиталище мотов и не мешать ее падению в пропасть, дабы чересчур алчные представители других народов не очень-то зарывались. Последовали даже символические кары: «время по Гринвичу» заменили «среднепарижским временем», а английскую соль переименовали в германскую.

Начался массовый исход беженцев. Лица

вест-индского и азиатского происхождения возвращались в процветающие страны, откуда когда-то, спасаясь от голода, прибыли их прапрадеды. Другие приглядывались к Соединенным Штатам, Канаде, Австралии и континентальной Европе; но эмигрантов из Старой Англии, на чьих лицах словно лежала печать невезения, в этих государствах принимать не спешили. Европа, основываясь на одном из подпараграфов Веронского договора, лишила староангличан права на свободу передвижения по территории Евросоюза. Греческие эсминцы патрулировали Ла-Манш, перехватывая лодки с нелегалами. В связи со всем этим исход несколько замедлился.

Естественной политической реакцией на кризис было избрание Правительства Обновления, которое поклялось оздоровить экономику, хранить парламентский суверенитет и вернуть утраченные земли. Для начала оно вновь сделало основной денежной единицей старый фунт, против чего мало кто протестовал, так как английский евро все равно утратил статус конвертируемой валюты. Вторым шагом было послать на север войска для возвращения территорий, которые были официально объявлены оккупированными (хотя на самом деле их всего

лишь продали). «Блицкриг» освободил почти весь Западный Йоркшир, к немалому смятению его населения, но после того, как США поддержали решение Евросоюза о предоставлении шотландской армии неограниченного кредита и наисовременнейшего оружия, произошло сражение при Ромбальдс-Муре — и пришлось заключить позорный Уитонский договор. Тем временем французский Иностранный легион под шумок вторгся на Нормандские острова, и иск об их возвращении историческим владельцам, поданный французами, был удовлетворен Международным судом в Гааге.

После Уитонского договора дестабилизированная, обремененная репарациями страна отказалась от политики Обновления — или, по крайней мере, того, что традиционно понималось под Обновлением. Это и послужило началом второго периода, о котором еще долго будут спорить будущие историки. Одни утверждают, что в этот миг у страны просто опустились руки; другие — что среди жестоких испытаний у нее внезапно открылось второе дыхание. Однако бесспорно уже то, что традиционные, общепризнанные цели нации — экономический рост, политическое влияние, военная мощь и нрав-

ственное превосходство — были теперь забыты. Новые политические лидеры ратовали за новую самодостаточность. Они отказались от членства в Европейском союзе — выкидывая на переговорах такие безумные фортели, что им в итоге еще и приплатили, чтобы наконец-то спровадить, — запретили торговлю с остальным миром, лишили иностранцев права владеть недвижимым и движимым имуществом на территории страны, а также распустили армию. Желающих эмигрировать выпускали; желающих иммигрировать впускали лишь в особых случаях. Отъявленные шовинисты кричали, будто эти меры превратят великую торговую державу в отшельницу, питающуюся одними орехами, но патриоты-модернизаторы чувствовали душой, что для народа, переутомленного собственной историей, это единственный реалистичный выход. Старая Англия запретила въезд туристов иначе как группами по два человека или меньше и ввела замысловатый, достойный византийской бюрократии визовый режим. Старое административное деление на графства было упразднено; страну разделили на новые провинции, в целом повторявшие королевства Англо-Саксонской Гептархии. И наконец, страна окончательно от-

кололась от остального земного шара и Третьего Тысячелетия, сменив название на «Ингленд».

Мир начал потихоньку забывать, что слово «Англия» когда-то означало нечто иное, чем «Англия, Англия», а Остров немало потрудился, подкрепляя это ложное воспоминание; одновременно те, кто оставался в Ингленде, начали забывать о существовании мира за его пределами. Разумеется, народ обеднел, но само слово «бедность» звучит не так ужасно, когда перед глазами больше нет образчиков богатства. Если бедность не влечет за собой недоедания и ухудшения здоровья, это уже не бедность, но добровольная аскеза, а те, кому еще не надоела тщета всего сущего, могут свободно эмигрировать. Кроме того, инглендцы отказались от многих достижений в области связи, когда-то казавшихся жизненно важными. Последним писком моды стали письма на бумаге и перьевые ручки, АТС с живыми телефонными барышнями и семейные посиделки у радиоприемника в час, когда передают «Театр у микрофона»; понемногу все эти модные обычаи превратились в настоящие жизненные принципы. Города пустели; транспортные артерии были заброшены — по железным дорогам бегало лишь несколько паровозиков-«кукушек»; на дорогах

царили лошади. Возобновилась добыча угля; каждое королевство стремилось не походить на другие; возникли новые диалекты со своими новыми лексико-фонетическими особенностями.

Марта и сама не знала, чего ждать, когда одноэтажный автобус цвета сливы со сливками доставил ее в самое сердце Уэссекса, в деревню, предоставившую ей вид на жительство. Мировая пресса писала об Ингленде исключительно с голоса лондонского «Таймс», изображая страну оплотом дремучего провинциализма и помешательства на анахронизмах. Перья карикатуристов с натужным постоянством рисовали пару сиволапых мужиков: один, пользуясь ручным насосом, откачивает второго от самогонной передозировки. Писали, что преступность торжествует, несмотря на все усилия полисменов на велосипедах; злоумышленников не сдерживают даже вновь возрожденные колодки. А близкородственные браки, как считалось, породили новую, на диво безмозглую породу деревенских дурачков.

Разумеется, на землю метрополии уже много лет как не ступала нога островитянина; правда, одно время эскадрилья имени Битвы за Британию взялась развлекаться, проводя воздушную

разведку над Уэссексом. Закрыв глаза плексигласовыми очками, под треск отреставрированных радиопомех в наушниках, «Джонни» Джонсон и прочие герои в овчинных куртках с изумлением отмечали отсутствие внизу всего, о чем только можно помыслить: транспорта на дорогах, линий электропередачи, уличных фонарей, рекламных щитов — в общем, всей этой жизненно важной структуры общества. А видели они мертвые, расчищенные бульдозерами спальные районы городов, теряющиеся в кустах четырехрядные автострады, цыганские таборы, раскинувшиеся на бугристом, как подтеки вулканической лавы, асфальте. Тут и там изумрудными заплатками сияли молодые леса: одни хаотичные, природные, другие — с четкими контурами, изобличающими вмешательство человека. Жизнь внизу производила впечатление медлительной и маломерной. Целесообразные просторные поля вновь, как в старые времена, распались на узкие полоски; деловито крутились ветряные мельницы; прочищенный канал бодро отражал пестро раскрашенные баржи и впряженных в них усталых лошадей. Иногда далеко-далеко на горизонте в воздухе повисал дымный след паровоза. Летчики любили носиться на бреющем, устраивая сюр-

призы деревням: испуганные лица с разинутыми, как чернильницы, ртами, жеребец, закусивший удила на мосту, у будочки сборщиков подати, и его всадник, бессильно грозящий небу кулаком. Тогда, с самодовольным смехом, герои выписывали в небе букву «V» — знак победы, прибавляли газу пальцем в обтрепанной перчатке и брали курс на базу.

Пилоты видели то, что хотели видеть: причудливые анахронизмы, маломощность, разруху. От их внимания ускользали иные, менее заметные со стороны перемены. После многолетнего отсутствия в Ингленд вернулись первозданные времена года. Зерно вновь произрастало на соседнем поле, а не прибывало грузовыми самолетами; первая картошка по весне была экзотическим лакомством, а айва и тутовые ягоды по осени — верхом сибаритства. Распространилось убеждение, что спелые плоды — дар Фортуны, и дождливое лето означало, что чатни из зеленых помидоров будет вдоволь. Приближение зимы измерялось порчей яблок в кладовой и растущим нахальством хищных зверей. Поскольку времена года могли при случае очень подгадить человеку, их стали больше уважать, отмечая их начало трогательно-серьезными ритуалами. Много лет

погода была вынуждена довольствоваться жалкой ролью предлога, оправдывающего дурное настроение; теперь же она стала важнейшим фактором, непостижимой внешней силой, систематически посылающей награды и кары, причем вторые явно превалировали. Промышленные выбросы, всякие там горячие газы и технические воды, больше не вмешивались в ее дела, и погода властвовала своенравно, ни с кем не считаясь: скрытная, имманентная, капризная, она порой грозилась чудесами. Туманы имели свой характер и маршруты, гром вернул себе божественный статус. Реки разливались, море прорывало дамбы, а когда половодье спадало, с верхушек деревьев доставали утонувших овец.

Пейзаж отмылся от химических красок, цвета стали спокойнее, свет — чище; луна в отсутствие конкуренции восходила теперь более горделиво. В лесах и на лугах, заполонивших всю страну, без помех плодилась всякая живность. Умножилось поголовье зайцев; оленей и кабанов с ферм выпускали в леса; городские лисы вернулись к более здоровому режиму питания — кровоточащему, еще трепещущему мясу. Люди вернулись к стародавней практике землепользования; возродились деревенские общины; поля и фермы

становились все меньше; вновь высаживались живые изгороди. Бабочки наглядно доказывали своим разнообразием, что старые энтомологические определители не зря были такими толстыми; перелетные птицы, много поколений назад решившие, что над ядовитым островом надо пролетать как можно быстрее и зажав клюв, теперь оставались на нем подольше, а некоторые вообще решили осесть. Домашние животные становились мельче и проворнее. Вновь стали популярными мясные блюда — и браконьерство. Детей посылали в лес по грибы, и самые храбрые, откусив на пробу маленький кусочек, объявляли, что впали в транс; другие выкапывали загадочные корни или курили косяки с сушеным папоротником, притворяясь, будто тащатся по полной программе.

Деревня, где Марта жила шестой год, была маленьким скоплением домов у развилки, где от автострады отходила дорога на Солсбери. Много десятков лет грузовики расшатывали обшитые досками фундаменты домов, а бензиновый чад коптил стены; все окна были с двойными стеклами, и только дети или пьяные переходили дорогу без особой на то необходимости. Теперь же расколотая автострадой деревня вновь срослась. По

щербатому асфальту с хозяйским видом расхаживали куры и гуси; здесь же дети чертили мелом «классики»; треугольную общинную лужайку колонизовали утки, отважно защищавшие свой маленький пруд. На чистом ветру сохло белье, прикрепленное деревянными прищепками к веревкам. Поскольку черепицы больше негде было достать, домики вновь стали крыть тростником и соломой. Поскольку транспорт отсутствовал, деревня чувствовала себя безопаснее и уютнее; поскольку не было телевидения, сельчане больше разговаривали друг с другом, хотя тем для разговора как-то поубавилось. Скрыться от любопытных глаз не удавалось никому; бродячих торговцев встречали опасливо; детей укладывали спать, распалив их воображение историями о разбойниках и цыганах, хотя мало кто из родителей видел живого цыгана, а разбойника — так вообще никто.

Деревенские не были идиллическими пейзанами — но нелепыми дистопированными горожанами их тоже нельзя было назвать. Настоящих дурней тут не водилось — самозабвенный фигляр Джез Харрис не в счет. Если глупость, многократно упомянутая лондонской «Таймс», и наличествовала, она была старомодная, основан-

ная на незнании, то есть не чета современной, основанной на знании. Преподобный Колмен был благонамеренный зануда, рукоположенный заочной семинарией по почте. Учителя мистера Маллина скорее уважали, чем слушались, — но порой и слушались. Лавка работала по иррациональному расписанию, придуманному специально, чтобы сбить с толку самых верных покупателей; пиво в паб возили из Солсбери, а жена кабатчика не умела даже сэндвич приготовить. Напротив дома Фреда Темпля, седельщика, сапожника и цирюльника, находилась живодерня для бездомных животных. Дважды в неделю тряский автобус возил деревенских в город на базар, минуя сельскую больницу и Уэссекский дом умалишенных; шофер, которого все звали просто Джорджем, всегда охотно выполнял поручения домоседов. Преступность существовала, но в культуре добровольной аскезы она редко поднималась выше кражи цыплят. Жители приучились оставлять домики незапертыми.

Вначале Марта вся таяла от сентиментальности, пока кабатчик Рей Стаут — бывший контролер с платного шоссе — не перегнулся через стойку в своем заведении, чтобы сдобрить ее джин с тоником следующей фразой:

— Полагаю, наше маленькое сообщество вы находите весьма забавным?

Затем она впала в уныние из-за плоского ландшафта и нелюбознательности сельчан, пока Рей Стаут не вызвал ее на бой, спросив: «Ну как, соскучились уже по ярким огням, простите, если чего не так сказал?» Наконец она привыкла к мирной и неизбежной рутине, опасливости, бесконечному соглядатайству, чувству бессилия, умственным инцестам, долгим вечерам. Она подружилась с парой сыроваров — бывшими биржевыми брокерами; она заседала в приходском совете и ни разу не пропустила своей очереди украшать церковь цветами. Она взбиралась на холмы; брала книги в передвижной библиотеке, которая делала остановку на общинной лужайке каждый второй вторник. На огороде выращивала турнепс «Снежок» и капусту «Красная барабанная», салат «Батский», цветную капусту «Святогеоргиевская» и лук «Герой Рушэм-Парка». В память о мистере Э. Джонсе она растила больше фасоли, чем ей требовалось: «Ножички-в-футляре» и «Крашеную леди», «Золотую масляную» и «Алого императора». Ни одна из этих фасолин, на ее взгляд, не стоила черного бархата.

Разумеется, ей было скучно, но ведь в Ингленд

она вернулась не как фанатичка, а скорее как перелетная птица. Она ни с кем не спала, старела, наизусть знала контуры своего одиночества. Она не была уверена, правильно ли поступила сама и правильно ли поступил Ингленд — может ли нация вывернуть наизнанку свои обычаи и жизненный путь? Что это, массовое помешательство на анахронизмах, как утверждает «Таймс», или черта, изначально таившаяся в натуре, в истории народа? Дивная новая идея, стремление к духовному возрождению и нравственной самодостаточности — как утверждают политики? Или всего лишь неизбежная, вынужденная реакция на экономический крах, массовую эмиграцию и месть Европы? В деревне подобные вопросы не обсуждались — и это, возможно, означало, что страна наконец-то выздоровела от своей нервной, псориазообразной рефлексии.

А со временем и сама Марта вписалась в деревню, ибо перестала терзаться своими особыми личными проблемами. Она больше не устраивала сама с собой дебаты о том, является ли жизнь банальностью, и если да, то что из этого проистекает. Но все равно не разобралась, чему обязана этим новообретенным покоем — зрелости или усталости. Теперь она ходила в церковь в

качестве деревенской жительницы, среди других деревенских, которые оставляли свои зонтики на крыльце с худой крышей и высиживали беззубые проповеди, меж тем как их желудки взывали к ноге ягненка, отданной по дороге в церковь пекарю, чтобы тот поджарил ее в своей печи. Яко твои есть лекарство, лилии, сказка: красивый стишок не хуже всех прочих.

После обеда Марта обычно выходила со своего участка через заднюю калитку, пересекала, вспугнув суетливых уток, лужайку и поднималась по извилистой тропке на Висельный холм. Пешие туристы — по крайней мере, настоящие — теперь появлялись редко, и каждую весну глубоко протоптанная тропка вся зарастала травой. Чтобы продираться сквозь шиповник, она надевала ветхие жокейские брюки и выставляла вперед локоть, отстраняя настырные ветки боярышника. Тут и там на тропинку выбегали ручьи, и кремешки у нее под ногами начинали отсвечивать пурпуром. Взбираясь в гору с терпеливостью, обретенной лишь на закате жизни, она выходила на общинный выгон, занимавший, вкупе с несколькими вязами, верхушку Висельного холма.

Марта села на скамейку, зацепившись вет-

ровкой за ржавую металлическую табличку — напоминание о давно умершем фермере, и окинула взглядом поля, которые этот фермер когда-то пахал. Блекнут ли цвета, когда твои глаза стареют? Или же дело в другом: в юности твое восхищение миром передается всему, что видишь, и делает цвета ярче? Ландшафт, который она рассматривала, был раскрашен в оттенки буйволовой кожи и охры, пепла и крапивы, сланца и бутылок, чалых лошадей и бурых коров. На этом фоне бродило несколько рыжеватых овец. Скудные приметы людского присутствия также соответствовали природным законам скромности, нейтральности и камуфляжа: лиловый сарай фермера Бейлиса, когда-то вызвавший на приходском совете долгий спор на тему эстетики, практически выцвел до светло-гематомного оттенка.

Марта понимала, что и сама тоже блекнет. Осенило ее внезапно: как-то раз она хорошенько пробрала маленького Билли Темпля, который посбивал хворостиной головки с розового куста в саду викария, а мальчик — с горящими глазами, непокорный, в обвисших гольфах — упрямо набычился и, удирая, крикнул через плечо: «А мой папа говорит, что вы старая дева». Марта

пошла домой и взглянула на себя в зеркало: растрепанные, выбившиеся из-под заколок волосы, серая ветровка, клетчатая рубашка, деревенский румянец, взявший реванш после многолетней обработки лица всяческими кремами, а в глазах эдакая, как ей показалась — хотя ей ли судить? — кротость, в них словно молока капнули. Что ж, старая дева так старая дева — если уж ее так воспринимают...

И все же больно уж странный зигзаг описала ее жизнь: она, столь искушенное в жизни дитя, столь трезвомыслящая взрослая дама, обернулась старой девой. Конечно, не той, традиционной, обязанной этим званием своему пожизненному целомудрию, неустанной заботе о престарелых родителях и абстрактной высоконравственности. Помнится, когда-то среди христиан, в том числе очень молодых христиан, была мода объявлять себя — отъявленная, кстати, наглость — вновь рожденными во Христе. Почему бы Марте не стать вновь рожденной старой девой? Впрочем, возможно, мораль сей басни такова: сколько ни трать на внутренние борения — хоть всю жизнь, — все равно станешь тем, кем кажешься со стороны. Это и есть твоя натура, нравится она тебе или нет.

Чем занимаются старые девы? Они одиноки, но участвуют в жизни деревни; они благовоспитанны и не выказывают ни малейшего понятия об истории сексуальности; правда, иногда у них бывает какая-то своя история, свое минувшее, свои давние потери и разочарования, о которых они предпочитают молчать; они гуляют в любую погоду — для здоровья, знают толк в горчичных ваннах и приносят больным крапивный суп; они хранят скромные сувениры, пронзительный смысл которых не понять чужакам; они читают газеты.

Итак, Марта вроде бы оказывала услугу окружающим, одновременно принося удовольствие себе самой, когда каждую пятницу, вскипятив молока для своего утреннего кофе из цикория, усаживалась в кресло с «Уэссекскими ведомостями». Всю неделю она с нетерпением предвкушала ту густопсовую местную ограниченность, которой была пропитана вся газета. С реальностью, которую ты знаешь лично, общаться невообразимо приятно; скучновато, конечно, но свой шесток есть свой шесток. В Среднем Уэссексе уже много лет как не бывало авиакатастроф и государственных переворотов, геноцида, перехвата крупных партий наркотиков, африканского голода и гол-

ливудских браков; а потому прессой такие темы не затрагивались. Ни слова не прочтет она и об острове Уайт, как он все еще именуется в метрополии. Некоторое время назад Ингленд отказался от всех территориальных притязаний на владения барона Питмена. То был необходимый акт окончательного разрыва отношений, хотя мало кто оценил его красоту. Лондонская «Таймс» саркастически сравнила Ингленд с промотавшимся отцом, торжественно отказывающимся платить по счетам сына-миллионера.

В метрополии все еще выходили кое-какие журналы, в которых можно было прочесть об увлекательных событиях за морями и проливами; но «Уэссекские ведомости» и их коллеги были из другого теста. «Ведомостями» они именовались не зря, так как новостей не содержали; скорее то был список принятых решений и недавних происшествий. Цены на скотину и корма; биржевые цены на овощи и фрукты; приговоры акцизных и мировых судов; подробные реестры движимого имущества, выставляемого на аукционы; золотые, серебряные и просто исполненные надежд на будущее счастье свадьбы; праздники, фестивали, дни открытых дверей в садах и парках; результаты спортивных состязаний на

уровне школ, приходов, округов и королевства; рождения; похороны. Марта читала газету от корки до корки, уделяя особое внимание тем страницам, которые вроде бы не представляли для нее никакого интереса. Она жадно впивалась глазами в списки товаров, продаваемых хандредвайтами, стоунами и фунтами за суммы, исчисляемые в фунтах, шиллингах и пенсах. Вряд ли это была ностальгия, поскольку большинство из этих мер было отменено до того, как она достигла сознательного возраста. А может, это все же была ностальгия, только иная, еще более подлинная: тоска не по вещам, которые ты видела или могла видеть в детстве, но по вещам, которые вышли из обихода задолго до тебя. Итак, с дотошностью, которая при всей своей искусственности не была натужной, Марта отмечала, что свекла твердо держится на отметке тринадцать и шесть пенсов за хандредвайт, в то время как лопухи за неделю подешевели на шиллинг. Она ничуть не удивлялась: с чего люди вообще взяли, будто лопухи съедобны? На ее взгляд, все это ретровегетарианство объяснялось скорее модой, чем тягой к правильному питанию или бедностью. Люди просто пока не видят разницы между простотой и умерщвлением плоти.

Внешний мир попадал в «Ведомости» лишь от случая к случаю: как источник погоды, как пункт назначения перелетных птиц, покидающих сейчас Средний Уэссекс. Также еженедельно печаталась карта звездного неба. Ее Марта рассматривала не менее пристально, чем сводку сельскохозяйственной биржи. Где искать Сириус, что за тускло-красная планета висит над горизонтом на востоке, как распознать Пояс Ориона. Вот две сферы, которым должна посвящать себя человеческая душа, думалось Марте, область сугубо местного и область практически вечного. Чуть ли не всю жизнь она истратила на ту разномастную ерунду, что болтается в промежутке между этими двумя сферами: на карьеру, деньги, секс, несчастную любовь, внешность, тревоги, страхи, томление. Пусть люди скажут, что нехитрое дело — отринуть все то, что уже успел перепробовать; что теперь она старая женщина, или дева, и что будь она вынуждена собирать с грядок свеклу, вместо того чтобы лениво отслеживать ее котировки, она бы сильнее пожалела обо всем отринутом. Что ж, вероятно, так и есть. Но сколько ни отвлекайся на промежуточную ерунду — всем придется умирать. А как себя готовить к неизбежной яме на свежевыкошенном погосте

— ее личное дело.

Деревенский праздник пришелся на один из типично инглендских ветреных дней раннего июня, когда вечно грозит пойти моросящий дождик, но нервные тучи тут же уносятся, ибо им давно уже надлежит быть над соседним королевством Гептархии. Марта глядела из своего кухонного окна на пологую треугольную лужайку, где рвался с привязи засаленный шатер. Вокруг него ходил кузнец Харрис, проверяя натянутые канаты и вбивая деревянным молотком колышки поглубже в землю. Делал он это с хозяйским видом, горделиво, словно исключительное право на совершение сего священного ритуала передавалось в роду Харрисов из века в век. Марта по-прежнему не знала, что и думать о Джезе; с одной стороны, его ужимки отдавали неприкрытой фальшью; с другой стороны, этот горожанин-американец с фиглярским выговором едва ли не больше всех походил на настоящего крестьянина и истово отдавался сельской жизни.

Итак, шатер был надежно закреплен, и к нему уже скакала на лошади, разметав по ветру светлые кудри, Джеки Торнбилл, племянница Джеза. Джеки избрали Майской Королевой, хотя кто-то заметил, что на дворе уже начало июня, а кто-то

другой возразил, что «Майская Королева» — это от майского дерева, а не от месяца, так ведь? Побежали советоваться с учителем Маллином, который пообещал справиться по книгам и затем доложил, что титул происходит от цветка майского дерева, которым традиционно украшались волосы Королевы, но поскольку майское дерево, по идее, должно расцветать в мае... В общем, мама Джеки сделала для дочки картонную корону и раскрасила ее золотой краской; Джеки надела корону, и дело с концом.

Право и обязанность объявить праздник открытым принадлежали викарию. Преподобный Колмен жил в старом пасторском доме, у самой церкви. Его предшественники квартировали в панельном коттедже, давно уже снесенном. Старый пасторский дом опустел с Чрезвычайщиной, когда его последний мирской владелец, французский бизнесмен, вернулся на родину. Деревенские считали естественным, что в пасторском доме должен жить священник, как курица — в курятнике, но викарию не позволяли очень уж задирать нос — не может же курица строить из себя индюшку! Пусть преподобный Колмен не думает, что с его возвращением в здание, за много столетий обжитое его предшественниками, в церковь

вернулся Бог, а в жизнь деревни — христианская мораль. Вообще-то большинство прихожан и так жили по смягченному варианту христианской этики. Но в церкви по воскресеньям они искали скорее светского общения и мелодичных псалмов, чем советов по спасению души и обещаний жизни вечной. Викарий, человек неглупый, даже не пытался ввести какую-либо принудительную теологическую систему; жизнь вскоре научила его, что после морализаторских проповедей на серебряное блюдо сыплются только пуговки от кальсон да обесцененные евро.

И потому преподобный Колмен не позволил себе даже ритуального замечания, что, дескать, милосердный Господь в этот знаменательный день отвел от деревни дождь. Как истый экуменист, он даже у всех на виду пожал руку Фреду Темплю, наряженному красным чертом. Когда же фотограф из «Ведомостей» попросил их сняться вместе, священник лукаво наступил ногой на длиннющий хвост Фреда, а сам нарочито скрестил пальцы в суеверном, почти языческом жесте, отгоняющем нечистую силу. Затем он произнес короткую речь, в которой упомянул имена почти всех жителей деревни, объявил праздник открытым и резко — мол, валяйте по-

живее — махнул оркестру из четырех человек, поместившемуся рядом с грязным шатром.

Оркестр — туба, труба, детская волынка и скрипка — начал с «Правь, Британия, морями», которую одни из местных сочли псалмом, исполненным в знак уважения к викарию, а другие — эстрадной песенкой прошлого века, кажись, ее «Битлы» пели? Затем вокруг лужайки обошла, не ведая ритма, нестройная процессия: Майская Королева Джеки неуклюже восседала на отмытом с шампунем тяжеловозе шайрской породы, чья грива и гирлянды развевались на ветру куда живописнее Джекиных завитых угольными щипцами волос; Фред Темпль, обмотав свой красный хвост вокруг шеи, катил на дребезжащем, неудержимо пускающем газы тракторе с миллионом приводных ремней; Фил Хендерсон, хозяин птичьего двора, гениальный механик, ухажер светловолосой Джеки, вел свой открытый «мини-купер», который отыскал в заброшенном сарае и переделал: теперь машина ездила на сжиженном бытовом газе; и наконец, после долгих шутливых уговоров, к кавалькаде присоединился полисмен Браун на своем велосипеде, высоко держа дубинку, не снимая левой руки со звонка, с прищепками на брюках и маскарадными усами

над верхней губой. Этот разномастный квартет раз шесть обогнул лужайку, пока даже близкие родственники не сочли, что нахлопались достаточно.

Были лотки с лимонадом и имбирным пивом; предлагалось сыграть в кегли и боулинг (приз — поросенок), а также угадать вес гусыни; имелся аттракцион «Сбей орех», причем в знак уважения к древней традиции половина кокосов была приклеена к чашкам, так что деревянный шарик рикошетом отлетал прямо в метателя; деревенские охотно искали подарки в кадке с отрубями и пытались с завязанными глазами срезать яблоко. Шаткие козлы ломились от кексов с тмином и всяческих домашних консервов: варенья, джемов, маринованных огурцов и чатни. Кабатчик Рей Стаут, с нарумяненными щеками, в съехавшем набок тюрбане, обнажавшем высокий, с залысинами лоб, сидел на корточках в темной будочке, предлагая всем погадать по цикориевой гуще. Дети могли поиграть в «приставь ослу хвост» и нарисовать себе усы и бороды жженой пробкой, а за полупенс их впускали в палатку с тремя старинными кривыми зеркалами, где маленькие зрители немели от изумления.

Праздник шел своим чередом. Состоялись «Бега

трехногих», которые выиграли Джеки Торнбилл с Филом Хендерсоном; глядя на их проворство в этом малограциозном спорте, кумушки отметили, что муж да жена (а в данном случае жених и невеста) — одна сатана. Двое смущенных парней в добротных, свободного покроя льняных куртках показали приемы корнуоллской борьбы; демонстрируя всяческие «летучие кобылы», они все время косились на тренера Маллина, который стоял наготове с раскрытой энциклопедией. На конкурс карнавальных костюмов Рей Стаут явился в облике королевы Виктории (румян он с лица не стер, но тюрбан скинул); здесь же присутствовали лорд Нельсон, Белоснежка, Робин Гуд, Боадицея и Эдна Галлей. Марта Кокрейн решила отдать свой скромный голос Эдне Галлей (она же Джез Харрис), хотя та как две капли воды была похожа на королеву Викторию в интерпретации Рея Стаута. Однако мистер Маллин призвал дисквалифицировать кузнеца на том основании, что конкурсанты должны наряжаться реальными людьми; тут же, на немедленно созванном чрезвычайном заседании приходского совета был поднят вопрос о реальности Эдны Галлей. Джез Харрис в ответ оспорил реальность Белоснежки и Робин Гуда. Одни говорили, что реальны лишь те,

кого люди видели; другие — что реальны лишь те, про кого написано в книгах; третьи — что реален всяк, в кого верит много народу. Спорщики, воодушевленные самогоном, самоуверенные, как может быть самоуверен лишь невежда, приводили аргумент за аргументом.

Марте стало скучно. Ее внимание привлекли детские лица, на которых читалось охотное и все же далеко не примитивное доверие к реальности. Дети еще не достигли возраста недоверия и пока еще пребывают в возрасте чуда, подумалось ей, следовательно, они продолжают верить, даже когда им не очень-то верится. Для ребенка глазастый карлик с грудью-бочонком в кривом зеркале — он сам и не он сам, и оба настоящие. Малыши отлично видят, что королева Виктория — всего лишь замотанный шалью Рей Стаут с раскрашенным лицом, но верят в королеву Викторию и Рея Стаута одновременно. Как та старая «загадочная картинка» из психологических тестов: что это, бокал или два обращенных друг к другу профиля? Дети без труда способны переключаться с одного образа на другой или видеть оба сразу. Ей, Марте, это уже не по силам. Сколько бы она ни таращила глаза, перед ней всего лишь самозабвенно валяющий дурака Рей Стаут.

Можно ли возродить простодушие? Или это все равно будет искусственный продукт, ветка, привитая к древнему недоверию? О чем гласят эти детские лица — что простодушие возродимо или что она, Марта, — чувствительная дура? Полисмен Браун, набравшись самогона, опять катается по общинной лужайке, звеня в звонок и отдавая всем встречным честь дубинкой. Полисмен Браун получил свою лицензию, сто лет назад пройдя двухмесячную стажировку в частной охранной фирме; он не приписан ни к одному полицейскому участку и со дня своего приезда в деревню не изловил ни одного преступника; зато у него есть мундир, велосипед, дубинка и усы, которые вот-вот отклеятся окончательно. И похоже, этого вполне достаточно.

Марта Кокрейн покинула лужайку, когда в воздухе повис чадный дым, а танцы сделались развязнее. Поднявшись по тропке на Висельный холм, она села на скамью, обращенную к деревне. Интересно, здесь действительно была виселица? Качались ли здесь трупы, на которых сидели, деловито выклевывая глаза, вороны? Или название — лишь выдумка с туристическим прицелом и восходит оно к начитавшемуся готических романов викарию позапрошлого века? На миг

Марта вообразила себе Висельный холм в качестве достопримечательности Острова. Заводные вороны? Прыжок на «тарзанке» с эшафота, чтобы почувствовать себя в шкуре висельника, а затем — брудершафт с Безголовым Палачом? Гостям бы понравилось.

Внизу запылал костер, вокруг которого теперь кружила вереница танцующих конгу с Филом Хендерсоном во главе. Он размахивал пластиковым флагом с георгиевским крестом. Святой Георгий, небесный покровитель Англии, Арагона и Португалии, вспомнила она, а также защитник Генуи и Венеции. Конга, национальный танец Кубы и Ингленда. Оркестр, подкрепившись самогоном, жарил программу сначала, точно закольцованная магнитная лента. «Британских гренадеров» сменили «Мыльные пузырики-ки-ки-ки», затем, автоматически предсказала Марта, будут «Пенни Лейн» и «Правь, Британия, морями». Вереница танцующих — червяк из пантомимы — пошатывалась и заплетала ногами, но все же каждый раз приспосабливалась под новый ритм. Джез Харрис начал запускать «джеков-попрыгунчиков», что вызвало детский визг и смех. Тихоходное облако кокетливо соскользнуло с лика идущей на прибыль луны. Под ногами у Марты

что-то зашуршало. Нет, не барсук, несмотря на все красивые байки кузнеца: всего лишь кролик.

Луна снова скрылась за облаками; холодало. Оркестр, в последний раз одолев «Правь, Британия», угомонился. Теперь до ее ушей доносились лишь подложные птичьи трели, а именно звонок полисмена Брауна. В небо по диагонали вознеслась неуверенная ракета. Вокруг угасающего костра обращалась вереница танцоров, укоротившаяся до трех человек. Такой день стоит запомнить. Праздник учрежден — и похоже, уже обзавелся своей историей. Ровно через двенадцать месяцев будет коронована новая Майская Королева и новые судьбы — предсказаны по цикориевой гуще. Неподалеку вновь раздалось шуршание. И вновь это оказался не барсук, но еще один кролик, бесстрашный, бестрепетно уверенный в своих территориальных притязаниях. Понаблюдав за ним несколько секунд, Марта Кокрейн встала и начала спускаться с холма.